

ISSN 2541-9250

НАУКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ©

международный научный журнал

16+

108
март
2026
Часть 1

НАУКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№108 (МАРТ)

2026

Часть I

ISSN 2541-9250

НАУКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

Международный научный журнал

Ежемесячное научное издание

№3 (108) 2026

Журнал входит в систему НЭБ (Научная электронная библиотека) на платформе eLIBRARY.RU

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

За достоверность и полноту сведений, изложенных в публикациях, а также за точность информации по цитируемой литературе, ответственность несут авторы статей

Публикуемые статьи рецензируются

Работы публикуются в авторской редакции

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

E-mail: nau-pri@naupri.ru

Адрес страницы в сети Интернет: www.naupri.ru

ISSN 2541-9250

9 772541 925005 >

© Авторы статей, 2026

© Редакция научного журнала «Наука через призму времени», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ: ЭВОЛЮЦИЯ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЗАЩИТНЫХ СООРУЖЕНИЙ ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Аллов Довлетяр Чарыгулыевич 5

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО СПОРАМ, СВЯЗАННЫМ С ОСПАРИВАНИЕМ СДЕЛОК БАНКА В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Зотова Ксения Антоновна 8

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВНЕДРЕНИЯ ESG ПРИНЦИПОВ В КРЕДИТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАНКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Киселева Татьяна Дмитриевна 12

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УТРАТЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ РЕЖИМОВ СУБЪЕКТАМИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Киселева Татьяна Дмитриевна 16

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОССУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Атакова Алена Алексеевна 20

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ БАНКОВСКИХ УСЛУГ

Бралина Ева Едыльевна 23

АНТИСАНКЦИОННЫЕ МЕРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: ПРЕДЕЛЫ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА В ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Завалённая Антонина Павловна 27

ПРОБЛЕМА КОДИФИКАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ: АРГУМЕНТЫ "ЗА" И "ПРОТИВ"

Кавунник Ксения Витальевна 30

РАСШИРЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ФНС РОССИИ В СФЕРЕ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ В 2026 ГОДУ

Карабулатова Дина Димовна 33

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ДОМИНИРУЮЩЕГО ПОЛОЖЕНИЯ НА ЦИФРОВОМ РЫНКЕ

Коновалова Алина Олеговна 38

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ БАНКОВСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Левина Елизавета Викторовна 40

ЭКОЛОГО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УЩЕРБ МОРСКИМ ЭКОСИСТЕМАМ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Леденева Екатерина Викторовна 43

НАЛОГОВЫЕ СТИМУЛЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НЕСЫРЬЕВОГО ЭКСПОРТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Леденева Екатерина Викторовна 47

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ И ПОДДЕРЖКИ БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Леденева Екатерина Викторовна 51

СООТНОШЕНИЕ ПРАВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ НОРМ

Логвиненко Вадим Андреевич 53

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ОБРАЩЕНИЯ С ПРОМЫШЛЕННЫМИ ОТХОДАМИ	
<i>Майоров Александр Николаевич</i>	59
СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ» И «НЕЗАКЛЮЧЕННОСТЬ» ДОГОВОРОВ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
<i>Матинян Роза Вардановна</i>	63
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ФИКСАЦИИ И АНАЛИЗА ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ	
<i>Погорелова Ангелина Николаевна</i>	66
ПРАВОВОЙ СТАТУС «ЗЕЛЕННЫХ» ОБЛИГАЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
<i>Садыкова Камилла Эльверовна</i>	69
КРАУДИНВЕСТИНГ (ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПЛАТФОРМЫ) КАК СПОСОБ ПРИВЛЕЧЕНИЯ КАПИТАЛА: ПРАВОВЫЕ РИСКИ ИНВЕСТОРА И ОРГАНИЗАТОРА	
<i>Садыкова Камилла Эльверовна</i>	73
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИГРАФА	
<i>Садыкова Камилла Эльверовна</i>	76
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БАНКОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СОМНИТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ	
<i>Фролова Мария Сергеевна</i>	79
ПРОБЕЛЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ БАНКРОТСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	
<i>Широкова Анна Дмитриевна</i>	86
ESG-ПРИНЦИПЫ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ	
<i>Шуляк Валерия Алексеевна</i>	88
СВИДЕТЕЛЬСКАЯ ОШИБКА. НЕНАДЕЖНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК УГРОЗА ПРАВОСУДИЮ	
<i>Юшкова Александра Сергеевна</i>	95

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 623.3.4

АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ: ЭВОЛЮЦИЯ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЗАЩИТНЫХ СООРУЖЕНИЙ ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ**Аллозов Довлетяр Чарыгулыевич**

преподаватель

Туркменский государственный архитектурно-строительный институт

факультет гражданской обороны

Туркменистан, г. Ашгабат

Аннотация. В статье рассматривается трансформация подходов к проектированию объектов гражданской обороны (ГО) в контексте современного гражданского строительства. Проанализирован переход от строительства узкоспециализированных защитных сооружений к интеграции объектов двойного назначения в городскую инфраструктуру. Особое внимание уделено архитектурно-планировочным и конструктивным требованиям, обеспечивающим устойчивость зданий к динамическим нагрузкам, а также системам жизнеобеспечения.

Ключевые слова: гражданская оборона, защитные сооружения, объекты двойного назначения, архитектурно-планировочные решения, убежища, ударная волна, подземная урбанистика.

ARCHITECTURAL AND CONSTRUCTION ASPECTS OF CIVIL DEFENSE: EVOLUTION AND DESIGN OF DUAL-USE PROTECTIVE STRUCTURES**Alovov Dovletyar Ch.**

Turkmen State Architecture and Construction Institute

Turkmenistan, Ashgabat

Abstract. The article examines the transformation of approaches to the design of civil defense (CD) facilities within the context of modern civil engineering. The author analyzes the transition from specialized, single-purpose protective structures to the integration of dual-use facilities into urban infrastructure. Special attention is paid to architectural, planning, and structural requirements that ensure building stability against dynamic loads, as well as the implementation of essential life support systems. The study highlights the economic and social efficiency of utilizing underground spaces for protective purposes during peace and emergency periods.

Keywords: civil defense, protective structures, dual-use facilities, architectural and planning solutions, shelters, blast wave, underground urbanism, structural resilience.

В условиях современного развития городов и меняющейся геополитической обстановки, интеграция инженерно-технических мероприятий гражданской обороны (ИТМ ГО) в гражданское строительство приобретает первостепенное значение. Сегодня обеспечение безопасности населения требует не просто возведения отдельно стоящих укрытий, а комплексного подхода на этапе градостроительного проектирования. Плотная городская застройка диктует необходимость рационального использования подземного пространства.

Эволюция защитных сооружений: сквозь призму времени. Развитие архитектуры объектов ГО можно разделить на несколько исторических этапов:

- **Середина XX века (эпоха Холодной войны):** Акцент делался на строительство глубоких, автономных бункеров (убежищ I-II классов), рассчитанных на прямое или близкое воздействие ядерного взрыва. Такие объекты требовали колоссальных капиталовложений и в мирное время практически не использовались.
- **Конец XX – начало XXI века:** Переход к концепции укрытий в подвальных помещениях жилых домов и на станциях метрополитена.
- **Современный этап:** Концепция **сооружений двойного назначения (СДН)**. Сегодня нормы проектирования (например, СП 88.13330 «Защитные сооружения гражданской обороны») ориентированы на то, чтобы в мирное время объект приносил экономическую или социальную пользу, а в особый период — в кратчайшие сроки (обычно до 12-24 часов) переводился в режим укрытия [1].

Архитектурно-планировочные и конструктивные требования. Проектирование СДН накладывает жесткие ограничения на архитектурные решения. К основным особенностям относятся:

1. **Объемно-планировочные решения:** Разделение на основные (помещения для укрываемых) и вспомогательные зоны (фильтровентиляционные камеры, санузлы, тамбур-шлюзы). Обязательно наличие минимум двух эвакуационных выходов, разнесенных в пространстве для предотвращения одновременного завала.
2. **Защита от избыточного давления:** Ограждающие конструкции (стены, перекрытия) рассчитываются на воздействие ударной волны.

При расчете конструкций на прочность применяется перевод динамической нагрузки от ударной волны в эквивалентную статическую. Базовая зависимость выражается формулой:

$$P_{eq} = K_d \cdot \Delta P_f$$

где P_{eq} — эквивалентная статическая нагрузка, K_d — коэффициент динамичности (учитывающий упруго-пластическую стадию работы железобетона), а ΔP_f — расчетное избыточное давление во фронте ударной волны.

3. **Герметизация и системы жизнеобеспечения:** Сооружения оснащаются защитно-герметическими дверями (ЗГД), противовзрывными устройствами (ПВУ) на вентиляционных шахтах и системами регенерации воздуха, позволяющими людям находиться в изоляции от внешней среды заданное время (обычно до 2 суток).

Интеграция объектов двойного назначения в современную архитектуру [2]. Наиболее эффективными примерами адаптации объектов гражданской обороны в мирное время являются:

- **Подземные автопаркинги** под жилыми комплексами и торговыми центрами. (Наиболее частый сценарий, требующий усиления колонн и перекрытий нулевого цикла).
- **Подземные пешеходные переходы** и станции метрополитена.
- **Складские помещения** и спортивные залы в цокольных этажах зданий.

Главная архитектурная задача здесь — скрыть массивные защитные элементы (гермодвери, вентиляционные короба) за эстетичными решениями мирного времени: фальш-панелями, съёмными перегородками и элементами дизайна.

В заключение. На основании проведенного анализа архитектурно-строительных аспектов гражданской обороны можно сделать следующие выводы:

1. **Смена парадигмы проектирования:** Произошел качественный переход от создания узкоспециализированных «закрытых» объектов к проектированию **сооружений двойного назначения (СДН)**. Это позволяет эффективно интегрировать защитные функции в гражданскую инфраструктуру (паркинги, торговые центры, метрополитен), обеспечивая их экономическую окупаемость в мирное время.
2. **Техническая сложность:** Современная архитектура объектов ГО требует междисциплинарного подхода. Расчеты на динамические нагрузки (воздействие ударной волны) и требования к герметизации диктуют использование специфических конструктивных решений: усиленного армирования, специальных марок бетона и сложной геометрии входных групп (тамбур-шлюзов).
3. **Автоматизация систем жизнеобеспечения:** Инженерное оснащение современных убежищ эволюционирует в сторону интеллектуальных систем управления. Использование автоматизированных фильтровентиляционных установок и систем автономного энергоснабжения позволяет минимизировать риски, связанные с человеческим фактором в чрезвычайных ситуациях.
4. **Урбанистический потенциал:** Развитие подземной урбанистики является ключевым вектором для крупных мегаполисов. Интеграция ИТМ ГО на этапе мастер-планирования города позволяет создать «защитный каркас» без ущерба для эстетики и функциональности городской среды.

В целом, анализ тенденций в архитектуре и строительстве показывает, что гражданская оборона перестала быть исключительно военной дисциплиной, превратившись в неотъемлемую часть гражданского проектирования. Развитие концепции сооружений двойного назначения позволяет найти баланс между высокой стоимостью защитных конструкций и экономической рентабельностью зданий. Грамотная интеграция ИТМ ГО еще на этапе эскизного проекта — залог создания не только красивой и функциональной, но и безопасной городской среды будущего.

Список литературы:

Нормативно-правовые акты и стандарты (Фундамент исследования):

1. СП 88.13330.2022 «Защитные сооружения гражданской обороны». Актуализированная редакция СНиП II-11-77*. — М.: Минстрой России, 2022. (Главный документ для проектировщиков).
2. ГОСТ Р 42.4.03-2015 «Гражданская оборона. Защитные сооружения гражданской обороны. Классификация. Общие технические требования». — М.: Стандартинформ, 2015.
3. СП 118.13330.2022 «Общественные здания и сооружения». — М.: Минстрой России, 2022. (Важно в контексте зданий двойного назначения).

Научные монографии и статьи (Теоретическая база):

4. Котляревский В.А., Забегаев А. В. Строительство защитных сооружений и их эксплуатация. — М.: АСВ, 2019. — 340 с. (Классический учебник по расчету конструкций на динамические нагрузки).
5. Степанов В.Я. Архитектурно-планировочные решения сооружений двойного назначения в условиях плотной городской застройки. // Наука, образование и культура. — 2021. — № 4 (58). — С. 12-18.
6. Каммерер Ю.Ю. Защитные сооружения гражданской обороны: устройство и эксплуатация. — М.: Энергоатомиздат, 2020. (Обновленное издание по инженерным системам жизнеобеспечения).
7. Антонов С.П. Автоматизация систем фильтровентиляции в современных объектах ГО. // Вестник гражданской защиты. — 2023. — Т. 12, № 2. — С. 45-52.

Зарубежные источники (Для придания статье международного статуса):

8. FEMA P-424. Design Guide for Improving School Safety in Earthquakes, Floods, and High Winds. — Federal Emergency Management Agency, 2022. (Пример международного опыта проектирования безопасных зон в гражданских зданиях).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО СПОРАМ, СВЯЗАННЫМ С ОСПАРИВАНИЕМ СДЕЛОК БАНКА В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Зотова Ксения Антоновна

студентка бакалавриата

Кузьмина Мария Вячеславовна

к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права

Оренбургский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», г. Оренбург

Аннотация. статья посвящена анализу особенностей доказывания по спорам, связанным с оспариванием сделок кредитных организаций в деле о банкротстве. Рассматривается специфика правового регулирования банкротства банков, обусловленная их особым статусом, социальной значимостью деятельности и участием специальных субъектов, включая Банк России и Агентство по страхованию вкладов. Основное внимание уделено видам оспариваемых сделок, предусмотренных законодательством о несостоятельности, а также распределению бремени доказывания в зависимости от их правовой квалификации. Анализируются проблемы установления признаков неплатежеспособности банка, осведомленности контрагентов и наличия злого умысла при совершении сделок. На основе судебной практики выявляются типичные доказательственные сложности и формируются выводы о практической значимости правильного выстраивания доказательной стратегии для защиты интересов кредиторов и обеспечения эффективности конкурсного производства.

Ключевые слова: банкротство кредитных организаций; оспаривание сделок; конкурсная масса; бремя доказывания; подозрительные сделки; сделки с предпочтением; злоупотребление правом; неплатежеспособность банка; добросовестность контрагента; Агентство по страхованию вкладов.

FEATURES OF PROVING IN DISPUTES RELATED TO CHALLENGING BANK TRANSACTIONS IN BANKRUPTCY CASES

Ksenia Antonovna Zotova

undergraduate student

Kuzmina Maria Vyacheslavovna

candidate of Law, Associate Professor of the Department of Business and Natural Resource Law
Orenburg Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. The article examines the specific features of evidentiary standards in disputes concerning the avoidance of transactions concluded by credit institutions within bankruptcy proceedings. The study focuses on the peculiarities of the legal regulation of bank insolvency, обусловленные the special legal status of credit institutions, the social significance of their activities, and the involvement of specific public authorities, including the Central Bank of the Russian Federation and the Deposit Insurance Agency. Particular attention is paid to the types of avoidable transactions provided for by insolvency legislation, as well as to the allocation of the burden of proof depending on their legal qualification. The article analyzes the difficulties in establishing signs of a bank's insolvency, the counterparty's awareness of the debtor's financial distress, and the presence of intent to harm creditors. Based on judicial practice, typical evidentiary challenges are identified, and conclusions are drawn regarding the practical importance of developing an effective evidentiary strategy to protect creditors' interests and ensure the efficiency of bankruptcy proceedings.

Keywords: bankruptcy of credit institutions; avoidance of transactions; bankruptcy estate; burden of proof; suspicious transactions; preferential transactions; abuse of rights; bank insolvency; good faith of the counterparty; Deposit Insurance Agency.

Процедура банкротства кредитной организации представляет собой сложный и социально значимый процесс, направленный на соразмерное удовлетворение требований кредиторов. Под кредитной организацией, неспособной удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, понимается такая кредитная организация, у которой соответствующие обязанности не исполнены ею в течение четырнадцати дней

после наступления даты их исполнения и (или) стоимость имущества (активов) кредитной организации недостаточна для исполнения ее обязательств перед кредиторами и (или) обязанности по уплате обязательных платежей.¹ В условиях дефицита имущества банка-должника ключевым механизмом восстановления нарушенного баланса интересов выступает институт оспаривания сделок. Его целью является возврат в конкурсную массу активов, выведенных незаконным или недобросовестным путем накануне банкротства, что обеспечивает принцип равенства всех участников конкурсного производства.

Особую актуальность данная проблема приобретает именно в сфере банковской деятельности, для которой характерны масштабные и многочисленные операции, работа с привлеченными средствами населения и бизнеса, а также наличие тесных взаимосвязей с аффилированными лицами. Сделки, совершенные в преддверии отзыва лицензии, зачастую носят целенаправленный характер по выводу наиболее ликвидных активов, что наносит значительный ущерб добросовестным кредиторам и подрывает стабильность финансовой системы в целом.\

Процедура банкротства кредитных организаций имеет специальную правовую регламентацию, выделяющую её среди прочих дел о несостоятельности. Порядок признания кредитной организации банкротом закреплён в параграфе 4.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве); при этом для кредитных организаций предусмотрены особые основания и процедуры (включая участие Банка России и Агентства по страхованию вкладов), а срок неплатежеспособности для признания кредитной организации таковой составляет 14 дней. В ряде случаев применяются дополнительные досудебные меры по предупреждению банкротства (финансовое оздоровление, назначение временной администрации и др.), а порядок назначения конкурсного управляющего для банков имеет свои особенности: в ряде ситуаций конкурсного управляющего утверждает Агентство по страхованию вкладов либо Банк России. Как показывает практика (включая высокопубличные примеры, такие как дело ПАО «Банк «ЮГРА»»), эти процедурные и институциональные особенности оказывают существенное влияние на формирование доказательной базы и на оценку действий участников конкурсного производства, в том числе в спорах об оспаривании сделок.²

Особенности доказывания по спорам об оспаривании таких сделок становятся центральным элементом всей процедуры. Они заключаются в специфическом распределении бремени доказывания, необходимости установления признаков неплатежеспособности банка на момент совершения операции, а также в доказывании осведомленности контрагентов о его плачевном финансовом состоянии или даже их злого умысла. Арбитражному управляющему и Агентству по страхованию вкладов (АСВ) приходится сталкиваться со значительными сложностями в процессе формирования доказательственной базы, в то время как суды вынуждены оценивать правомерность банковских операций, руководствуясь критериями разумности и добросовестности.

Таким образом, комплексный анализ особенностей доказывания по данной категории споров, выявление типичных проблем и противоречий судебной практики представляется не только теоретически важным, но и имеющим высокую практическую ценность для обеспечения эффективности всего института банкротства кредитных организаций. Настоящая статья направлена на решение этой задачи.

В деле о банкротстве банка круг оспариваемых сделок строго определен законодательством и обусловлен целью сохранения конкурсной массы. Основу составляют два типа сделок, регламентированных Законом о банкротстве. Во-первых, это так называемые «подозрительные сделки» или сделки с предпочтением, подпадающие под критерии пункта 1 статьи

61.2 и статьи 61.3 Закона о банкротстве. Их отличительный признак — совершение в период подозрительности (за 6 месяцев до возбуждения дела о банкротстве или после него) и направленность на преимущественное удовлетворение требований одного кредитора в ущерб другим. Классическим примером является погашение кредита или выдача нового займа аффилированной компании накануне отзыва лицензии. Во-вторых, это более сложные составы — сделки, совершенные с целью причинения вреда кредиторам (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве). Для их оспаривания необходимо доказать наличие злого умысла у участников сделки, а срок давности для их оспаривания может достигать трех лет. К таким сделкам часто относятся различные операции по отчуждению активов по заведомо заниженной цене или безвозмездно.

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

² Русакова, П. А., Кузьмина, М. В. Некоторые правовые особенности конкурсного производства в отношении кредитных организаций, признанных банкротами / П. А. Русакова, М. В. Кузьмина // Молодой ученый. -2022. - № 17(412). — С. 240-244.

Что касается субъектного состава споров, то в роли истца практически всегда выступает арбитражный управляющий (конкурсный управляющий), которым в деле о банкротстве банка является Агентство по страхованию вкладов (АСВ). Его законный интерес заключается в увеличении конкурсной массы для последующего расчетов со всеми кредиторами. Ответчиками же являются контрагенты банка по оспариваемым сделкам — те юридические или физические лица, в пользу которых было совершено оспариваемое действие (получившие денежные средства, имущество, преимущество в виде залога). Нередко в качестве третьих лиц привлекаются руководители банка, своими действиями способствовавшие совершению таких сделок. Таким образом, спор приобретает классический характер противостояния между фигурой, ответственной за максимизацию возврата средств (АСВ), и получателем выгоды, который защищает свое приобретение.

Процесс доказывания является центральным и наиболее сложным элементом этих споров, причем его стратегия кардинально различается в зависимости от вида оспариваемой сделки. При доказывании «простых» подозрительных сделок по статье 61.3 Закона о банкротстве действует особое правило о распределении бремени доказывания. Истец (АСВ) обязан доказать лишь формальные признаки сделки: ее совершение в «период подозрительности» и тот факт, что она привела или могла привести к неравному удовлетворению требований кредиторов. Основная же тяжесть доказывания ложится на ответчика. Именно контрагент должен доказать, что он действовал добросовестно, не знал и не должен был знать о признаках неплатежеспособности банка. На практике АСВ предоставляет суду выписки по счетам, договоры и анализ финансового состояния банка, демонстрирующий его плачевное положение на момент сделки. В ответ контрагент, чтобы доказать свою добросовестность, может ссылаться на отсутствие публичной информации о проблемах банка, на его участие в системе страхования вкладов (для физических лиц) или на обычный хозяйственный характер операции.

Совершенно иная логика доказывания применяется к сделкам с «злым умыслом» по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве. Здесь бремя доказывания целиком и полностью лежит на АСВ. Управляющему необходимо представить суду убедительные доказательства того, что единственной или основной целью сделки было причинение вреда иным кредиторам, и что контрагент об этой цели знал. Поскольку прямой умысел редко документируется, суды принимают во внимание комплекс косвенных признаков. К таким признакам, согласно сложившейся судебной практике, относятся: аффилированность контрагента с собственниками или руководством банка; заведомо неэквивалентный характер сделки (например, продажа недвижимости по цене существенно ниже рыночной); отсутствие разумной экономической или хозяйственной цели; совершение операции в условиях уже очевидной и острой неплатежеспособности банка. Доказывание каждого из этих обстоятельств

требует от АСВ проведения финансово-экономических экспертиз, анализа цепочки собственников и проведения операций, а также сбора большого массива переписки и иных документов, указывающих на недобросовестность поведения сторон.

Яркой иллюстрацией сложностей доказывания в спорах об оспаривании сделок в рамках банкротства служит дело № А41-5163/2020 по иску конкурсного управляющего ООО «ТД Русское Олово» к ЗАО

«Алмет». В данном деле конкурсный управляющий оспаривал платеж должника на сумму 42 млн рублей как совершенный с предпочтением кредитора (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве) и как мнимая сделка (ст. 10, 170 ГК РФ).³⁴ Суд первой инстанции удовлетворил иск, приняв во внимание ключевой довод управляющего об отсутствии в материалах дела надлежащих доказательств фактической поставки товара, таких как подписанные товарные накладные или акты приемки.⁵ Это решение наглядно демонстрирует, как формальные пробелы в документальном оформлении сделки могут быть использованы для презумпции ее недобросовестности, перекладывая бремя доказывания реальности хозяйственной операции на контрагента. Последующее обжалование актуализировало проблему комплексной оценки всей совокупности доказательств, включая договор, счета и платежные поручения, а

³ Статья 10. Пределы осуществления гражданских прав // Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1. — Пределы осуществления гражданских прав, в ред. от 25.11.2025. — (Гражданский кодекс РФ).

⁴ Статья 170. Недействительность мнимой и притворной сделок // Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1. — Недействительность мнимой и притворной сделок, в ред. от 25.07.2025. — (Гражданский кодекс РФ).

⁵ Решение Арбитражного суда Кемеровской области по делу № А41-5163/2020 от 12.08.2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/z4nzHQxJVI5H/> (дата обращения: (07.10.2025))

не только отдельные формальные документы. Таким образом, данное дело подчеркивает критическую важность для контрагентов банка формирования безупречной и полной доказательственной базы, способной выдержать проверку на реальность, особенно в условиях оспаривания сделки в деле о банкротстве.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что институт оспаривания сделок в деле о банкротстве банка представляет собой сложный и многогранный механизм, эффективность которого напрямую зависит от правильного выстраивания процесса доказывания. Специфика данной категории споров обусловлена особым статусом кредитных организаций, массовым характером их операций и высокой социальной значимостью результатов банкротства.

Центральной проблемой в контексте доказывания является строгое распределение бремени доказывания в зависимости от юридического состава оспариваемой сделки. Как было установлено, по сделкам с предпочтением (ст. 61.3 Закона о банкротстве) действует презумпция осведомленности контрагента, что кардинально меняет стратегию сторон в судебном процессе и возлагает основную нагрузку по доказыванию на ответчика. Напротив, оспаривание сделок с целью причинения вреда кредиторам (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве) требует от арбитражного управляющего (АСВ) формирования сложной системы косвенных доказательств, свидетельствующих о злом умысле контрагентов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно выявляет и систематизирует ключевые доказательственные комплексы, используемые в судебной практике. Доказывание осведомленности контрагента при оспаривании «простых» подозрительных сделок основывается на анализе публичной информации и финансовых показателей банка, в то время как установление умысла требует глубокого анализа характера сделки, взаимоотношений сторон и хозяйственного контекста.

Перспективы дальнейшего развития института связаны с необходимостью преодоления существующих проблем в судебной практике, в частности, связанных с оценкой добросовестности контрагентов и установлением момента возникновения признаков неплатежеспособности. Совершенствование правоприменительного подхода будет способствовать достижению главной цели — обеспечению соразмерной защиты прав всех кредиторов несостоятельного банка и повышению устойчивости финансовой системы в целом. Таким образом, эффективный механизм оспаривания сделок выступает не просто техническим инструментом конкурсного права, а важнейшей гарантией восстановления нарушенных имущественных прав и принципа справедливости в процедуре банкротства.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
2. Русакова, П. А., Кузьмина, М. В. Некоторые правовые особенности конкурсного производства в отношении кредитных организаций, признанных банкротами / П. А. Русакова, М. В. Кузьмина // Молодой ученый. — 2022. — № 17(412). — С. 240-244.
3. Статья 10. Пределы осуществления гражданских прав // Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1. — Пределы осуществления гражданских прав, в ред. от 25.11.2025. — (Гражданский кодекс РФ).
4. Статья 170. Недействительность мнимой и притворной сделок // Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1. — Недействительность мнимой и притворной сделок, в ред. от 25.07.2025. — (Гражданский кодекс РФ).
5. Решение Арбитражного суда Кемеровской области по делу № А41-5163/2020 от 12.08.2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/z4nzHQxJV15H/> (дата обращения: 07.10.2025).

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВНЕДРЕНИЯ ESG ПРИНЦИПОВ В КРЕДИТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАНКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Киселева Татьяна Дмитриевна

студент

Кузьмина Мария Вячеславовна

к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и трудового права

Оренбургский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Россия, г. Оренбург

Аннотация. В настоящей статье исследуются правовые механизмы имплементации ESG-принципов (экологических, социальных и управленческих) в кредитную деятельность банковского сектора Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена глобальным трендом на устойчивое развитие и необходимостью адаптации российского законодательства к новым вызовам «зеленой» экономики, особенно в условиях структурной трансформации финансового рынка.

Ключевые слова. ESG-принципы, устойчивое развитие, кредитная деятельность, банковское право, «зеленое» финансирование, Банк России, правовое регулирование, кредитный риск, таксономия ESG, ответственное кредитование, экологическое право, корпоративное управление

LEGAL MECHANISMS FOR IMPLEMENTATION OF ESG PRINCIPLES IN THE LENDING ACTIVITIES OF BANKS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kiseleva Tatiana Dmitrievna,

student of the Orenburg Institute (branch)

Kuzmina Maria Viacheslavovna,

PHD in Law, Associate Professor of the Department
of Business and Labor Law

Orenburg Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University, Russia, Orenburg

Annotation. This article examines the legal mechanisms for the implementation of ESG principles (environmental, social and managerial) in the lending activities of the banking sector of the Russian Federation. The relevance of the topic is determined by the global trend towards sustainable development and the need to adapt Russian legislation to the new challenges of the "green" economy, especially in the context of the structural transformation of the financial market.

Keywords. ESG principles, sustainable development, lending, banking law, green financing, Bank of Russia, legal regulation, credit risk, ESG taxonomy, responsible lending, environmental law, corporate governance

В условиях нарастающих глобальных экологических вызовов и перехода мировой экономики к устойчивому развитию банковская система приобретает ключевую роль в финансировании «зелёных» проектов и управлении экологическими рисками. Интеграция ESG-принципов (Environmental, Social, Governance) в банковскую деятельность трансформирует традиционные подходы к кредитованию, инвестированию и риск-менеджменту, формируя новое направление правового регулирования — экологическое банковское право.

Экологическое банковское право представляет собой подотрасль финансового права, регулирующую общественные отношения в сфере интеграции экологических требований и ESG-принципов в банковскую деятельность. Его ключевая цель — обеспечение устойчивого финансирования при минимизации экологических рисков. Базовые принципы (с опорой на общеправовые и отраслевые экологические начала) включает в себя следующие аспекты:

- принцип устойчивого развития (баланс экономических и экологических интересов);
- принцип превентивности (учёт экологических рисков до принятия кредитных решений);
- принцип прозрачности (раскрытие банками информации о ESG-показателях);
- принцип ответственности (возложение на банки обязанностей по оценке экологического воздействия финансируемых проектов);
- принцип интеграции (включение экологических критериев во все этапы банковского процесса: от андеррайтинга до мониторинга).

Эволюция ESG-подхода в финансовой сфере (от добровольных инициатив к нормативному регулированию) проходит следующие этапы становления:

1) 2000-е гг. — появление добровольных инициатив, таких как принципы Экватора (стандарты оценки экологических и социальных рисков для проектного финансирования), инициатива UNEP FI (United Nations Environment Programme Finance Initiative) — партнёрство ООН с банками для интеграции устойчивости;

2) 2010-е гг. — формирование рыночных стандартов, а именно руководства GRI (Global Reporting Initiative) по раскрытию ESG-данных, стандартов ICMA (International Capital Market Association) для «зелёных» облигаций (Green Bond Principles, 2014);

3) 2020-е гг. — жёсткое регулирование, четко прослеживающееся посредством создания директивы ЕС о раскрытии нефинансовой информации, регламента ЕС о устойчивой финансовой деятельности и требований Базельского комитета по учёту климатических рисков в банковском надзоре.

Немаловажно упомянуть и о соотношении понятий «зеленый банкинг» и «устойчивое финансирование». «Зелёный банкинг» — деятельность банков, направленная на финансирование экологически чистых проектов (возобновляемая энергетика, энергоэффективность) и снижение собственного экологического следа. «Устойчивое финансирование» — более широкое понятие, включающее социальные и управленческие критерии (S и G в ESG). Он охватывает «зелёные» кредиты и облигации, социальные облигации и кредиты с привязкой к ESG-целям (Sustainability-Linked Loans, SLL). Нормативно-правовая база внедрения ESG-принципов в банковской деятельности включает в себя международно-правовые акты и рекомендации. Глобальная архитектура регулирования устойчивого финансирования строится на добровольных стандартах и директивных документах международных организаций, таких как:

1) принципы Экватора (Equator Principles, EP) — набор критериев для оценки экологических и социальных рисков в проектом финансировании. Обязательны для банков-участников (свыше 130 учреждений). Последняя редакция (EP IV, 2020) вводит требования по климату и правам человека;

2) инициатива UNEP FI (UN Environment Programme Finance Initiative) — партнёрство ООН с банками для интеграции целей устойчивого развития (ЦУР) в бизнес-модели. Ключевые документы: A Roadmap for Sustainable Finance (2019), Banking Declaration on Embedded Sustainability;

3) рекомендации Базельского комитета по банковскому надзору — в документах 2022–2023 гг. подчёркивается необходимость учёта климатических рисков в рамках стандартов Basel III (в т.ч. при расчёте достаточности капитала).

ЕС лидирует в жёстком нормативном регулировании ESG-финансов. Директива о раскрытии нефинансовой информации (NFRD, 2014) — обязала крупные компании раскрывать данные по экологическим, социальным и управленческим аспектам. Заменена на Директиву о корпоративной отчётности в области устойчивого развития (CSRD, 2021), расширяющую круг отчётных организаций. Регламент о устойчивой финансовой деятельности (SFDR, 2020) — вводит классификацию финансовых продуктов по уровню устойчивости (Articles 6, 8, 9) и требования к раскрытию информации о негативных воздействиях. Таксономия ЕС по устойчивому финансированию (Regulation 2020/852) — определяет критерии «экологически устойчивых» видов экономической деятельности (напр., возобновляемая энергетика, энергоэффективность). Регламент о «зелёных» облигациях ЕС (EU Green Bond Standard, 2023) — устанавливает стандарты верификации и отчётности для эмитентов.

В РФ формирование «зелёной» финансовой системы идёт через сочетание законов, подзаконных актов и рекомендаций. Федеральный закон от 10 января 2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» — закрепляет принципы платности негативного воздействия (ст. 16.1–16.6) и обязанности по экологической отчётности. Указание Банка России от 15 апреля 2015 № 3624-У - требует от кредитных организаций включения ESG-рисков в систему управления рисками и капиталом (дополнено в 2021–2023 гг.). Положение Банка России от 08 апреля 2020 № 714-П - регулирует раскрытие информации эмитентами, включая данные об устойчивом развитии. Таксономия «зелёных» и адаптационных проектов Банка России (2021) — определяет критерии отбора проектов для льготного финансирования (аналогично EU Taxonomy). Методические рекомендации Банка России (2021–2023) — содержат шаблоны отчётности по ESG-показателям и подходы к оценке климатических рисков.

Сопоставление международного и российского регулирования включает в себя следующие ключевые различия и точки конвергенции:

- обязательность требований: в ЕС — жёсткая директива (SFDR, CSRD), а в РФ - преимущественно рекомендательный характер (за исключением отдельных норм по отчётности);
- таксономии: в ЕС: детализированные критерии по 8 экологическим целям, а в РФ: упрощённая

- таксономия с фокусом на климатические проект;
- раскрытие информации: в ЕС стандартизированные шаблоны (ESRS), а в РФ гибкость в формах отчётности при ориентации на международные стандарты (GRI, TCFD);
- санкции и стимулы: в ЕС штрафы за несоблюдение SFDR, а в РФ: налоговые льготы и субсидии для «зелёных» проектов (напр., пониженные коэффициенты риска по кредитам).

Практические аспекты внедрения ESG-принципов в деятельность российских банков составляют ESG-кредитование и финансовые продукты (банки разрабатывают специализированные кредитные продукты, привязанные к ESG-критериям, например кредиты с привязкой к КПЭ устойчивого развития (SLL — Sustainability Linked Loans). Условия кредитования (ставка, срок) зависят от выполнения заёмщиком определённых ESG-показателей. Так, Сбербанк предоставлял кредит АФК «Система» на 10 млрд рублей, где ставка коррелировала с динамикой показателей устойчивого развития компании. «Зелёные» кредиты также способствуют внедрению ESG-принципов путем финансирования проектов в сфере возобновляемой энергетики, энергоэффективности, экологии. Например, ВТБ направлял средства на строительство солнечных станций в Астрахани и Забайкалье, а также ветропарков в Ростовской области. Банк «Открытие» выдал кредит на 40 млрд рублей первому в стране «зелёному» электрометаллургическому комплексу «Эколант» в Выксе. Кредиты на электромобили и «зелёное» жильё в свою очередь создают льготные условия для покупки электромобилей или жилья с высоким классом энергоэффективности. Например, ВТБ запускал ипотеку с дисконтом до 1,6 процентных пункта для приобретения недвижимости в энергоэффективных домах.

По данным агентства «Эксперт РА», в первой половине 2024 года объём портфеля ESG-кредитов в России составил 5,5 трлн рублей. Наибольшая доля пришлась на кредиты, привязанные к КПЭ устойчивого развития (49,6%), и «зелёные» кредиты (41,5%).

Говоря об отчётности и раскрытии информации немаловажно упомянуть о том, что банки публикуют отчёты об устойчивом развитии, раскрывая данные по экологическим, социальным и управленческим показателям. Некоторые организации следуют международным стандартам, например, принципам ответственной банковской деятельности UNEP FI (Principles for Responsible Banking). Сбербанк и МКБ в 2023 году демонстрировали лидерство в области ESG-отчётности среди российских банков. Они раскрывали данные о выбросах парниковых газов (Охват 3), реализовывали антикоррупционные мероприятия и предпринимали шаги по обеспечению кибербезопасности. МКБ дополнительно предоставлял информацию в соответствии с международным стандартом устойчивого развития ISSB. Банк России также вводил рекомендации по раскрытию информации. Например, информационное письмо от 24 мая 2023 года (№ИН-02-28/38) касалось предоставления информации клиентам о финансовых продуктах устойчивого развития. Финансовые учреждения внедряют ESG-принципы в собственную деятельность. Банки уменьшают потребление электроэнергии, сокращают использование бумаги, внедряют программы переработки отходов. Например, Сбербанк планировал достичь углеродной нейтральности к 2030 году через экономию электроэнергии, переход на возобновляемые источники энергии и другие меры. Развитие социального компонента. Организации работают над созданием комфортной среды для сотрудников, повышением гендерного равенства, поддержкой инклюзивности. Так, Росбанк следил за балансом женщин и мужчин в руководящем составе. По данным исследования CGI Russia (2023 год), за последние два года 33% банков активно развивали компетенции сотрудников в сфере ESG, а более 70% финансовых организаций приняли ESG-политику за последние три года.

Среди сложностей, с которыми сталкиваются российские банки при внедрении ESG-принципов, можно назвать отсутствие единых стандартов отчётности, трудности с интеграцией ESG-параметров в кредитный и инвестиционный процессы, а также нехватку внутренних ресурсов у небольших банков. Эксперты прогнозируют рост объёма ESG-портфелей банков в ближайшие годы, особенно за счёт отладки систем учёта различных типов финансовых инструментов устойчивого развития. Также ожидается дальнейшее развитие ESG-продуктов для физических лиц и усиление роли банков как драйверов ESG-повестки.

На основе анализа текущей практики и выявленных проблем можно сформулировать следующие предложения:

1. Совершенствование нормативной базы. Необходимо принять федеральный закон об устойчивом (зелёном) финансировании, который: закрепит единые определения («зелёные» проекты, ESG-кредиты, социальные облигации), установит обязательные критерии верификации проектов, определит механизмы

государственной поддержки (налоговые льготы, субсидии). Гармонизировать российскую таксономию с международной (в т. ч. с таксономией ЕС), чтобы облегчить доступ российских банков к международным рынкам капитала, повысить доверие иностранных инвесторов. Ввести обязательные требования к ESG-отчётности для крупных банков (по аналогии с EU CSRD), включая стандартизированные шаблоны раскрытия данных, аудит отчётов независимыми организациями, публичность информации о климатических рисках;

2. Развитие финансовых инструментов. Необходимо расширить линейку ESG-продуктов для физлиц: «зелёные» ипотечные программы с пониженной ставкой для энергоэффективного жилья; кредиты на установку солнечных панелей и систем рекуперации; депозиты с условием направления части процентов на экологические проекты. Создать рынок «социальных облигаций» для финансирования: доступного жилья; образования и здравоохранения; инклюзии (адаптация среды для людей с ОВЗ). Внедрить «переходное финансирование» для компаний из углеродоёмких отраслей, которые: реализуют программы снижения выбросов; инвестируют в энергоэффективность; переходят на «зелёные» технологии.

3. Стимулирование банков и заёмщиков. Необходимо установить пониженные коэффициенты риска по ESG-кредитам в расчёте норматива достаточности капитала (по примеру Базель III), предоставить банкам налоговые льготы за: финансирование «зелёных» проектов; снижение собственного углеродного следа; расходы на ESG-образование сотрудников, ввести субсидии для заёмщиков (например, возмещение части процентной ставки) при внедрении энергосберегающих технологий; переходе на ВИЭ; реализации экологических инициатив;

4. Развитие инфраструктуры и экспертизы. Создать единую платформу верификации ESG-проектов (с участием ЦБ РФ, Минэкономразвития, независимых аудиторов), чтобы исключить «зелёный камуфляж» (greenwashing); унифицировать оценку соответствия проектов критериям. Разработать национальные стандарты ESG-рейтингования компаний и банков (на базе методик MSCI, Sustainalytics, CDP). Организовать программы переподготовки для банковских специалистов по: оценке климатических рисков; структурированию ESG-сделок; анализу нефинансовой отчётности.

5. Повышение прозрачности и доверия. Необходимо обязать банки раскрывать данные по Охвату 3 (косвенные выбросы в цепочке поставок) в соответствии с рекомендациями TCFD. Ввести публичный реестр ESG-проектов, финансируемых банками, с указанием суммы кредита; экологических эффектов (сокращение выбросов, экономия ресурсов); сроков реализации. Развивать партнёрство с НКО и научными организациями для оценки социального воздействия проектов; мониторинга экологических результатов;

6. Международное сотрудничество. Необходимо участвовать в разработке глобальных стандартов (например, в рамках G20, БРИКС) для взаимного признания таксономий; гармонизации требований к отчётности. Привлекать иностранные инвестиции через выпуск «суверенных зелёных облигаций» и создание совместных фондов с международными организациями (ЕБРР, Всемирный банк).

7. Цифровизация ESG-процессов. Необходимо внедрить блокчейн для отслеживания «зелёных» средств — от выдачи кредита до целевого использования, использовать ИИ для анализа ESG-рисков (например, прогнозирование климатических угроз для заёмщиков), создать цифровую платформу ESG-данных, интегрированную с: системами банков; государственными реестрами (Росгидромет, Росприроднадзор); международными базами (CDP, ISSB).

8. Работа с малым и средним бизнесом (МСП). Необходимо запустить программы льготного финансирования для МСП, внедряющих: отдельный сбор отходов; энергоэффективное оборудование; экологичную упаковку.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что внедрение ESG-принципов в банковскую деятельность — не просто тренд, а объективная необходимость в условиях глобальных экологических и социальных вызовов. Российские банки уже демонстрируют заметный прогресс в этой сфере, однако системный переход к устойчивому финансированию требует дальнейших институциональных и регуляторных усилий. Нормативная база находится в стадии формирования: хотя в РФ уже действуют отдельные акты (таксономия, рекомендации ЦБ РФ), отсутствует единый закон об устойчивом финансировании, что создаёт правовую неопределённость. Рынок ESG-продуктов растёт, но остаётся концентрированным: основной объём «зелёных» кредитов и SLL-сделок приходится на крупные банки. Малый и средний бизнес пока слабо вовлечён в ESG-трансформацию. Отчётность и верификация нуждаются в стандартизации: несмотря на рост числа ESG-отчётов, их качество и сопоставимость

варьируются, а механизмы независимой проверки проектов недостаточно развиты. Стимулы для банков и заёмщиков пока ограничены: налоговые льготы и субсидии носят точечный характер, а пониженные коэффициенты риска по ESG-кредитам не стали повсеместной практикой. Экспертиза и инфраструктура требуют развития: нехватка квалифицированных кадров и единых методологий затрудняет масштабирование ESG-инициатив. Таким образом, ESG-банкинг в России обладает значительным потенциалом для трансформации экономики в сторону устойчивости. Ключевыми факторами успеха станут: системность регулирования, экономическая мотивация участников и развитие инфраструктуры для верификации и мониторинга ESG-инициатив. Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на оценке эффективности внедряемых механизмов и адаптации международного опыта к российским реалиям.

Список литературы:

Нормативные правовые акты:

1. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (последняя редакция).
2. Указание Банка России от 15.04.2015 № 3624-У «О требованиях к системе управления рисками и капиталом кредитной организации и банковской группы».
3. Положение Банка России от 08.04.2020 № 714-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг».
4. Банк России. Информационное письмо от 24.05.2023 № ИН-02-28/38 «О рекомендациях по раскрытию информации о финансовых продуктах устойчивого развития».
5. Банк России. Таксономия «зеленых» и адаптационных проектов Банка России. – Москва: ЦБ РФ, 2021.
6. Банк России. Концепция организации в России методологической системы по развитию зеленых финансовых инструментов и проектов ответственного инвестирования. – Москва: ЦБ РФ, 2019. (дата обращения: 10.01.2026).
7. Методические рекомендации Банка России по раскрытию информации об ESG-показателях и оценке климатических рисков (2021–2023 гг.).

Научная и учебная литература:

1. Дехкан Фарьял Зеленый банкинг и устойчивое финансирование // Вестник науки. 2024. №10 (79). (дата обращения: 21.02.2026).

Интернет-ресурсы и аналитические материалы:

1. Принципы ESG: что это такое и как внедрить в бизнес? // СберБизнес.

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УТРАТЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ РЕЖИМОВ СУБЪЕКТАМИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Киселева Татьяна Дмитриевна

Зотова Ксения Антоновна

студенты

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
г. Оренбург, Россия

Аннотация. В статье исследуются правовые последствия утраты права на применение специальных налоговых режимов (УСН, ПСН) субъектами малого предпринимательства. Анализируются не только налоговые аспекты (переход на ОСН, доначисление НДС), но и административные, договорные и корпоративные риски. Выявляются коллизии действующего законодательства, связанные с резкостью перехода и отсутствием адаптационных механизмов. На основе анализа судебной практики формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова. малое предпринимательство, специальные налоговые режимы, упрощенная система налогообложения, утрата права на спецрежим, налоговые последствия, НДС, реестр МСП.

LEGAL CONSEQUENCES OF THE LOSS OF SPECIAL TAX REGIMES BY SMALL BUSINESS ENTITIES

Kiseleva Tatyana Dmitrievna

Zotova Kseniya Antonovna

students

Orenburg Institute (branch) University named after O. E. Kutafin (MSAL), Orenburg, Russia

Abstract. The article examines the legal consequences of the loss of the right to use special tax regimes (USN, PSN) by small business entities. It analyzes not only the tax aspects (transition to general taxation, additional VAT charges), but also the administrative, contractual, and corporate risks. The article identifies the conflicts in the current legislation related to the abrupt transition and the lack of adaptation mechanisms. Based on the analysis of judicial practice, the article formulates proposals for improving the legal regulation.

Keywords. small business, special tax regimes, simplified taxation system, loss of the right to a special regime, tax consequences, VAT, SME register.

Малое и среднее предпринимательство является фундаментом рыночной экономики. Одним из ключевых механизмов государственной поддержки МСП выступают специальные налоговые режимы (УСН, ПСН, ЕСХН), призванные снизить налоговую нагрузку и упростить администрирование. Однако по мере развития бизнеса или вследствие объективных экономических процессов (рост выручки, увеличение штата) предприниматель сталкивается с риском утраты права на применение льготного режима. Проблема заключается в том, что законодательство, устанавливая жесткие критерии (лимиты дохода, численности), не предусматривает плавного переходного периода для адаптации бизнеса к общему режиму налогообложения (ОСН). Правовые последствия утраты спецрежима носят комплексный характер, затрагивая не только фискальные обязательства, но и договорные отношения с контрагентами, а также административный статус предприятия.

Легальное определение субъектов малого и среднего предпринимательства закреплено в Федеральном законе от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»⁶. Критерии отнесения к субъекту малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) включают: структуру уставного капитала, среднюю численность работников (до 100 человек для малых предприятий) и доход, полученный от предпринимательской деятельности (не более 800 млн рублей для малых предприятий). Важно подчеркнуть, что статус субъекта МСП и право на применение спецрежима — категории смежные, но не тождественные. Плательщик УСН или ПСН автоматически попадает в реестр МСП, однако выход за предельные значения численности или дохода влечет не только утрату спецрежима, но и исключение из реестра, что лишает бизнес иных мер поддержки (льготное кредитование, надзорные каникулы).

Главы 26.2 и 26.5 Налогового кодекса РФ⁷ (далее — НК РФ) установлены упрощенная система налогообложения (УСН) и патентная система налогообложения (ПСН). Их правовая природа заключается в замене уплаты ряда налогов (налог на прибыль, НДС, налог на имущество — с определенными исключениями) уплатой единого налога или стоимости патента. Переход на данные режимы носит уведомительный характер, что снижает административные барьеры, но одновременно возлагает на налогоплательщика обязанность по самостоятельному контролю за соблюдением установленных ограничений.

Исчерпывающий перечень оснований для утраты права на применение спецрежимов содержится в ст. 346.13 и ст. 346.45 НК РФ. К ним относятся:

- 1) Превышение лимита доходов. С 2021 года для УСН действует лимит в 200 млн рублей (с учетом индексации на коэффициент-дефлятор, в 2024 году — около 265,8 млн рублей);
- 2) Превышение средней численности работников (свыше 130 человек для УСН);
- 3) Неуплата патента в установленные сроки (для ПСН);
- 4) Нарушение структуры капитала (доля участия других организаций более 25%). Ключевая особенность: утрата права признается наступившей с начала квартала, в котором допущено превышение, что создает серьезные правовые коллизии, которые будут рассмотрены далее.

Переход на ОСН означает кардинальное изменение налогового

бремени. Основные риски связаны с появлением обязанности исчислять и уплачивать:

- 1) Налог на добавленную стоимость (НДС). Плательщик спецрежима, как правило, НДС не платит. При срыве на ОСН возникает обязанность исчислить НДС со всей реализации, произведенной в текущем квартале. Наиболее острая проблема — «входной» НДС по товарам, работам, услугам, приобретенным в период применения спецрежима. НК РФ не

⁶ Федеральный закон "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" от 24.07.2007 N 209-ФЗ (последняя редакция)

⁷ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СЗ РФ

предусматривает права на вычет такого НДС после перехода на ОСН, что подтверждается позицией Минфина.

- 2) Налог на прибыль организаций (20%) или НДС для ИП (13-15%) против фиксированных ставок УСН (6% или 15%). 3. Налог на имущество. Потеря освобождения от уплаты налога на имущество в отношении объектов, облагаемых по кадастровой стоимости.

Ключевая процедурная проблема — момент утраты права. Согласно п. 4 ст. 346.13 НК РФ, налогоплательщик считается утратившим право на УСН с начала того квартала, в котором допущено превышение. Это порождает ситуацию «заднего числа». Например, превысив лимит дохода 20 ноября, предприниматель обязан пересчитать все налоги с 1 октября, т.е. за полтора прошедших месяца. При этом он обязан уплатить налоги по ОСН, но реальной возможности включить НДС в цену сделок с контрагентами за прошедший период у него уже нет. Судебная практика (в частности, Определение Верховного Суда РФ от 12.05.2021 № 309-ЭС21-5980⁸) исходит из того, что риск несоблюдения условий применения спецрежима лежит на налогоплательщике. Однако это не отменяет остроты проблемы для добросовестного бизнеса.

Сложности возникают при признании доходов и расходов. На УСН применяется кассовый метод, на ОСН — метод начислений. Это требует корректировки учетной политики. Особенно сложен учет основных средств: если объект приобретен на УСН, но введен в эксплуатацию уже после утраты права на спецрежим, порядок начисления амортизации в налоговом учете разъяснен ФНС⁹ лишь в частных письмах, что создает неопределенность.

Наиболее значимый вне налоговый риск - споры с контрагентами. Цена договора, заключенного плательщиком УСН, по умолчанию не включает НДС. После утраты права на спецрежим и перехода на ОСН у поставщика возникает обязанность уплатить НДС в бюджет, но право требовать его уплаты от покупателя отсутствует, если иное прямо не предусмотрено договором. Согласно информационному письму Президиума ВАС РФ от 10.12.1996 № 9¹⁰, если в договоре нет прямого указания на то, что НДС не включается в цену, он взыскивается сверх цены. Однако на практике суды занимают разные позиции. Предпринимателю, утратившему право на спецрежим, приходится инициировать переговоры с контрагентами о подписании дополнительных соглашений, что не всегда возможно.

Несвоевременная подача деклараций по НДС (которая теперь обязательна в электронном виде) влечет штраф по ст. 119 НК РФ и блокировку расчетного счета. Учитывая, что бывший «упрощенец» часто не имеет технической и кадровой возможности для сдачи сложной отчетности по НДС, риск санкций многократно возрастает.

Если утрата спецрежима вызвана превышением лимитов численности или дохода, налоговая служба исключает сведения о таком лице из единого реестра субъектов МСП. Это влечет за собой потерю права на пониженные тарифы страховых взносов (ставка повышается с 15% до 30% с выплат сверх МРОТ), что является дополнительным финансовым ударом.

Анализ арбитражной практики показывает две основные категории споров:

- 1) Споры налогоплательщиков с ИФНС о правомерности доначисления налогов. Суды в целом поддерживают налоговые органы, если факт превышения лимитов доказан. Положительные для бизнеса решения встречаются лишь при процессуальных нарушениях со стороны инспекции (например, несоблюдение процедуры уведомления).
- 2) Споры с контрагентами о взыскании НДС. Практика противоречива. В одних случаях суды отказывают истцам, указывая, что предприниматель, зная о возможной утрате спецрежима, должен был заложить налоговые риски в цену. В других — взыскивают НДС сверх цены, ссылаясь на ст. 168 НК РФ, обязывающую продавца предъявить налог покупателю.

Основные пробелы регулирования заключаются в следующем:

- 1) Отсутствие переходного периода. Резкий переход с 1-го числа квартала экономически необоснован и жесток по отношению к бизнесу, который только начал превышать лимиты.

⁸URL: Определение ВС РФ от 12.05.2021 N 309-ЭС21-5623 по делу N A34-12074/2018

⁹ Приказ ФНС России от 16.07.2020 № ЕД-7-2/448 «Об утверждении порядка ведения единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства»

¹⁰ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 10.12.1996 N 9 "Обзор судебной практики применения законодательства о налоге на добавленную стоимость"

- 2) Проблема авансов. Получение крупного аванса в конце года может одномоментно выбить предприятие за лимит, хотя реальной прибыли оно еще не получило.
- 3) Отсутствие реабилитации. Закон не предусматривает возможности вернуться на спецрежим в течение года после утраты права, даже если превышение было случайным (например, разовая крупная сделка).

Анализируя вышесказанное, можно ввести следующие предложения по совершенствованию законодательства:

- 1) Введение "амнистии" при первом нарушении. Предоставить налогоплательщику право завершить налоговый период на спецрежиме, уплатив повышенный налог (например, по повышенной ставке УСН 20%), без принудительного перевода на ОСН;
- 2) Изменение момента перехода. Целесообразно перенести момент утраты права на начало следующего налогового периода (года) при незначительном превышении лимитов (не более 5-10%), чтобы бизнес мог подготовиться к изменениям.
- 3) Специальный режим по НДС. Для бывших "упрощенцев" можно предусмотреть право на освобождение от НДС по ст. 145 НК РФ без ожидания окончания года, либо применение пониженной ставки НДС в течение первого года на ОСН.
- 4) Цифровизация предупреждений. Внедрение механизма автоматического уведомления налогоплательщика через личный кабинет о приближении к критическим значениям лимитов (проактивный мониторинг ФНС).

Таким образом, утрата права на применение специальных налоговых режимов представляет собой комплексную правовую проблему. Она не ограничивается ростом налоговой нагрузки (появление НДС, налога на прибыль), а влечет за собой дезорганизацию договорных связей, необходимость перестройки документооборота, кадровые риски и утрату статуса субъекта МСП со всеми вытекающими административными преференциями. Действующее законодательство, устанавливая жесткие критерии, не предлагает механизмов плавного перехода, что часто ставит добросовестный бизнес на грань банкротства. Судебная практика не всегда единообразна, что усиливает правовую неопределенность. В целях защиты прав предпринимателей и реализации конституционного принципа свободы экономической деятельности представляется необходимым внесение изменений в Налоговый кодекс РФ, предусматривающих переходный период, смягчение последствий при незначительном превышении лимитов и более гибкие правила администрирования НДС для субъектов, утративших право на спецрежимы. Такой подход будет способствовать не только фискальной дисциплине, но и устойчивому развитию малого предпринимательства.

Список литературы:

Нормативные правовые акты:

1. Федеральный закон "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" от 24.07.2007 N 209-ФЗ (последняя редакция)
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СЗ РФ
3. Приказ ФНС России от 16.07.2020 № ЕД-7-2/448 «Об утверждении порядка ведения единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства»
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 10.12.1996 N 9 "Обзор судебной практики применения законодательства о налоге на добавленную стоимость"

Интернет-ресурсы и аналитические материалы:

1. URL: Определение ВС РФ от 12.05.2021 N 309-ЭС21-5623 по делу N А34-12074/2018

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 33**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОССУДАРСТВЕННЫХ И
МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД****Атакова Алена Алексеевна**

студентка 4 курса, факультет юридический

научный руководитель: **Мурзина Алина Сергеевна**

ассистент кафедры предпринимательского и трудового права

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье исследуется правовое регулирование обеспечения государственных и муниципальных нужд как межотраслевого института предпринимательского права. Актуальность работы обусловлена необходимостью обеспечения баланса публичных и частных интересов в условиях многоуровневой системы законодательства о закупках. Автор анализирует структура источников контрактной системы, особое внимание уделяется соотношению общего (Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд») и специального законодательства, регулирующего оборонный заказ, закупки зерна, формирование материального резерва. Проведен анализ доктринальных подходов к правовой природе государственного (муниципального) контракта. В статье рассматривается процедурный цикл закупки: от планирования до исполнения контракта. Особое место уделено анализу судебной практики. Результаты исследования показывают, что действующее правовое регулирование выступает важнейшим инструментом предпринимательской деятельности, гарантирующим прозрачность процедур и защиту прав хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: государственные нужды, муниципальные нужды, контрактная система, государственный контракт, предпринимательское право, Федеральный закон № 44-ФЗ, закупки.

LEGAL REGULATION OF PROVIDING STATE AND MUNICIPAL NEEDS**Atakova Alena Alekseevna**

fourth-year student, faculty of Law

scientific supervisor: **Murzina Alina Sergeevna**

assistant Professor of Business and Labor Law

Orenburg Institute (branch) of the O. E. Kutafin University (MSAL)

Russia, Orenburg

Abstract. The article examines the legal regulation of meeting state and municipal needs as an intersectoral institution of business law. The relevance of the work is determined by the need to ensure a balance between public and private interests in the context of a multi-level system of procurement legislation. The author analyzes the structure of the contract system sources, paying particular attention to the relationship between general (Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, Services for Meeting State and Municipal Needs") and special legislation regulating defense procurement, grain procurement, and the formation of a material reserve. An analysis of doctrinal approaches to the legal nature of a state (municipal) contract is conducted. The article considers the procedural cycle of procurement: from planning to contract execution. Special attention is given to the analysis of judicial practice. The results of the study show that current legal regulation is the most important tool of entrepreneurial activity, guaranteeing the transparency of procedures and the protection of the rights of economic entities.

Keywords: state needs, municipal needs, contract system, government contract, business law, Federal Law № 44-FZ, procurement.

Правовое регулирование обеспечения государственных и муниципальных нужд представляет собой сложный межотраслевой институт, занимающий ключевое место в системе предпринимательского права. Данный институт призван обеспечить баланс между публичными интересами эффективного расходования бюджетных средств и частными интересами хозяйствующих субъектов — участников закупок.

Система источников контрактной деятельности носит многоуровневый характер. Ее ядром выступает Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1], определяющий единые принципы и процедуры закупок. Важное значение имеют нормы Гражданского кодекса РФ (§ 4 главы 30, § 5 главы 37) [2], закрепляющие договорную основу соответствующих правоотношений.

Отличительной чертой института является наличие значительного массива специального законодательства. Как справедливо отмечается в литературе, общие нормы Закона № 44-ФЗ часто анализируются изолированно от специальных законов, что создает трудности в правоприменении [3]. К числу таких специальных актов относятся Закон РФ «О зерне» [4], Федеральные законы «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции...» [5], «О государственном материальном резерве» [6], «О государственном оборонном заказе» [7] и др.

Анализ указанных актов позволяет сделать вывод, что специальное законодательство не просто дополняет, а в ряде случаев видоизменяет общие закупочные процедуры. Например, Федеральный закон от 2 декабря 1994 г. N 53-ФЗ "О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд" наделяет госзаказчиков широкими организационно-распорядительными полномочиями (определение круга уполномоченных организаций, согласование ассортимента, отбор конкретных товаропроизводителей), что конкретизирует положения статей 24-31 Закона № 44-ФЗ о способах определения поставщиков [5].

Можно рассмотреть правовую природу государственного (муниципального) контракта. В доктрине предпринимательского права сохраняется дискуссия о природе публичного контракта. Легальное определение (п. 8 ст. 3 Закона № 44-ФЗ) характеризует его как гражданско-правовой договор, заключаемый от имени публично-правового образования [1]. Признаками контракта выступают: специальный субъектный состав (участие публичного агента), целевой характер (обеспечение публичных нужд) и особый источник финансирования (бюджетные средства в пределах лимитов).

В науке сложились две основные позиции. Согласно первой, доминирующей, контракт представляет собой гражданско-правовой договор с публичными элементами, что подтверждается законодателем [8; 9]. Вторая позиция, опирающаяся на традиции хозяйственного права, рассматривает его как административный договор, подчеркивая неравенство сторон, отсутствие подлинной диспозитивности и наступление административной ответственности за нарушение обязательств [10].

Представляется обоснованной точка зрения, квалифицирующая государственный контракт как гражданско-правовой договор, сочетающий частноправовые и публично-правовые элементы. Как подчеркивается в судебной практике, при реализации прав сторон необходимо соблюдение принципов добросовестности и разумности, а также документальное подтверждение всех действий [11].

Стоит описать процедурные механизмы и цикл закупки. Цикл закупочной деятельности включает ряд строго регламентированных этапов. Планирование закупок (ст. 16 Закона № 44-ФЗ) реализуется через формирование планов-графиков, которые утверждаются после доведения объемов финансирования и размещаются в ЕИС [1].

Выбор способа определения поставщика (конкурентные процедуры либо закупка у единственного поставщика) должен соответствовать принципам равноправия и недопущения необоснованных ограничений конкуренции. Судебная практика квалифицирует искусственное дробление закупок для обхода конкурентных процедур как нарушение закона [12].

Большинство закупок проводится в электронной форме (ст. 33 Закона № 44-ФЗ). Документация должна содержать четкое описание объекта, обоснованную начальную цену, критерии оценки и существенные условия контракта. Электронная форма сделки приравнивается к письменной (ст. 160 ГК РФ) при соблюдении требований законодательства об электронной подписи [2; 13].

Изменение контракта допускается только в случаях, прямо предусмотренных ст. 95 Закона № 44-ФЗ. Судебная практика исходит из того, что изменение сроков или условий без законных оснований влечет недействительность дополнительного соглашения (например, Решение АС Республики Крым по делу №А83-7952/2022) [14].

Система контроля в сфере закупок (гл. 5 Закона № 44-ФЗ) включает государственный (внешний и внутренний), ведомственный, общественный контроль и мониторинг [1]. Ключевыми контролирующими органами выступают Федеральное казначейство, органы внутреннего финансового контроля и ФАС России.

Ответственность за нарушения в сфере закупок дифференцирована. Административная ответственность предусмотрена за размещение недостоверной информации (ст. 7.30.5 КоАП РФ), нарушение порядка подачи заявок (ст. 7.30.4 КоАП РФ), неправомерное изменение условий контракта (ст. 7.30.2 КоАП РФ) [15]. За существенные нарушения (несоответствие продукции, срыв сроков) применяются такие санкции, как расторжение контракта и включение в Реестр недобросовестных поставщиков (ст. 104 Закона № 44-ФЗ). Уголовная ответственность наступает за подделку документов (ст. 327 УК РФ), коррупцию (ст. 290, 291 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ) и халатность (ст. 293 УК РФ) [16].

Таким образом, правовое регулирование обеспечения государственных и муниципальных нужд выступает важнейшим инструментом предпринимательской деятельности, обеспечивая гарантированный спрос, прозрачность процедур и баланс публичных и частных интересов.

Список литературы:

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 16.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Смотрич А.В. Соотношение общего и специального законодательства в сфере закупок // Право и экономика. 2024. № 3. С. 45-50.
4. О зерне: Закон РФ от 14.05.1993 № 4973-1 (ред. от 15.09.2025) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 22. Ст. 789.
5. О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд: Федеральный закон от 02.12.1994 № 53-ФЗ (ред. от 19.07.2011) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3303.
6. О государственном материальном резерве: Федеральный закон от 29.12.1994 № 79-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 1. Ст. 4.
7. О государственном оборонном заказе: Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7600.
8. Бурмистрова А.С. Правовая природа государственного (муниципального) контракта // Молодой ученый. 2023. № 19 (466). С. 296-298.
9. Лаптев В.В. Предпринимательское (хозяйственное) право. М.: Статут, 2024. 345 с.
10. Демин А.В. Государственные контракты (публично-правовой аспект) // Административное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 45-52.
11. Обзор судебной практики по делам о государственных и муниципальных контрактах: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел о защите конкуренции в сфере закупок: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2017 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
14. Решение Арбитражного суда Республики Крым от 05.06.2023 по делу № А83-7952/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/> (дата обращения: 03.03.2026).
15. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ БАНКОВСКИХ УСЛУГ

Бралина Ева Едыльевна

студент

научный руководитель: Кузьмина Мария Вячеславовна

кандидат юридических наук

доцент кафедры предпринимательского и трудового права

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. реклама банковских услуг, масштабы которой растут, играет значимую социальную роль, она давно перестала быть лишь инструментом продвижения на рынке, превратившись в фактор, существенно влияющий на защиту прав и законных интересов потребителей. Значение рекламы в условиях рыночных отношений, и в частности в банковском секторе, трудно переоценить, банковская деятельность, будучи разновидностью предпринимательства как систематически осуществляемой деятельности по реализации услуг, направленной на получение прибыли, немыслима без активного привлечения внимания неопределённого круга потенциальных клиентов – потребителей финансовых услуг. Развитие рыночных отношений напрямую сопряжено с обострением конкуренции на рынке финансовых услуг, где реклама становится инструментом борьбы за клиента. В настоящей статье анализируются специальные правовые нормы, регулирующие рекламу банковских услуг в РФ. Исследуется взаимодействие положений Закона о рекламе с отраслевым законодательством о банковской деятельности и финансовом рынке. Делается вывод о необходимости особого правового режима рекламы финансовых продуктов, обусловленного необходимостью защиты прав потребителей и обеспечения стабильности финансового рынка.

Ключевые слова: реклама, реклама банковских услуг, банковские услуги, финансовые услуги, закон о рекламе.

LEGAL FEATURES OF ADVERTISING BANKING SERVICES

Bralina Eva Edylevna

student

scientific supervisor: Kuzmina Maria Vyacheslavovna

Candidate of Law

Associate Professor of the Department of Business and Labor Law

Orenburg Institute (branch) of the University named after O.E. Kutafin (MSAL), Orenburg

Abstract. Advertising of banking services, the scale of which is growing, plays a significant social role. It has long ceased to be merely a tool for market promotion, and has become a factor that significantly affects the protection of consumers' rights and legitimate interests. The importance of advertising in a market economy, particularly in the banking sector, cannot be overstated. Banking, as a form of entrepreneurship that involves the systematic provision of services aimed at generating profits, is impossible without actively attracting the attention of a diverse range of potential customers who are consumers of financial services. The development of market relations is directly related to increased competition in the financial services market, where advertising becomes a tool for winning customers. This article analyzes the specific legal regulations governing the advertising of banking services in the Russian Federation. The article examines the interaction between the provisions of the Law on Advertising and the industry legislation on banking and the financial market. The author concludes that there is a need for a special legal regime for advertising financial products, which is necessary to protect consumer rights and ensure the stability of the financial market.

Keywords: advertising, advertising of banking services, banking services, financial services, Law on Advertising.

Реклама является неотъемлемой частью современной жизни, выполняя роль движущей силы экономического и социального развития. Эта область общественных отношений сопровождает человечество на протяжении долгого времени. Её история берёт начало ещё в древности, когда простейшие формы передачи информации, такие как жесты, звуки и наскальные изображения, служили целям рекламы. Как свидетельствуют источники, в античную эпоху в Египте, Греции и Риме реклама эволюционировала, воплощаясь в письменных объявлениях на папирусах, каменных стенах и глиняных табличках, информирующих о продажах товаров или рабов [8, с. 42].

В системе гражданского права реклама рассматривается как услуга, что подразумевает применение к соответствующим отношениям норм главы 39 Гражданского кодекса Российской Федерации

(далее – ГК РФ) [2] о возмездном оказании услуг. Активный рост рекламного рынка создал потребность в его более подробном законодательном упорядочивании. Государственное регулирование этой сферы стало необходимым для обеспечения стабильности рыночных отношений, проведения последовательной государственной политики и защиты общественных интересов. Это потребовало создания единого правового акта, который устанавливал бы правила распространения рекламы и определял ответственность за нарушение этих правил. В настоящее время основным документом, регулирующим данную область в Российской Федерации, является Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (далее – Закон о рекламе) [3]. Согласно этому закону, реклама определяется как информация, адресованная неопределённому кругу лиц, распространяемая в любой форме и любыми способами и направленная на привлечение внимания к объекту, формирование или поддержание интереса к нему (статья 3). В статье 28 данного нормативного акта регламентировано, что реклама банковских услуг должна содержать наименование или имя лица, оказывающего эти услуги или осуществляющего данную деятельность.

Реклама является инструментом маркетинговых коммуникаций, активно используемым компаниями для решения стратегических задач. Её основная цель – информировать целевую аудиторию о продукте или услуге, стимулируя желание приобрести их и укрепляя лояльность. Кроме того, реклама способна формировать новые потребительские запросы, создавать устойчивый спрос и развивать эмоциональную связь между покупателем и брендом [7]. Особую актуальность этот тезис приобретает в банковской сфере, где услуги носят сложный для рядового потребителя характер и связаны с риском потери денежных средств. С развитием информационных технологий возможности для распространения рекламы банковских услуг многократно возросли: помимо традиционных СМИ, активно используются цифровые каналы – сайты, социальные сети, мобильные приложения, контекстная и таргетированная реклама. С одной стороны, это повышает эффективность коммуникации, а с другой – усложняет задачи контроля и защиты прав потребителей. Поэтому комплексное правовое регулирование исследуемых отношений способствует поддержанию добросовестной конкурентной среды на финансовом рынке, не допуская использования рекламы как средства недобросовестной конкуренции, например, через дискредитацию услуг конкурентов, введение в заблуждение относительно условий или через некорректное сравнение. Во-вторых, и это наиболее значимо, нормирование рекламной деятельности в банковском секторе направлено на защиту прав и законных интересов потребителей, предотвращение причинения им имущественного вреда вследствие принятия неинформированных финансовых решений. Объёмы привлеченных средств, выданных кредитов, заключенных договоров на расчётно-кассовое обслуживание и, как следствие, прибыль кредитной организации в большей степени зависят не только от достоинств предлагаемых продуктов (процентная ставка, условия обслуживания), но и от представления этих достоинств в рекламе. Именно она способна выделить банк на высококонкурентном рынке. Как отмечают исследователи, законодательство создает необходимые гарантии получения потребителями полной, достоверной и понятной информации об условиях кредита, депозита, платежной карты или иной банковской услуги [9, с. 186].

Направленная на формирование потребительского выбора и побуждение к сделке, реклама банковских услуг становится эффективным механизмом воздействия на общество. Однако именно это вызывает и основные риски: распространение ненадлежащей рекламы создаёт угрозу нарушения прав потребителей и ведет к нарушению принципов честной рыночной конкуренции. Элементом этой системы является установление ответственности за ненадлежащую рекламу. Правовые основы такой ответственности в сфере банковских услуг закреплены в Законе о рекламе. Согласно пункта 1 статьи 1 Закона о рекламе, предотвращение и пресечение ненадлежащей рекламы прямо названы одной из целей государственного регулирования в данной сфере. Пункт 4 статьи 3 Закона о рекламе представляет универсальное определение: ненадлежащей считается любая реклама, которая не соответствует требованиям законодательства Российской Федерации. Для банковской рекламы это означает не только нарушение общих норм Закона о рекламе (например, о недостоверности или недобросовестности), но и специальных предписаний, установленных законодательством о потребительском кредите, о национальной платежной системе, а также актами Банка России [5].

Правовое регулирование рекламы банковских услуг формирует общие рамки для маркетинговых активностей финансовых организаций, включая продвижение интернет-банкинга. Основная цель маркетинга в этой сфере – создать конкурентное преимущество для привлечения новых клиентов или переманивания клиентуры у других банков через предложение уникальных возможностей. Наружная

реклама служит инструментом информирования потребителей о существующих услугах и их возможных отличиях от предложений конкурентов. Её задача – вызвать интерес, чтобы побудить потенциального клиента к самостоятельному изучению сервисов через сайт или к визиту в офис для консультации. Это направление работает на увеличение клиентской базы и непосредственную продажу банковских продуктов. Интернет-реклама, учитывая цифровую природу интернет-банкинга, является высокоэффективной площадкой для охвата целевой аудитории. Потребителем данного сервиса является активный пользователь финансовых инструментов, технологически грамотный, ценящий своё время и уже имеющий банковский счет. Размещение рекламных материалов на специализированных финансовых порталах и ресурсах позволяет банку напрямую обращаться к этой группе, повышая вероятность привлечения лояльных и долгосрочных клиентов.

Судебная практика играет большую роль в формировании подходов к привлечению к ответственности за ненадлежащую рекламу банковских услуг. Значимой является правовая позиция, сформулированная в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [11], которое, хотя и посвящено защите репутации, содержит значимые разъяснения. В пункте 12 данного Постановления подчеркивается, что исчерпывающий перечень условий освобождения от ответственности за распространение сведений (включая недостоверную рекламу), предусмотренный статьей 57 Законом РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [4], не подлежит расширительному толкованию. Это означает, что суды должны строго подходить к оценке обстоятельств, которые рекламодатель или распространитель могут привести в свое оправдание. Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ прямо указал, что наличие в рекламной информации не соответствующих действительности порочащих сведений (например, ложных утверждений о ненадежности банка-конкурента) влечёт ответственность по статье 152 ГК РФ о защите деловой репутации. Бремя доказывания соответствия распространенной информации действительности в таких случаях лежит на ответчике – том, кто эту информацию распространил.

Особое внимание в рамках административной ответственности за нарушения рекламного законодательства следует уделить размерам штрафных санкций, особенно для юридических лиц. Так, статья 14.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [1] устанавливает штрафы для юридических лиц в размере от ста до пятисот тысяч рублей, а в некоторых случаях – до семисот тысяч рублей. Примером из судебной практики может служить дело, рассмотренное Арбитражным судом Липецкой области в 2022 году. Банк оспаривал решение УФАС о наложении штрафа за административное правонарушение в связи с рекламой ипотеки на его сайте. В материалах указывались процентные ставки (5,75% и 4,7% годовых – по семейной ипотеке), но отсутствовала иная информация, определяющая полную стоимость кредита. Суд, руководствуясь позицией ВАС РФ [10], отметил, что если сведения не воспринимаются или плохо воспринимаются обычным потребителем, они считаются отсутствующими, а реклама – ненадлежащей. В данном случае потребитель был введен в заблуждение относительно условий финансовой услуги, поскольку не получал полной, предусмотренной законом информации [12].

Данная ситуация наглядно показывает, что для крупных компаний с многомиллиардными оборотами штрафы в размере нескольких сотен тысяч рублей остаются незначительными. Подобные санкции не выполняют своей роли, что делает нарушения в рекламной сфере экономически выгодными. В результате меры административной ответственности теряют свою сдерживающую силу, а недобросовестные субъекты в банковской деятельности продолжают создавать и распространять незаконную рекламу без риска значительных потерь.

Банки активно используют средства массовой информации в продвижении, но не всегда такая реклама является законной. Так, в период кризиса 2008 года Комиссия управления Федеральной антимонопольной службы по Свердловской области признала незаконной рекламную кампанию ОАО «СКБ-банк» [14]. Поводом стало размещение объявления с текстом: «О****, товарищ? С наличкой тревожно? Сделай же вклад в банке надежном!».

Проверка была инициирована в декабре после жалоб двух жителей города Екатеринбурга, которые сочли использование слова «очкуешь» оскорбительным. Представитель банка, пытаясь оспорить обвинения, заявил, что слово было образовано от слова «очки» и сопровождалось соответствующим визуальным рядом – изображением человека в очках, внимательно наблюдающего за происходящим.

Однако комиссия отклонила эту трактовку, классифицировав слово как бранное. Было установлено, что банк нарушил часть 6 статьи 5 Закона о рекламе, запрещающую использование нецензурной и оскорбительной лексики. За данное нарушение «СКБ-банку» был назначен административный штраф в размере 40000 рублей. К тому же, было заимствовано изображение с известного советского плаката «А как ты сегодня работал?», что юридически было оставлено без внимания.

Это не единичный случай привлечения данного банка к ответственности. 22 июня 2010 года Управление ФАС по Свердловской области вынесло решение о нарушении в рекламной кампании ОАО «СКБ-БАНК». Акция, посвящённая вкладу «Зажигай», была признана ненадлежащей ввиду нарушения части 5 статьи 5 Закона о рекламе. Банк распространил рекламу, рассылая жителям Кировского района города Екатеринбурга не только листовки, но и коробки спичек с информацией о новом продукте. Такая инициатива вызвала серьёзную озабоченность у городских пожарных служб. Они указали на высокий риск, который создаёт массовая рассылка спичек, так как это могло спровоцировать противоправные действия со стороны детей и подростков [13].

Основная проблема в сфере рекламных правонарушений – несоразмерность штрафов, которая снижает эффективность ответственности. Для крупных банков суммы абсолютно незначительны: потенциальная прибыль от рекламы может значительно превышать штраф, особенно в случае резонансных кампаний, как это было с «СКБ-банком» (2,7 миллиардов против штрафа в 40 тысяч). Кроме того, действующее законодательство слабо затрагивает рекламораспространителей (медиаканалы, радио, цифровые платформы), которые редко привлекаются к ответственности. Для повышения эффективности контроля необходимо пересмотреть размеры штрафов, сделав их экономически значимыми (от 1 миллиона рублей), а также распространить ответственность на всех участников рекламного процесса, включая распространителей.

Таким образом, реклама является эффективным механизмом информирования потребителей банковских услуг, формирования спроса и построения доверительных отношений с брендом. Агрессивный и потенциально вводящий в заблуждение характер рекламы порождает значительные риски нарушения прав потребителей и принципов добросовестной конкуренции. Существующая система юридической ответственности за ненадлежащую рекламу банковских услуг неэффективна. Действующее законодательство слабо затрагивает рекламораспространителей (медиаканалы, радио, цифровые платформы), которые редко привлекаются к ответственности. Считаем, что для повышения эффективности контроля необходимо пересмотреть размеры штрафов, сделав их экономически значимыми (от 1 миллиона рублей), а также распространить ответственность на всех участников рекламного процесса, включая распространителей.

Список литературы:

Нормативные правовые акты

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г.) // Российская газета. 2001. № 256.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 29.09.2025 г.) «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.
4. Закон РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 (ред. от 23.07.2025 г.) «О средствах массовой информации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7. Ст. 300.
5. Информационное сообщение Банка России от 19.12.2025 г. «Банк России принял решение снизить ключевую ставку на 50 б.п., до 16,00% годовых». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522012/ (дата обращения: 22.01.2026).
6. Информационное письмо Банка России № ИН-06-59/70, ФАС России № АК/75514/21 от 06.09.2021 г. «О согласии на получение рекламы». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_394883/ (дата обращения: 22.01.2026).

Литература

7. Акопян Д.В. Повышение конкурентоспособности малых предприятий сферы рекламных услуг: дисс. канд. экон. наук. М., 2024. 166 с.
8. Онегова Я.В., Ошнянская С.А. История рекламы и особенности ее развития // Научно-

практические исследования. 2019. № 1. С. 41-44.

9. Суров К.Д. Реклама банковских продуктов и услуг // Вестник науки. 2023. № 4. С. 184-200.

Материалы судебной практики

10. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.07.2009 г. № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 9.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4
12. Решение Арбитражного суда Липецкой области от 03.11.2022 г. по делу № А36-5074/2022. Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/nFqFDdAv1Dog/> (дата обращения: 20.01.2026).

Интернет-ресурсы

13. Свердловское УФАС России признало рекламную акцию «Зажигай» ненадлежащей. Режим доступа: <https://fas.gov.ru/news/11042> (дата обращения: 22.01.2026).
14. Слово СКБ-банка признали бранным. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1106142> (дата обращения: 20.01.2026).

УДК 347.7

АНТИСАНКЦИОННЫЕ МЕРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: ПРЕДЕЛЫ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА В ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Завалённая Антонина Павловна

студентка 4 курса

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Оренбург

Аннотация. Статья посвящена анализу антисанкционных мер Российской Федерации как инструмента защиты предпринимателей и экономического суверенитета. Рассматриваются нормативно-правовые основания их применения, ограничения автономии частноправовых субъектов, включая временные ограничения корпоративных прав и порядок одобрения сделок с участием иностранных лиц. На основе анализа судебной практики и позиции научной доктрины автор предлагает конкретные меры по минимизации правовой неопределённости: установление критериев пропорциональности и временности, обязательный механизм судебного контроля, унификация подхода к признанию санкций существенным изменением обстоятельств. Подчёркивается необходимость баланса публичных и частных интересов для обеспечения стабильности гражданского оборота при использовании антисанкционных инструментов.

Ключевые слова: антисанкционные меры, предприниматели, ограничение корпоративных прав, временное управление активами, пропорциональность мер, гражданский оборот.

THE RUSSIAN FEDERATION'S ANTI-SANCTION MEASURES AS A TOOL FOR PROTECTING ENTREPRENEURS: THE LIMITS OF STATE INTERFERENCE IN PRIVATE LAW RELATIONS

Zavalennaya Antonina Pavlovna

4th year student

Orenburg Institute (branch) of the Kutafin University (MSAL)

Russia, Orenburg

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Russian Federation's anti-sanctions measures as a tool for protecting entrepreneurs and economic sovereignty. It examines the legal grounds for their application, the restrictions on the autonomy of private legal entities, including temporary restrictions on corporate rights and the approval procedure for transactions involving foreign entities. Based on the analysis of judicial practice and the position of scientific doctrine, the author proposes specific measures to minimize legal uncertainty, such as establishing criteria for proportionality and temporality, implementing a mandatory judicial review mechanism, and unifying the approach to recognizing sanctions as a significant change in circumstances. The need to balance public and private interests in order to ensure the stability of civil circulation when using anti-sanctions instruments is emphasized.

Keywords: anti-sanctions measures, entrepreneurs, restriction of corporate rights, temporary management of assets, proportionality of measures, and civil circulation.

Введение антироссийских ограничительных мер со стороны иностранных государств после 2022 года обусловило масштабную трансформацию правового регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации. По данным Министерства экономического развития Российской Федерации, к концу 2025 года более 60 % внешнеторговых контрактов российских компаний были затронуты санкционными ограничениями, а объём параллельного импорта превысил 5 трлн рублей¹¹.

На наш взгляд, именно в этом заключается ключевая теоретическая и практическая значимость: антисанкционные меры выступают индикатором устойчивости гражданско-правовых институтов и позволяют определить пределы допустимого вмешательства государства в сферу предпринимательской инициативы без разрушения основ правового государства и рыночной экономики.

Квалификация санкций как форс-мажора или существенного изменения обстоятельств имеет особое значение: так, Арбитражный суд Новосибирской области в решении от 17.06.2022 по делу № А45-9226/2022 расторг договор аренды кинотеатра, признав санкционные ограничения существенным изменением обстоятельств, повлиявшим на посещаемость и убыточность деятельности арендатора. Суд признал данные обстоятельства существенным изменением условий хозяйствования и основанием для корректировки договорных обязательств¹². Судебная практика демонстрирует дифференцированный подход: санкции не признаются безусловным форс-мажором при наличии альтернатив исполнения, однако допускают изменение или расторжение договора при существенном нарушении баланса интересов, а сделки в обход антисанкционных указов могут признаваться недействительными как противоречащие публичному порядку.

Ключевая правовая проблема заключается в определении допустимых границ вмешательства государства в частноправовые отношения. Приостановление корпоративных прав иностранных участников, введение временного управления активами, специальный порядок согласования сделок и изменение порядка валютных расчётов формируют новый режим публично-правового контроля за частным оборотом.

Антисанкционные меры приобретают стратегическое значение в сельском хозяйстве, поскольку ограничения на импорт продукции, семян, техники и агрохимикатов в условиях продовольственной безопасности требуют ускоренного развития отечественного агропромышленный комплекс и усиленного правового регулирования аграрного предпринимательства. Как отмечает М. В. Кузьмина, обеспечение продовольственной безопасности в условиях санкционного давления требует формирования устойчивой системы государственной поддержки сельскохозяйственных производителей, включающей субсидирование производства, льготное кредитование аграрных предприятий, а также стимулирование внутреннего производства сельскохозяйственной продукции¹³.

Санкционные ограничения усиливают роль государства в регулировании аграрного предпринимательства, что должно быть направлено на развитие внутреннего рынка и технологическую независимость отрасли через субсидирование кредитов, поддержку отечественной техники и стимулирование инвестиций в агропромышленный комплекс.

По данным Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, общий объём государственной поддержки агропромышленного комплекса в 2025 году превысил 500 млрд рублей¹⁴.

С нашей позиции, антисанкционные меры обусловлены необходимостью обеспечения экономической безопасности, однако их правовая допустимость зависит от соблюдения принципа пропорциональности, предполагающего легитимную цель вмешательства, пригодность меры для её достижения, отсутствие менее обременительных альтернатив и баланс публичных и частных интересов. Применительно к ограничениям свободы договора это означает возможность установления специальных порядков одобрения сделок, ограничений на распоряжение корпоративными правами и особого порядка

¹¹ Министерство экономического развития Российской Федерации. Доклад о состоянии внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в 2025 году // Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: <https://economy.gov.ru> (дата обращения: 17 февраля 2026 г.).

¹² Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 17 июня 2022 г. по делу № А45-9226/2022 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 7 марта 2026 г.).

¹³ Кузьмина, М. В. Правовое регулирование продовольственной безопасности в области сельского хозяйства в Российской Федерации в условиях санкционного давления. // Труды Оренбургского института (МПЮА). — 2022. — № 4 (54). — С. 98–101.

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 32. Ст. 4549.

расчётов, но такие ограничения должны быть чётко очерчены по субъектам, предмету и сроку действия. Бессрочность или неопределённость режима повышает риски произвольного правоприменения и подрывает предсказуемость гражданского оборота.

Особого внимания заслуживает институт временного управления активами и приостановления корпоративных прав иностранных лиц. Данные меры могут быть оправданы лишь при наличии доказанной угрозы национальной экономической безопасности либо при наличии зеркальных ограничений в отношении российских активов за рубежом. В противном случае возникает риск трансформации исключительного механизма защиты в инструмент постоянного перераспределения имущественных прав, что противоречит основополагающему принципу неприкосновенности собственности. В практическом измерении это означает необходимость судебного контроля за введением и продлением таких мер, обязательной процессуальной возможности для заинтересованных лиц оспорить соответствующие решения и установления чётких критериев прекращения режима временного управления.

Таким образом, антисанкционные меры Российской Федерации выступают сложным инструментом защиты предпринимателей и экономического суверенитета, однако их применение должно осуществляться в чётко определённых пределах. В целях минимизации правовой неопределённости целесообразно: во-первых, законодательно закрепить критерии пропорциональности и временности антисанкционных ограничений; во-вторых, предусмотреть обязательный механизм судебного пересмотра решений о временном управлении активами; в-третьих, унифицировать подход к признанию санкций существенным изменением обстоятельств; в-четвёртых, закрепить прозрачную процедуру одобрения сделок с участием иностранных лиц. Только при соблюдении баланса публичных и частных интересов антисанкционное регулирование сможет выполнять защитную функцию, не разрушая фундаментальные основы гражданского оборота.

Антисанкционные меры Российской Федерации следует рассматривать как исключительный режим публично-правовой защиты экономического суверенитета, допустимый лишь при чётко очерченных границах вмешательства. Для устранения правовой неопределённости необходимо закрепить акт, устанавливающий исчерпывающий перечень оснований ограничения прав, максимальные сроки их действия, критерии пропорциональности и обязательный судебный контроль. Такая законодательная фиксация обеспечит баланс между защитой экономического суверенитета и стабильностью гражданского оборота.

Список литературы:

1. Министерство экономического развития Российской Федерации. Доклад о состоянии внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в 2025 году // Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: <https://economy.gov.ru> (дата обращения: 17 февраля 2026 г.).
2. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 17 июня 2022 г. по делу № А45-9226/2022 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 7 марта 2026 г.).
3. Кузьмина, М. В. Правовое регулирование продовольственной безопасности в области сельского хозяйства в Российской Федерации в условиях санкционного давления. // Труды Оренбургского института (МГЮА). — 2022. — № 4 (54). — С. 98–101.
4. Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 32. Ст. 4549.

УДК 346.13

**ПРОБЛЕМА КОДИФИКАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В
РОССИИ: АРГУМЕНТЫ "ЗА" И "ПРОТИВ"****Кавунник Ксения Витальевна**

студентка 4 курса, факультет юридический

Карабулатова Дина Димовна

студентка 4 курса, факультет юридический

научный руководитель: **Мурзина Алина Сергеевна**

ассистент кафедры предпринимательского и трудового права

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Россия г. Оренбург

Аннотация. В статье рассматривается одна из наиболее дискуссионных проблем современного российского правоведения — вопрос о необходимости и возможности кодификации предпринимательского законодательства. Анализируется исторический опыт развития хозяйственного (предпринимательского) права в СССР и России, исследуются теоретические основы отраслевой самостоятельности предпринимательского права. На основе изучения различных научных подходов систематизированы и проанализированы основные аргументы сторонников и противников принятия Предпринимательского кодекса РФ. Делается вывод о современном состоянии дискуссии и перспективах систематизации предпринимательского законодательства.

Ключевые слова: предпринимательское право, кодификация, Предпринимательский кодекс, систематизация законодательства, комплексные отрасли права, Гражданский кодекс РФ, источники предпринимательского права.

**THE PROBLEM OF CODIFICATION OF BUSINESS LEGISLATION IN RUSSIA: ARGUMENTS
"FOR" AND "AGAINST"****Kavunnik Ksenia Vitalievna**

4th year Student, Faculty of Law

Karabulatova Dina Dimovna

4th year Student, Faculty of Law

scientific Supervisor: **Murzina Alina Sergeevna**

Assistant of the Department of Entrepreneurial and Labour Law

Orenburg Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Orenburg, Russia

Abstract. The article examines one of the most debatable problems of modern Russian jurisprudence — the question of the necessity and possibility of codification of business legislation. The historical experience of the development of economic (entrepreneurial) law in the USSR and Russia is analyzed, the theoretical foundations of the branch independence of business law are investigated. Based on the study of various scientific approaches, the main arguments of supporters and opponents of the adoption of the Business Code of the Russian Federation are systematized and analyzed. The conclusion is made about the current state of the discussion and the prospects for systematization of business legislation.

Keywords: business law, codification, Business Code, systematization of legislation, complex branches of law, Civil Code of the Russian Federation, sources of business law.

Вопрос о необходимости единого кодифицированного акта в сфере регулирования предпринимательской деятельности остается одним из наиболее обсуждаемых в современной юридической науке. Дискуссия о целесообразности принятия Предпринимательского кодекса имеет глубокие исторические корни и восходит к советским теориям хозяйственного права. В условиях современной экономической ситуации, перехода от стратегии импортозамещения к полноценному отечественному производству, особое значение приобретает эффективное правовое регулирование предпринимательской деятельности [2, с. 157]. При этом массив нормативно-правовых актов, регулирующих предпринимательские отношения, постоянно растет, что порождает проблемы бессистемности, противоречивости и дублирования правовых норм. Как справедливо отмечает профессор

Е.П. Губин, современное законодательство в сфере экономики страдает «бессистемностью и отсутствием ясной и четкой структуры, чрезвычайной обширностью, изобилует значительным количеством подзаконных актов, часто противоречиво» [2, с. 158]. В настоящей статье анализируются основные аргументы сторонников и противников кодификации предпринимательского законодательства, рассматриваются исторические предпосылки данной дискуссии и определяется современное состояние проблемы.

Вопрос о необходимости единого кодифицированного акта в сфере регулирования хозяйственной деятельности имеет глубокие исторические корни. Как отмечает П.П. Баттахов, история предпринимательского права уходит своими корнями в XI век, когда возникло противоречие между ростом критической массы производителей товаров и узкими границами науки о гражданских правах — цивилистикой [2, с. 155].

В советский период дискуссия о кодификации хозяйственного права прошла несколько этапов. В 20-х годах XX века П.И. Стучкой была разработана теория двухсекторного права, предполагавшая раздельное регулирование социалистического и частно-капиталистического секторов экономики [2, с. 156]. В 30-е годы Л.Я. Гинцбург и Е.Б. Пашуканис предложили теорию единого хозяйственного права, которая базировалась на том, что правовые нормы представляют собой уникальную политическую форму в сфере организации управления экономики [2, с. 156].

Наиболее значительный вклад в развитие теории хозяйственного права внес академик В.В. Лаптев и возглавляемый им научный коллектив (В.К. Мамутов, В.К. Андреев, Т.Е. Абова, В.С. Мартемьянов, С.С. Занковский и другие) [2, с. 156]. В фундаментальной монографии «Теоретические проблемы хозяйственного права» (1975 год) был предложен анализ правовых отношений, складывающихся при осуществлении хозяйственной деятельности и в ходе руководства этим направлением. Ученые обосновывали необходимость принятия Хозяйственного кодекса либо Основ хозяйственного законодательства [2, с. 156].

Проект Хозяйственного кодекса был разработан именно под руководством академика В.В. Лаптева в рамках реализации его научной концепции, однако так и не был принят. Как отмечает его ученик, профессор С.С. Занковский, это произошло по двум основным причинам: во-первых, противодействие со стороны партийно-государственного аппарата, а во-вторых, жесткая критика со стороны научного сообщества цивилистов, которые отстаивали монополию гражданского права на регулирование имущественных отношений и не были готовы к выделению самостоятельной хозяйственно-правовой отрасли [2, с. 156]. Несмотря на неудачу с принятием кодекса, как подчеркивает П.П. Баттахов, «основные идеи теории хозяйственного права актуальны и сегодня» [2, с. 155].

В настоящее время в российской правовой науке сложились два основных подхода к определению места предпринимательского права в системе права и, соответственно, к вопросу о его кодификации.

Представители первого подхода (А.Е. Суханов, В.Ф. Попондопуло и др.) рассматривают предпринимательское право как подотрасль гражданского права либо как комплексное образование, не имеющее самостоятельного значения. Так, В.Ф. Попондопуло считает, что предпринимательское право является подотраслью гражданского права [1, с. 14].

Сторонники второго подхода (Е.П. Губин, П.Г. Лахно, И.В. Ершова и др.) признают предпринимательское право комплексной интегрированной отраслью права, имеющей собственный предмет и сочетающей частноправовые и публично-правовые начала [1, с. 14]. Именно в рамках этого подхода наиболее активно обсуждается вопрос о необходимости принятия Предпринимательского кодекса.

Анализ научной литературы позволяет выделить следующие основные аргументы в пользу принятия Предпринимательского кодекса.

1. Системообразующий характер кодекса. Как отмечает М.О. Чурюмова, разнообразие нормативных правовых актов, издаваемых в сфере деловых отношений, большое количество органов, которые имеют право издания нормативных правовых актов в данной сфере, создают огромный спектр бессистемных и беспорядочных действий. «В центре этого массива нет системообразующего акта» [5, с. 143]. Системообразующий акт необходим для того, чтобы сделать законодательство в этой сфере наглядным и удобным для практического применения, создать стройную и взаимосвязанную иерархию актов [5, с. 143].

2. Комплексный характер предпринимательских отношений. Предпринимательская деятельность не может быть урегулирована только нормами гражданского права, поскольку включает и отношения с

государственными органами. Как справедливо указывают Е.Б. Балякина и Э.Р. Набиева, «каждый хозяйствующий субъект в своей деятельности сталкивается с различными проявлениями государственного регулирования экономики», поэтому порядок взаимодействия должен быть урегулирован нормами как гражданского, так и административного права [1, с. 14].

3. Устранение противоречий и дублирования. Кодификация позволит объединить и систематизировать оправдавшие себя правовые нормы, переосмыслить их содержание применительно к новым экономическим реалиям, устранить противоречия между ними, устаревшие положения и дублирующие нормы [5, с. 144].

4. Историческая преемственность. Сторонники кодификации указывают на традиции отечественной правовой школы. Еще в 60-80-е годы академиком В.В. Лаптевым была разработана концепция хозяйственного права, предполагавшая создание единого кодифицированного акта [2, с. 157]. Как отмечает П.П. Баттахов, «если бы руководство Советского Союза в своё время поддержало бы научную теорию академика В.В. Лаптева и приняло соответствующий ей "Хозяйственный кодекс", это могло бы сохранить страну от распада на самостоятельные государства» [2, с. 157].

5. Международный опыт. Во многих странах (Германия, Франция) существуют самостоятельные торговые (предпринимательские) кодексы, что позволяет более эффективно регулировать предпринимательский оборот.

Противники принятия Предпринимательского кодекса выдвигают не менее весомые аргументы:

1. Отсутствие самостоятельного предмета и метода. Как указывают критики, кодификации могут подлежать только отрасли права, обладающие собственными предметом и методом. У гражданско-правовых норм и норм хозяйственного права предмет регламентирования тождественен, поэтому создание специального регулирования приведет к дублированию [1, с. 15].

2. Нарушение сложившейся системы правового регулирования. Если перенести из Гражданского кодекса РФ часть норм в новый кодифицированный документ, это нарушит установившийся порядок гражданско-правового регламентирования, станет препятствием для преодоления пробелов в нормах ГК РФ [1, с. 15]. Как отмечает П.А. Осипова, принятие Предпринимательского кодекса приведет к усложнению системы предпринимательского законодательства, поскольку наряду с ГК и Предпринимательским кодексом будут действовать многие специальные законы, которые невозможно «втиснуть» в рамки кодекса [4, с. 3].

3. Проблема комплексных отраслей права. Многие ученые сомневаются в самой концепции комплексной отрасли права. Совокупность образующих систему взглядов на понятие комплексной отрасли права весьма неоднозначна и во многом противоречива. Можно согласиться с комплексным характером правового акта, но не отрасли [1, с. 15].

4. Практические сложности правоприменения. Единый кодекс нарушит механизмы функционирования права, так как многие нормы будут удалены из тех законов, которыми привык пользоваться правоприменитель [1, с. 15]. Кроме того, введение такого кодекса затруднило бы осуществление международного экономического сотрудничества, поскольку неизбежно возникли бы проблемы с применением норм к иностранцам [4, с. 3].

5. Достаточность существующего регулирования. Современное отечественное предпринимательское законодательство, несмотря на отдельные недостатки, эффективно урегулировано на сегодняшний день и соответствует российским правовым традициям [1, с. 15]. Как отмечает М.О. Чурюмова, «частноправовые нормы о хозяйственных отношениях должны быть закреплены в Гражданском кодексе, публично-правовые нормы об общественной организации предпринимательской деятельности — в Административном кодексе» [5, с. 144].

Анализ аргументов «за» и «против» кодификации предпринимательского законодательства позволяет сделать вывод, что в настоящее время в научной среде преобладает осторожный подход. Большинство исследователей признают необходимость совершенствования предпринимательского законодательства, но сомневаются в целесообразности принятия единого Предпринимательского кодекса.

Как отмечает В.А. Овинников, в юридической науке и практике принято разделять кодифицированные кодексы на отраслевые (Гражданский кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ) и комплексные (Воздушный кодекс РФ, Земельный кодекс РФ) [3, с. 68]. При этом потребность в ближайшие десять лет заключается в проведении кодификации комплексных отраслей права (предпринимательского, инновационного, информационного, медицинского, социального права) посредством создания и издания соответствующих кодексов [3, с. 68].

Однако для предпринимательского права ситуация осложняется тем, что значительная часть отношений уже урегулирована Гражданским кодексом, который в соответствии с ч. 2 ст. 3 ГК РФ имеет приоритет над федеральными законами. Как справедливо указывает В.А. Овинников, «не сами нормы кодекса имеют приоритет над нормами федеральных законов, а сам кодекс в системе иерархии источников права каждой конкретной отрасли имеет приоритет над федеральными законами» [3, с. 67].

Дискуссия о кодификации предпринимательского законодательства имеет глубокие исторические корни и восходит к советским теориям хозяйственного права (П.И. Стучка, Л.Я. Гинцбург, Е.Б. Пашуканис, В.В. Лаптев). Основные идеи теории хозяйственного права, разработанные академиком В.В. Лаптевым и его школой, сохраняют актуальность и в современных условиях.

Анализ аргументов «за» и «против» принятия Предпринимательского кодекса показывает, что обе стороны дискуссии приводят обоснованные доводы. Сторонники кодификации указывают на необходимость систематизации обширного нормативного материала, учета комплексного характера предпринимательских отношений, сочетающих частные и публичные интересы. Противники обращают внимание на отсутствие у предпринимательского права самостоятельного предмета и метода, риск нарушения сложившейся системы гражданско-правового регулирования, практические сложности правоприменения.

Представляется, что в современных условиях наиболее взвешенным подходом является не форсированное принятие Предпринимательского кодекса, а постепенное совершенствование существующей системы законодательства. Как справедливо отмечают исследователи, «предпринимательское законодательство нуждается в совершенствовании, потому что сфера предпринимательской деятельности динамична, но данные процессы обязаны протекать в рамках существующей модели» [1, с. 15].

Список литературы:

1. Балякина Е.Б., Набиева Э.Р. Проблема кодификации предпринимательского права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 12-1 (75). – С. 13–17.
2. Баттахов П.П. История развития хозяйственного (предпринимательского) права в СССР и России // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 3 (219). – С. 155–158.
3. Овинников В.А. Значение кодификации в развитии современной системы российского законодательства // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 9. – С. 65–70.
4. Осипова П.А. Источники предпринимательского права и проблемы кодификации этой отрасли права // Научные исследования молодых ученых : сборник статей. – Ульяновск : УлГУ, 2024. – С. 1–4.
5. Чурюмова М.О. Проблемы кодификации предпринимательского законодательства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 9-2 (84). – С. 143–145.

УДК 4414

РАСШИРЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ФНС РОССИИ В СФЕРЕ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ В 2026 ГОДУ

Карабулатова Дина Димовна

студентка 4 курса

научный руководитель: Рахматуллина Оксана Владимировна

к.ю.н., доцент кафедры публично-правовых наук

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые изменения налогового законодательства, вступившие в силу в 2026 году и существенно расширяющие полномочия Федеральной налоговой службы в сфере налогового контроля. На основе анализа Федеральных законов от 23.07.2025 № 254-ФЗ, от 28.11.2025 № 425-ФЗ, а также ведомственных нормативных актов ФНС России исследуются три основных направления реформы: введение института официальной оценки финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщиков («рейтинга благонадежности»), расширение процессуальных прав налоговых органов при проведении проверок, а также цифровизация взаимодействия с налогоплательщиками через портал «Госуслуги». Особое внимание уделяется практическим последствиям нововведений для бизнеса, включая риски и возможности использования новых инструментов налогового контроля.

Ключевые слова: налоговый контроль, ФНС России, налогообложение, камеральная проверка, выездная проверка, рейтинг благонадежности, налоговая реформа.

EXPANSION OF THE FEDERAL TAX SERVICE OF RUSSIA'S POWERS IN THE AREA OF TAX CONTROL IN 2026

Karabulatova Dina D.

4th-year student

scientific supervisor: **Kuzmina Maria V.**

Cand. of Legal Sci., Associate Professor of the Department of Entrepreneurial and Labor Law
of the Orenburg Institute (branch) of the O.E. Kutafin University (MSLA)

Abstract. The article examines the key changes in tax legislation that came into force in 2026 and significantly expand the powers of the Federal Tax Service in the field of tax control. Based on the analysis of Federal Laws No. 254-FZ dated 07/23/2025, No. 425-FZ dated 11/28/2025, as well as departmental regulations of the Federal Tax Service of Russia, three main areas of reform are being investigated: the introduction of the institute for official assessment of financial and economic activities of taxpayers («trustworthiness rating»), the expansion of the procedural rights of tax authorities during inspections, as well as digitalization interaction with taxpayers through the Gosuslugi portal. Special attention is paid to the practical implications of innovations for business, including the risks and opportunities of using new tax control tools.

Keywords: tax control, Federal Tax Service of Russia, powers of tax authorities, desk check, field check, reliability rating, tax reform 2026.

Наступивший 2026 год ознаменовался вступлением в силу масштабных поправок в законодательство о налогах и сборах, которые существенно трансформируют систему налогового контроля в Российской Федерации. Принятые изменения наделяют Федеральную налоговую службу новыми полномочиями и выводят взаимодействие между налоговыми органами и налогоплательщиками на новый уровень.

С 1 января 2026 года вступил в силу Федеральный закон от 23.07.2025 № 254-ФЗ «О внесении изменения в Закон Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации» [1]. В соответствии с указанным законом налоговые органы получили право проводить анализ (оценку) финансово-хозяйственной деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей с последующим предоставлением результатов такого анализа заинтересованным лицам [2].

Реализация указанных полномочий осуществляется через «Сервис оценки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», доступный на официальном сайте ФНС России. Данный сервис, функционировавший в пилотном режиме с марта 2023 года, к моменту принятия закона уже был востребован бизнес-сообществом [2].

Проект приказа ФНС России «Об утверждении методики проведения анализа (оценки) сведений о финансово-хозяйственной деятельности юридического лица (индивидуального предпринимателя)» предусматривает двухэтапную процедуру оценки налогоплательщиков.

Первый этап представляет собой проверку по «критериям отсека». Для организаций установлено 14 показателей, среди которых:

наличие существенных расхождений по налогу на добавленную стоимость;

факт привлечения к административной ответственности за незаконное вознаграждение (ст. 19.28 КоАП РФ);

наличие сведений об организации в реестре недобросовестных поставщиков;

наличие недоимки, превышающей одновременно 1 процент величины активов и 3 000 рублей;

факт ликвидации или наличие решения о предстоящем исключении из ЕГРЮЛ;

возбуждение процедуры банкротства;

причастность к экстремистской деятельности или терроризму.

Для индивидуальных предпринимателей на первом этапе применяется 10 аналогичных показателей, включая проверку на наличие в реестре дисквалифицированных лиц, статус иностранного агента и др.

Второй этап предполагает более глубокую балльную оценку налогоплательщика. Для организаций установлено 39 критериев, для ИП - 19. К числу наиболее значимых показателей относятся:

соотношение среднемесячной заработной платы со среднеотраслевым уровнем в регионе;

налоговая нагрузка с финансового результата;

коэффициент текущей ликвидности;

рентабельность активов;

доля налоговых вычетов по НДС;

отсутствие задолженности по обязательным платежам;

факты привлечения к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах.

По каждому критерию налогоплательщику присваивается 1 балл при соответствии показателю и 0 баллов при несоответствии, после чего формируется итоговая сумма баллов.

Результаты анализа предоставляются в виде выписки, формируемой в течение одного рабочего дня в личном кабинете налогоплательщика. Выписка содержит в себе:

наименование и ИНН проверяемого лица;

дату формирования;

результаты первого этапа оценки (с указанием критериев, которым лицо не соответствует);

результаты второго этапа (количество баллов по каждому критерию и общую сумму баллов);

справочную информацию (при наличии соответствующего запроса).

Ключевая особенность нового порядка заключается в том, что запросить выписку может не только сам налогоплательщик, но и иное заинтересованное лицо — банк, потенциальный заказчик, инвестор или партнер [2]. При этом налогоплательщик уведомляется о таком запросе, а срок предоставления выписки третьему лицу составляет до 10 дней [1].

Важным элементом нового механизма является право налогоплательщика на корректировку результатов оценки. В случае несогласия с выводами налогового органа заинтересованное лицо вправе в течение пяти рабочих дней направить заявление о проведении корректировки с приложением подтверждающих документов. Налоговый орган обязан рассмотреть такое заявление и принять решение в течение пяти рабочих дней [1].

Для проверки подлинности выписки на сайте ФНС России функционирует специальный сервис «Проверка достоверности выписки из сервиса оценки юридических лиц», позволяющий верифицировать документ по QR-коду или реквизитам [6].

Так же расширение процессуальных полномочий при проведении налоговых проверок Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ внес существенные изменения в часть первую Налогового кодекса РФ [3]. С 1 января 2026 года в абзац 2 пункта 4 статьи 89 НК РФ включено дополнение, согласно которому выездная налоговая проверка может охватывать не только три календарных года, предшествующих году вынесения решения о проведении проверки, но и налоговые периоды текущего года, завершившиеся до момента принятия такого решения [4].

Практическое значение данного изменения показывает следующий пример: если решение о проведении выездной проверки вынесено в октябре 2026 года, проверка может охватывать деятельность налогоплательщика с 1 января 2023 года по сентябрь 2026 года включительно.

Новые возможности для осмотра и выемки документов. Принципиальное расширение полномочий налоговых органов связано с изменением статьи 92 Налогового кодекса РФ. В соответствии с новой редакцией, вступившей в силу с 1 января 2026 года, должностные лица налоговых органов получили право производить осмотр территорий, помещений, документов и предметов при проведении дополнительных мероприятий налогового контроля в рамках рассмотрения материалов камеральной налоговой проверки [4].

Ранее такие процессуальные действия допускались исключительно в рамках выездных налоговых проверок. Как указано в Федеральном законе № 425-ФЗ, соответствующие изменения внесены в подпункт 4 пункта 1 статьи 92 НК РФ, что позволяет налоговым органам проводить осмотр и выемку на этапе дополнительных мероприятий независимо от вида проводимой проверки [3].

Экстерриториальность камеральных проверок. С 2026 года введено понятие «уполномоченный налоговый орган» для проведения камеральных налоговых проверок. Согласно новой редакции пункта 1 статьи 88 НК РФ, камеральная проверка может проводиться не только налоговым органом по месту учета налогоплательщика, но и иным территориальным органом ФНС России, уполномоченным центральным аппаратом службы [4].

В случае назначения проверки уполномоченным органом налогоплательщик уведомляется об этом в течение пяти дней с момента принятия соответствующего решения. Уведомление направляется заказным письмом по почте либо в электронной форме через личный кабинет налогоплательщика или по телекоммуникационным каналам связи. При этом налогоплательщику предоставляется право выбора: представлять документы либо в «родную» инспекцию по месту учета, либо непосредственно в уполномоченный налоговый орган, проводящий проверку.

Как отмечается в комментариях, данное нововведение направлено на централизацию контрольной деятельности и повышение качества проверок за счет создания специализированных инспекций, а также на борьбу со сложными схемами ухода от налогообложения.

Цифровизация взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков. Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ предусматривает расширение способов электронного взаимодействия между налоговыми органами и налогоплательщиками. С 1 сентября 2026 года вступают в силу положения, позволяющие использовать единый портал государственных и муниципальных услуг для направления процессуальных документов [4].

В частности, уведомление о вызове налогоплательщика (плательщика сбора, плательщика страховых взносов, налогового агента) в налоговый орган может направляться через личный кабинет налогоплательщика на сайте ФНС России либо через федеральную государственную информационную систему "Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)".

Видеоконференц-связь при рассмотрении материалов проверок. С 1 сентября 2026 года налогоплательщики получают право участвовать в рассмотрении материалов налоговых проверок удаленно, с использованием систем видео-конференц-связи [4]. Ожидается, что идентификация участников будет осуществляться через единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА), интегрированную с порталом «Госуслуги».

Данное нововведение существенно упрощает участие налогоплательщиков в процедурах рассмотрения возражений на акты налоговых проверок, особенно в случаях, когда налоговый орган территориально удален от места нахождения налогоплательщика.

Изменение порядка направления обращений. С 15 декабря 2025 года изменился порядок электронного взаимодействия между ФНС России и налогоплательщиками, использующими услуги операторов электронного документооборота. Введен запрет на прикрепление приложений к обращениям налогоплательщиков в неформализованном виде. Через операторов ЭДО по телекоммуникационным каналам связи можно направлять в налоговые органы ответы и документы по требованию исключительно в формализованном виде [7].

Для направления письменных обращений, рассматриваемых в соответствии с Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», рекомендуется использовать личные кабинеты налогоплательщика на сайте ФНС России, сервис «Обратиться в ФНС России» либо федеральную информационную систему «Платформа обратной связи» на портале Госуслуг.

Пределы снижения налоговых санкций. Еще одним важным изменением, вступающим в силу с 1 сентября 2026 года, является установление верхнего предела для снижения штрафа при наличии смягчающих обстоятельств. Согласно новым правилам, налоговая санкция может быть уменьшена не более чем в 10 раз. При этом минимальное уменьшение в 2 раза, предусмотренное пунктом 3 статьи 114 Налогового кодекса РФ, сохраняется [4].

Так же стоит отметить практические последствия и правовые риски для бизнеса.

Введение официальной оценки финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщиков создает принципиально новый инструмент для проявления должной осмотрительности при выборе контрагентов. Полученная от ФНС России выписка может использоваться как для подтверждения собственной надежности перед заказчиками и партнерами, так и для проверки сведений о потенциальных поставщиках (подрядчиках) [2].

Как отмечается в разъяснениях ФНС, новый сервис позволяет минимизировать риски организации при заключении договоров, поскольку официальное заключение налогового органа имеет более высокую доказательственную силу по сравнению с данными коммерческих сервисов проверки контрагентов.

Вместе с тем, стоит обратить внимание на потенциальные риски, связанные с введением официального рейтинга налогоплательщиков. Низкая оценка, полученная по результатам анализа ФНС, может стать основанием для отказа в кредитовании, заключении крупных контрактов или участия в тендерах. Как справедливо отмечают исследователи, либерализация контрольно-надзорной деятельности ориентирована на применение риск-ориентированного подхода, что позволяет включить налогоплательщиков в определенные группы риска, однако абстрактный и субъективный характер таких критериев является основанием для возникновения споров в налоговой сфере [9, с. 14].

При этом механизм оспаривания результатов оценки в судебном порядке законодательно четко не определен. Хотя налогоплательщик имеет право на административную корректировку результатов путем

подачи заявления в налоговый орган, возможность обжалования самой методики оценки или ее применения к конкретному налогоплательщику остается предметом для дальнейшего правового регулирования и судебного толкования.

Соотношение с существующими критериями риска. Важно отметить, что новый механизм оценки не отменяет действующую Концепцию системы планирования выездных налоговых проверок, утвержденную приказом ФНС России [5]. По-прежнему актуальными остаются 12 общедоступных критериев самостоятельной оценки рисков для налогоплательщиков, включая показатели налоговой нагрузки, убыточности, доли вычетов по НДС и уровня заработной платы.

Как показывает статистика ФНС, результативность выездных проверок сохраняется на высоком уровне, что свидетельствует о сохранении высокой интенсивности налогового контроля и необходимости для бизнеса внимательно отслеживать соответствие своей деятельности установленным критериям.

В заключение отметим, что реформа налогового контроля 2026 года знаменует качественно новый этап в развитии налоговых правоотношений в Российской Федерации. ФНС России получает не только дополнительные процессуальные инструменты для проведения проверочных мероприятий, но и становится своеобразным «арбитром деловой репутации», наделенным полномочиями официально оценивать благонадежность хозяйствующих субъектов.

Основные направления расширения полномочий — введение института официальной оценки налогоплательщиков, углубление выездных проверок, расширение возможностей осмотра и выемки документов на этапе камерального контроля, а также цифровизация взаимодействия с налогоплательщиками через портал «Госуслуги» — в совокупности формируют новую архитектуру налогового контроля, ориентированную на максимальную прозрачность деятельности хозяйствующих субъектов.

Для бизнеса эти изменения несут как новые возможности (упрощение процедур проверки контрагентов, получение официального подтверждения собственной надежности), так и дополнительные риски (возможность получения статуса неблагонадежного налогоплательщика с вытекающими негативными последствиями). В этих условиях особое значение приобретает проактивная позиция налогоплательщиков по мониторингу собственных финансово-хозяйственных показателей и их соответствия критериям, установленным ФНС России.

Таким образом, оптимизация системы налогового контроля в Российской Федерации идет полным ходом и этого требуют потребности настоящего времени. И оно «продолжит совершенствоваться на фоне ускоряющегося технологического прогресса» [8]. Дальнейшее развитие законодательства в этой сфере, вероятно, будет связано с совершенствованием методик оценки, уточнением процедур оспаривания результатов анализа и более четким определением правовых последствий присвоения налогоплательщикам тех или иных рейтинговых категорий.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 23.07.2025 № 254-ФЗ "О внесении изменения в Закон Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52222> (дата обращения: 01.03.2026). [1]
2. Информация ФНС России «О сервисе оценки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 23.07.2025 // СПС "ГАРАНТ". - URL: <https://www.garant.ru/news/1836273/> (дата обращения: 01.03.2026).
3. Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»// Официальный интернет-портал правовой информации. (Дата опубликования: 28.11.2025).
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025, с изм. от 11.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 01.03.2026).
5. Приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» (ред. от 10.05.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
6. ФНС России. Сервис 2Проверка достоверности выписки из сервиса оценки юридических лиц». - URL: <https://service.nalog.ru/scoring/> (дата обращения: 01.03.2026).
7. Пепеляев Групп. Обзор изменений в НК РФ, ноябрь 2025: [аналитический обзор]. – М.: Пепеляев

- Групп, 2025. – 15 с.
8. Колодина М.В., Рахматулина О.В. Совершенствование методов финансового контроля в Российской Федерации с внедрением финансовых технологий// Право и государство: теория и практика. - № 7(199). – 2021. - С. 103-106.
9. Маслов К.В. Теоретические и практические аспекты управления налоговыми рисками при осуществлении налогового контроля // Финансовое право. – 2025. – № 8. – С. 13–16.

УДК 34.01**ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ДОМИНИРУЮЩЕГО ПОЛОЖЕНИЯ НА ЦИФРОВОМ РЫНКЕ****Коновалова Алина Олеговна**

студентка 4 курса

научный руководитель: **Мурзина Алина Сергеевна**старший преподаватель кафедры предпринимательского и трудового права
Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, г. Оренбург

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформации института доминирующего положения в условиях цифровой экономики. Анализируется эволюция правового регулирования от традиционных количественных критериев к качественным показателям, учитывающим специфику цифровых платформ. Рассматриваются положения «пятого антимонопольного пакета» 2023 года, впервые закрепившего в российском законодательстве понятия «цифровая платформа» и «сетевой эффект», а также новые критерии доминирования. Обосновывается вывод о формировании подхода, сближающего регулирование цифровых платформ с механизмами, применяемыми в отношении естественных монополий.

Ключевые слова: доминирующее положение, антимонопольное регулирование, цифровые платформы, пятый антимонопольный пакет, цифровая экономика

THE CONCEPT AND FEATURES OF THE DOMINANT DIGITAL MARKET CONDITIONS**Kononova Alina Olegovna**

fourth-year student

scientific supervisor: **Murzina Alina Sergeevna**

assistant Professor of Business and Labor Law

Orenburg Institute (branch) of the O. E. Kutafin University (MSAL), Russia, Orenburg

Abstract. The article is devoted to the study of the transformation of the institution of dominance in the digital economy. The article analyzes the evolution of legal regulation from traditional quantitative criteria to qualitative indicators that take into account the specifics of digital platforms. The provisions of the "fifth antimonopoly package" of 2023, which for the first time fixed the concepts of "digital platform" and "network effect" in Russian legislation, as well as new criteria for dominance, are considered. The author substantiates the conclusion about the formation of an approach that brings the regulation of digital platforms closer to the mechanisms used in relation to natural monopolies.

Key words: dominant position, antimonopoly regulation, digital platforms, fifth antimonopoly package, digital economy

Институт доминирующего положения выступает ключевым элементом механизма антимонопольного регулирования, поскольку именно наличие рыночной власти является необходимым условием для квалификации действий хозяйствующего субъекта в качестве злоупотребления. Легальная дефиниция доминирующего положения закреплена в статье 5 Федерального закона «О защите конкуренции», согласно которой доминирующим признается положение хозяйствующего субъекта (группы лиц) на рынке определенного товара, дающее ему возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара, устранять с рынка других хозяйствующих субъектов или затруднять им доступ на рынок [1]. Разъяснения ФАС подтверждают открытый характер перечня злоупотреблений, закрепленного статье, что позволяет антимонопольным органам квалифицировать как нарушения и те деяния, которые прямо не поименованы, но содержат все признаки злоупотребления.

Российские цифровые платформы охватывают своей деятельностью самые разные сегменты и отрасли экономики, их спектр достаточно широк и в первую очередь относится к активному взаимодействию с потребителями. Шелепов А.В. отмечает, что российские цифровые платформы

(например, «Яндекс», Wildberries, Ozon, «Авито») успешно работают во многих отраслях, конкурируя с глобальными компаниями. Однако их стремительное развитие требует обновления законодательства. [5] Похожее мнение выражает в своей работе В.А. Седнев, обосновывая тезис о том, что классические критерии доминирования, прежде всего доля рынка, не работают в цифровой среде. [4] Основная мысль заключается в том, что старые правила не подходят для новой экономики: если раньше для определения монополиста достаточно было посмотреть на его долю рынка (например, наличие 50% продаж свидетельствовало о доминировании), то на цифровых рынках, таких как поисковики, соцсети или маркетплейсы, этот подход не работает, поскольку компания может быть бесплатной для пользователей, ее долю в деньгах посчитать сложно, но при этом она способна диктовать условия всем остальным участникам.

Ситуацию меняет введение «Пятого антимонопольного пакета» в 2023 году, цель принятия которого – как раз исключение злоупотреблений на цифровых платформах [2]. Закон ввел в российское законодательство понятий «цифровая платформа» и «сетевой эффект», при этом сетевой эффект определяется как свойство рынка, при котором ценность платформы для пользователей зависит от количества продавцов и покупателей на ней, что является ключевым для понимания доминирования в цифровой среде.

Кроме того, закон устанавливает новые критерии доминирования, при выполнении которых владелец цифровой платформы может быть признан доминирующим с соответствующими ограничениями: наличие сетевого эффекта на рынке, доля сделок, совершенных через платформу, превышает 35% от общего объема сделок на соответствующем рынке в стоимостном выражении, а годовая выручка владельца платформы превышает 2 млрд рублей, и в статье приводится цитата экспертов ФАС о том, что под эти критерии точно попадают «Авито», «Циан», «Яндекс.Такси», а также Google и Apple как владельцы магазинов приложений.

По мнению ФАС России, «пятый антимонопольный пакет» окажет превентивное воздействие на агрегаторы и маркетплейсы, создав барьеры для злоупотреблений на цифровых рынках. [3] Однако этот закон не является исчерпывающим, хотя и обсуждались в концептуальных документах Минэкономразвития и Банка России, в частности обеспечение открытости платформ, когда платформы не должны создавать преимуществ своим собственным сервисам перед сервисами других поставщиков, а также вопросы ценообразования, поскольку действующее законодательство не до конца учитывает особенности формирования монопольно высоких цен в условиях пакетных предложений и экосистем, и эксперты рекомендуют доработать подходы к определению монопольно высокой цены с учетом специфики экосистем[5, с. 117].

Таким образом, развитие института доминирующего положения в российском праве движется по пути отказа от формальных количественных показателей в пользу качественных критериев, учитывающих сетевые эффекты, роль данных и экосистемный характер современных платформ. Дальнейшее совершенствование законодательства должно быть направлено на выработку механизмов, обеспечивающих баланс между предотвращением злоупотреблений и сохранением стимулов для инновационного развития цифровых рынков. Современная правовая и экономическая доктрина, а также дискуссии на высоком государственном уровне свидетельствуют о формировании подхода, при котором для сдерживания рыночной власти крупнейших цифровых платформ предлагается применять механизмы, аналогичные регулированию естественных монополий.

Список литературы:

1. «Федеральный закон «О защите конкуренции»» от 26.07.2006 № № 135-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации // (дата обращения: 07.03.2026).
2. «Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» «от 10.07.2023 № № 301-ФЗ» // Официальный интернет-портал правовой информации // (дата обращения: 07.03.2026).
3. Президент России подписал разработанный ФАС «пятый антимонопольный пакет» // Федеральная антимонопольная служба URL: <https://fas.gov.ru/news/32676> (дата обращения: 07.03.2026).
4. Седнев В. А. Доминирующее положение на цифровых рынках // Российское конкурентное право и экономика. 2021. №1 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dominiruyuschee-polozhenie-na-tsifrovyyh-rynках> (дата обращения: 07.03.2026).
5. Шелепов А.В., Колмар О.И. Регулирование цифровых платформ в России // Вестник международных организаций. 2024 Т. 19 № 2 С. 110–126.

УДК 34.096

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ БАНКОВСКУЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ****Левина Елизавета Викторовна**

студент

Кузьмина Мария Вячеславовна

к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и трудового права

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

г. Оренбург, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых проблем привлечения к уголовной и административной ответственности за незаконную банковскую деятельность в Российской Федерации. Рассматриваются особенности квалификации преступления, предусмотренного статьей 172 УК РФ, анализируются доктринальные подходы, а также судебная практика судов общей юрисдикции и позиции Конституционного Суда РФ. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: незаконная банковская деятельность, банковские операции, ответственность, судебная практика.

**LEGAL PROBLEMS OF RESPONSIBILITY FOR ILLEGAL BANKING ACTIVITIES AND THEIR
SOLUTIONS****Levina Elizaveta Viktorovna**

student

Kuzmina Maria Viacheslavovna

PHD in Law, Associate Professor of the Department

of Business and Labor Law Orenburg Institute (branch) University named after O. E. Kutafin (MSAL),

Orenburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of legal problems of criminal and administrative liability for illegal banking activities in the Russian Federation. The features of the qualification of the crime provided for by Article 172 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered, doctrinal approaches are analyzed, as well as the judicial practice of courts of general jurisdiction and the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Proposals for improving legislation and law enforcement practice are formulated.

Keywords: illegal banking activities, banking operations, liability, judicial practice.

Незаконная банковская деятельность, криминализируемая статьей 172 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), по праву относится к числу наиболее общественно опасных преступлений в экономической сфере. Ее особая значимость обусловлена тем, что данное деяние посягает не просто на отдельные имущественные интересы граждан или организаций, а на фундаментальные устои финансовой безопасности государства – установленный законом порядок осуществления банковской деятельности и функционирования всей кредитно-денежной системы. Все это является кровеносной системой экономики, от стабильности и надежности напрямую зависят инвестиционный климат, устойчивость национальной валюты, эффективность монетарной политики и, в конечном счете, благосостояние граждан.

Стабильный рост числа возбужденных уголовных дел по статье 172 УК РФ, наблюдаемый в последние годы, является ярким индикатором актуальности и остроты данной проблемы¹⁵. Этот рост не только отражает усилия правоохранительных органов по противодействию финансовым правонарушениям, но и сигнализирует о появлении новых, все более изощренных схем обхода регулирования. Часто незаконная банковская деятельность служит питательной средой или сопутствующим элементом для других тяжких преступлений, таких как легализация (отмывания) доходов, полученных преступным путем (ст. 174 УК РФ), мошенничества в особо крупном размере (ч. 4 ст. 159 УК РФ), незаконного обналичивания денежных средств, а также уклонения от уплаты налогов (ст. 199 УК РФ).

¹⁵ Алексеева Д.Г., Михеева И.Е., Суспицына Т.П. Актуальные проблемы привлечения к уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность // Всероссийский криминологический журнал. 2019.

В соответствии со статьей 172 УК РФ¹⁶ уголовная ответственность наступает за осуществление банковской деятельности без регистрации или без лицензии Банка России при наличии квалифицирующих последствий. Как отмечают Д. Г. Алексеева и И. Е. Михеева, банковская деятельность представляет собой не разовое действие, а совокупность систематически осуществляемых банковских операций, что имеет принципиальное значение для правильной квалификации деяний¹⁷.

Объективная сторона незаконной банковской деятельности выражается в совершении операций, которые, в силу Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1¹⁸, могут осуществляться исключительно кредитными организациями. Бланкетный характер диспозиции статьи 172 УК РФ порождает сложности правоприменения и приводит к расширительному толкованию состава преступления.

Административная ответственность за нарушения банковского законодательства установлена статьей 15.26 КоАП РФ¹⁹. Н. К. Джафаров справедливо указывает, что отсутствие четкого разграничения административного правонарушения и преступления приводит к снижению эффективности правового регулирования и правовой неопределенности²⁰.

Следственные органы и суды сталкиваются с серьезными трудностями при разграничении, например, «осуществления банковских операций без лицензии» (преступление) и «нарушения порядка открытия счетов и проведения операций» (чаще административное правонарушение). Ключевые оценочные критерии, такие как «систематичность» осуществления операций, наличие «крупного ущерба» или «извлечения дохода в особо крупном размере», закрепленные в ч. 1 и ч. 2 ст. 172 УК РФ, часто трактуются неоднозначно. Отсутствие единообразных методик расчета такого ущерба или дохода ведет к противоречивой судебной практике, когда аналогичные деяния в разных регионах получают принципиально разную юридическую оценку.

В научной литературе отсутствует единый подход к определению субъекта незаконной банковской деятельности. Ряд авторов обоснованно указывает на специальный характер субъекта – руководителя либо должностного лица кредитной организации²¹. Конституционный Суд РФ, однако, в Определении от 17 июля 2014 г. № 1743-О²² допустил возможность привлечения к ответственности иных лиц, что вызывает дискуссии в доктрине.

Анализ судебной практики свидетельствует о неоднородности подходов судов к квалификации незаконной банковской деятельности. Так, в приговорах Останкинского районного суда г. Москвы по делам об организации незаконных «обнальных» центров суды признавали наличие состава преступления по статье 172 УК РФ, исходя из систематического оказания услуг по переводу и обналичиванию денежных средств за вознаграждение. Вместе с тем в ряде дел суды указывали, что посредническая деятельность без осуществления собственно банковских операций не образует состава данного преступления.

Существенное значение для правоприменения имеет позиция Верховного Суда РФ, изложенная в постановлениях Пленума, посвященных преступлениям в сфере экономической деятельности. Верховный Суд указывает на необходимость строгого соблюдения принципа законности и недопустимость расширительного толкования уголовно-правовых норм²³. Эти подходы применимы и к оценке незаконной банковской деятельности

¹⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.12.1996 №63-ФЗ (ред. от 23.04.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996 — №25 — Ст. 2954.

¹⁷ Алексеева Д.Г., Михеева И.Е., Суспицына Т.П. Актуальные проблемы привлечения к уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность // Всероссийский криминологический журнал. 2019.

¹⁸ О банках и банковской деятельности: Федеральный закон: [от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (посл. ред.)]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842 (дата обращения: 12.12.2025). – Текст: электронный.

¹⁹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. 2002.

²⁰ Джафаров Н.К. Банковское правонарушение как основание юридической ответственности // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 4.

²¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. О.С. Капинус. М.: Проспект, 2018.

²² Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 N 1743-О // URL: <https://www.consultant.ru/> дата обращения: 12.12.2025).

²³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности».

В целях системного устранения выявленных проблем правоприменения, приводящих к правовой неопределенности и снижению эффективности борьбы с противоправной деятельностью в банковской сфере, представляется целесообразным реализовать комплекс взаимосвязанных мер законодательного и правоприменительного характера.

1. Законодательное уточнение признаков субъекта преступления по статье 172 УК РФ. В настоящее время диспозиция статьи 172 УК РФ определяет субъект как лицо, осуществляющее банковскую деятельность без лицензии, однако требует конкретизации. Целесообразно путем внесения изменений в примечание к статье или принятия специального постановления Пленума Верховного Суда четко определить круг лиц, которые могут быть привлечены к ответственности.

2. Закрепление формализованных критериев отграничения уголовной ответственности по статье 172 УК РФ от административной по статье 15.26 КоАП РФ. Ключевой задачей является переход от оценочных к более объективным критериям. Для этого необходимо законодательно закрепить пороговые значения, при превышении которых деяние считается преступлением.

3. Формирование единообразной судебной практики на основе разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Реализация указанных мер позволит создать более справедливую, предсказуемую и эффективную систему ответственности. Это, в свою очередь, будет способствовать повышению доверия к финансовой системе, защите интересов добросовестных участников рынка и концентрации усилий правоохранительных органов на пресечении действительно опасных форм противоправной деятельности, подрывающих основы экономической безопасности государства.

Подводя итог, следует отметить, что правовые проблемы ответственности за незаконную банковскую деятельность обусловлены сложностью экономических отношений и несовершенством законодательных конструкций. Их разрешение возможно при условии комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства и развитие судебной практики.

Список литературы:

1. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон: [от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (посл. ред.)]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842 (дата обращения: 12.12.2025). – Текст: электронный.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. 2002.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.12.1996 №63-ФЗ (ред. от 23.04.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996 — №25 — Ст. 2954.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 N 1743-О // URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.12.2025).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности».
6. Алексеева Д.Г., Михеева И.Е., Суспицына Т.П. Актуальные проблемы привлечения к уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 6.
7. Джафаров Н.К. Банковское правонарушение как основание юридической ответственности // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 4.
8. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности. М.: Юрлитинформ, 2015.
9. Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. Т.2: Особенная часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М.: НОРМА, 2000. С. 235.
10. Уголовное право. Части Общая и Особенная: курс лекций / У26 Г. А. Есаков, А. И. Рарог [и др.]; под. ред. А. И. Рарога. — М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. - 480 с.

УДК 349.6

ЭКОЛОГО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УЩЕРБ МОРСКИМ ЭКОСИСТЕМАМ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**Леденева Екатерина Викторовна**

студент 4 курса, юридический факультет

научный руководитель: **Кузьмина Мария Вячеславовна**

кандидат юридических наук

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

Россия г. Оренбург

Аннотация. В статье анализируются проблемы эколого-правовой ответственности за ущерб морским экосистемам в Арктической зоне РФ в условиях роста антропогенной нагрузки. Установлено, что ключевыми проблемами выступают недостаточная эффективность международных механизмов принуждения, отсутствие субсидиарной ответственности государств за трансграничный ущерб и фрагментарность национального регулирования ликвидации накопленного вреда. Обосновывается необходимость разработки международного соглашения о субсидиарной ответственности арктических государств, принятия специального федерального закона и внедрения превентивных экономико-правовых инструментов.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, морские экосистемы, эколого-правовая ответственность, трансграничный ущерб.

ENVIRONMENTAL AND LEGAL LIABILITY FOR DAMAGE TO MARINE ECOSYSTEMS IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS**Ledeneva Ekaterina Victorovna**

Student 4 term Faculty of Law

Scientific adviser: **Kuzmina Maria Vyacheslavovna**

Candidate of Law Sciences

Orenburg Institute (branch) O. E. Kutafin University (MGUA), Russia, Orenburg

Abstract. The article analyzes the problems of environmental and legal liability for damage caused to marine ecosystems in the Arctic zone of the Russian Federation amid increasing anthropogenic pressure. It is established that the key challenges include the insufficient effectiveness of international enforcement mechanisms, the lack of subsidiary state responsibility for transboundary harm, and the fragmented nature of national regulation concerning the elimination of accumulated environmental damage. The article substantiates the need to develop an international agreement on subsidiary liability of Arctic states, adopt a special federal law, and introduce preventive economic and legal instruments.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, marine ecosystems, environmental and legal liability, transboundary harm.

Актуальность темы настоящего исследования определяется уникальной экологической уязвимостью морских экосистем Арктики и одновременным резким увеличением масштабов хозяйственного освоения Арктической зоны Российской Федерации (далее – АЗРФ). Глобальные климатические изменения, приводящие к сокращению ледового покрова, открывают новые экономические возможности, прежде всего в области судоходства по Северному морскому пути и разработки шельфовых месторождений полезных ископаемых. В этой связи правовое регулирование ответственности за причинение ущерба окружающей среде выступает в качестве одного из ключевых элементов обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития региона.

Современное состояние правового регулирования в данной области характеризуется наличием значительного количества как международных, так и национальных нормативных правовых актов. Однако их эффективность на практике зачастую оказывается недостаточной в силу ряда системных проблем. К их числу относятся декларативный характер многих международных договоренностей, отсутствие четких механизмов принуждения к их исполнению, а также пробелы и противоречия во внутригосударственном законодательстве, особенно в части возмещения так называемого накопленного вреда и ответственности за трансграничное загрязнение.

Международное сотрудничество в сфере охраны окружающей среды Арктики исторически развивалось в условиях необходимости балансирования между суверенными правами приарктических

государств и интересами международного сообщества в сохранении уникальной экосистемы региона. Основной платформой для такого сотрудничества выступает Арктический совет, в состав которого наряду с восемью арктическими государствами, включая Российскую Федерацию, входят организации, представляющие коренные народы, а также государства-наблюдатели [1, с. 266]. Подобный широкий состав участников свидетельствует о признании глобальной значимости арктического региона, но одновременно усложняет процесс выработки обязательных для всех решений.

Анализ ключевых международных документов, формирующих правовое поле для природоохранной деятельности в Арктике, позволяет констатировать их преимущественно рамочный и рекомендательный характер. Ярким примером служит Нуукская декларация об окружающей среде и развитии в Арктике 1993 года. Несмотря на то, что данный документ содержит комплексный перечень мер, направленных на сотрудничество в экологической сфере, он не предусматривает каких-либо механизмов принуждения стран-участниц к соблюдению его положений или мер ответственности за их нарушение [2, с. 215]. В научной литературе справедливо отмечалось, что подобные документы, будучи лишенными «правовых зубов», допускают поведение участников, отклоняющееся от провозглашенных норм, и не обеспечивают надежных гарантий сохранения морских экосистем.

Еще одной иллюстрацией ограниченности международных механизмов является реализация Целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций, многие из которых, касающиеся сохранения морских экосистем, не были достигнуты к запланированному 2020 году. Как показал анализ доклада о целях устойчивого развития за 2020 год, хотя по некоторым направлениям, таким как расширение площади охраняемых морских акваторий и борьба с незаконным рыболовством, наблюдалась положительная динамика, общая картина оставалась неоднозначной [2, с. 216]. Отсутствие у ООН действенных инструментов принуждения государств-членов к выполнению взятых на себя обязательств существенно снижает эффективность подобных глобальных инициатив.

В отличие от многосторонних соглашений, более действенными зарекомендовали себя двусторонние договоренности, в которых интересы сторон и меры ответственности за их нарушение определены с большей четкостью. Такой подход, по сути, приближающий межгосударственные отношения к логике гражданско-правового договора, представляется более эффективным, так как создает реальные стимулы для добросовестного выполнения обязательств.

Ключевой нерешенной проблемой на международно-правовом уровне остается вопрос о субсидиарной ответственности государств за трансграничный экологический ущерб, причиненный хозяйствующими субъектами, действующими под их юрисдикцией. В настоящее время в международном праве отсутствуют универсальные нормы, которые бы устанавливали обязанность государства нести дополнительную (субсидиарную) ответственность в случае, если частный загрязнитель не обладает достаточными средствами для полного возмещения масштабного трансграничного ущерба. Представляется, что в условиях Арктики, где последствия крупной аварии, подобной разливу нефти, могут иметь катастрофические и необратимые последствия для хрупких экосистем, а затраты на ликвидацию чрезвычайно высоки, разработка и закрепление такого механизма является насущной необходимостью. Справедливым видится подход, согласно которому государство, легитимируя активную хозяйственную деятельность на своей территории, должно принимать на себя и дополнительные гарантийные обязательства перед международным сообществом [1, с. 276].

Национальная правовая система Российской Федерации в области охраны окружающей среды в Арктике основывается на комплексе стратегических документов и отраслевого законодательства. Фундаментальными актами, определяющими вектор развития региона, являются Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 года № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» [3] и Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 года № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» [4]. Данные документы закрепляют приоритеты социально-экономического развития АЗРФ, среди которых особое место отводится вопросам экологической безопасности, включая необходимость ликвидации накопленного вреда и минимизации негативного воздействия от новой хозяйственной деятельности.

В контексте ответственности за ущерб морским экосистемам особого внимания заслуживает развитие Северного морского пути (СМП) как ключевой национальной транспортной артерии. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 августа 2022 года № 2115-р был утвержден План развития Северного морского пути на период до 2035 года. В числе мероприятий данного плана

значатся не только задачи по развитию инфраструктуры и увеличению грузопотока, но и меры, непосредственно направленные на обеспечение экологической безопасности. К ним относятся разработка программы реабилитации арктических морей от затопленных радиоактивных объектов, подготовка нормативной базы для экологического мониторинга воздуха и вод в портах, а также проведение анализа экологических рисков в акватории СМП [5, с. 23]. Реализация этих мер является важным шагом в направлении профилактики экологического ущерба и создания основ для его последующего возмещения.

Отдельной, исторически сложившейся проблемой, требующей особого правового регулирования, является ликвидация накопленного экологического вреда. В Арктике эта проблема проявляется особенно остро в виде затопленных и затонувших объектов с отработанным ядерным топливом и радиоактивными отходами. По имеющимся данным, на дне арктической акватории в зоне юрисдикции России находится семь объектов, содержащих ядерное топливо [1, с. 280]. Несмотря на то, что еще несколько лет назад разрабатывался проект соответствующего указа Президента РФ, наделившего Госкорпорацию «Росатом» полномочиями по реабилитации арктической зоны, данный документ так и не был принят. Это свидетельствует о сохраняющихся пробелах в нормативно-правовом обеспечении деятельности по ликвидации наиболее опасных объектов накопленного вреда.

Опасность подобных «подводных наследий» и недостаточность существующих механизмов реагирования наглядно подтверждаются также международной катастрофой на АЭС «Фукусима-1» в 2011 году. Разрушение станции цунами привело к попаданию радиоактивных веществ в океан, а решение японского правительства 2021 года о сбросе технической воды, несмотря на озабоченность мирового сообщества, высветило ряд существенных пробелов в праве: отсутствие в международных договорах четких требований к объему и срокам предоставления информации о ядерной аварии, неурегулированность вопроса ответственности государства за своевременность и достаточность мер реагирования, а также отсутствие регламента координации действий между государственными органами и эксплуатирующей организацией [6, с. 80]. Все это свидетельствует о том, что даже крупные техногенные катастрофы не всегда приводят к формированию эффективных и обязательных для исполнения международно-правовых норм, что делает особо актуальной задачу разработки надежных национальных механизмов предотвращения и ликвидации ядерного загрязнения в Арктике.

Так же вещественным подтверждением стремительного развития неблагоприятных изменений служат данные многолетних наблюдений. Так, в циркумполярной области России на станции «Остров Диксон» с 1968 по 2017 годы зафиксирован рост среднегодовой температуры почти на 4°C, что влечет за собой кардинальные изменения в динамике развития и функционировании хрупких экосистем, ставя под угрозу биологическое разнообразие и адаптационные способности местных видов флоры и фауны. В этой связи особую остроту приобретает проблема воздействия тяжелой промышленности: быстрые темпы научно-технического прогресса и развитие нефтегазового сектора, например, в таких центрах, как Новый Уренгой, вносят значительный вклад в изменение климата и нарушение экологического баланса, что требует неукоснительного соблюдения природоохранных норм [7, с. 14].

Как отмечалось в научной литературе, российское законодательство в сфере ликвидации накопленного вреда в Арктике имело ряд существенных недостатков. В частности, к числу таких недостатков относилось отсутствие специализированных арктических методик оценки ущерба, нормативов качества почв, которые должны быть достигнуты в результате рекультивации, а также нормативного требования об использовании передовых технологий, доказавших свою эффективность в суровых климатических условиях [1, с. 282]. Частично эти пробелы начали устраняться. Например, в 2020 году был принят Федеральный закон, который включил проектную документацию на строительство и реконструкцию объектов капитального строительства в АЗРФ в перечень объектов государственной экологической экспертизы федерального уровня [1, с. 282]. Тем не менее, для комплексного решения проблемы накопленного вреда, включая вопросы финансирования и ответственности за объекты, происхождение которых связано с деятельностью советского периода, требуется принятие специального федерального закона или целевой государственной программы.

Проведенный анализ позволяет выделить ряд системных проблем, сдерживающих формирование эффективного механизма эколого-правовой ответственности за ущерб морским экосистемам в Арктике.

Первой и фундаментальной проблемой является недостаточная эффективность существующих международных механизмов. Как показало исследование, ключевые многосторонние соглашения в арктическом регионе носят декларативный характер и не содержат действенных инструментов принуждения [2, с. 215]. Это создает правовой вакуум, в котором провозглашенные экологические

стандарты могут игнорироваться государствами без риска понести существенные санкции. В условиях роста конкуренции за ресурсы и транспортные маршруты в Арктике такая ситуация таит в себе значительные риски для окружающей среды.

Второй проблемой выступает неразработанность на международном уровне механизма субсидиарной ответственности государств за трансграничный экологический ущерб. Отсутствие четких правил, определяющих обязанность государства выступать гарантом возмещения вреда в случае несостоятельности частного загрязнителя, оставляет пострадавшие стороны без надежной защиты [1, с. 276]. Для Арктики, где затраты на ликвидацию последствий крупной аварии могут исчисляться миллиардами долларов, а экосистемы обладают крайне низкой способностью к самовосстановлению, этот пробел в регулировании является критическим.

Третья проблема связана со сложностью ликвидации накопленного экологического вреда, который является наследием прошлой хозяйственной и военной деятельности. Наличие на дне арктических морей объектов с ядерными материалами, а также многочисленных загрязненных участков на суше (бывших метеостанций, военных баз, объектов горнодобывающей промышленности) требует не только колоссальных финансовых вложений, но и создания специальных правовых режимов, регулирующих порядок проведения работ, стандарты безопасности и источники финансирования [1, с. 280-282].

Четвертая группа проблем порождается интенсификацией хозяйственной деятельности, прежде всего судоходства по СМП и освоения шельфовых месторождений. Рост грузопотока неизбежно ведет к увеличению рисков аварийных разливов нефтепродуктов, столкновений судов с морскими млекопитающими, загрязнения акватории сточными водами и мусором [5, с. 23]. Суровые климатические условия, удаленность от инфраструктуры и ограниченные временные окна для проведения аварийно-спасательных работ многократно усиливают потенциальные последствия любых инцидентов.

В качестве перспективных направлений совершенствования правового регулирования ответственности за ущерб морским экосистемам в АЗРФ предлагается следующее.

На международном уровне Российской Федерации целесообразно проявить инициативу по запуску в рамках Арктического совета переговорного процесса о разработке многостороннего соглашения, которое бы устанавливало принцип субсидиарной ответственности арктических государств за трансграничный экологический ущерб. Такое соглашение должно содержать четкие критерии возникновения ответственности, механизмы оценки ущерба и процедуры компенсации.

На национальном уровне приоритетными видятся следующие меры. Во-первых, необходима разработка и принятие специального федерального закона, посвященного ликвидации накопленного экологического вреда в АЗРФ. Данный закон должен установить прозрачную процедуру инвентаризации объектов накопленного вреда, определить источники и механизмы финансирования работ по их ликвидации, закрепить целевые показатели качества окружающей среды, которые должны быть достигнуты в результате реабилитации территорий и акваторий [1, с. 282].

Во-вторых, требуется внедрение комплексной системы экономико-правовых стимулов и гарантий, направленных на предупреждение и возмещение возможного ущерба от текущей хозяйственной деятельности. К ним относится развитие института обязательного экологического страхования для предприятий, ведущих деятельность в Арктике, создание отраслевых компенсационных фондов, а также ужесточение административной и уголовной ответственности за экологические правонарушения, совершенные в Арктической зоне.

В-третьих, в целях минимизации рисков, связанных с судоходством по СМП, необходимо совершенствование подзаконных нормативных актов. Целесообразно введение обязательной экологической сертификации для всех судов, следующих по трассе СМП, с установлением повышенных требований к конструкции судов, системам очистки и утилизации отходов. Кроме того, требует развития система государственного экологического мониторинга в акватории СМП с активным использованием технологий дистанционного зондирования Земли, беспилотных летательных аппаратов и автоматических измерительных станций для оперативного выявления и реагирования на случаи загрязнения [5, с. 24].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт эколого-правовой ответственности за ущерб морским экосистемам Арктической зоны Российской Федерации в настоящее время находится в состоянии развития, не успевая в полной мере адекватно реагировать на вызовы, связанные с ростом антропогенной нагрузки на регион. Существующая система регулирования, включающая как международные, так и национальные компоненты, характеризуется фрагментарностью, наличием существенных пробелов и недостаточной силой принуждения.

Перспективы развития данного института видятся в комплексном подходе, сочетающем активизацию нормотворческих инициатив на международной арене с глубокой модернизацией национального законодательства. На международном уровне усилия должны быть сконцентрированы на выработке юридически обязывающего соглашения о субсидиарной ответственности арктических государств. На национальном уровне приоритетами должны стать принятие специализированного законодательства о ликвидации накопленного вреда в Арктике, внедрение комплексной системы экономико-правовых стимулов и гарантий, а также ужесточение экологических требований к хозяйственной деятельности, особенно в области арктического судоходства и шельфовой добычи.

Список литературы:

1. Сафин З.Ф., Лунева Е.В., Редникова Т.В. Охрана и использование природных ресурсов Арктики: проблемы правового регулирования // Труды Института государства и права РАН. 2025. Т. 20. № 1. С. 259–290.
2. Липина С.А., Ламов П.Ю. Сохранение и развитие морских и прибрежных экосистем: полярный фактор // Арктика и Север. 2021. № 45. С. 209–228.
3. Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года: Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 10. Ст. 1317.
4. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 44. Ст. 6970.
5. Савинцева Я.А., Ельмендеева Л.В. Правовые аспекты государственной охраны окружающей среды в Арктике при использовании Северного морского пути [Электронный ресурс] // Арктика 2035. – 2024. - №3(19). – URL: <https://arctic2035.ru/n19-p57> (дата обращения: 26.11.2025).
6. Гачковская А.А., Кузьмина М.В. Проблема сбросов ядерных отходов в мировой океан: правовой аспект // Правовая позиция. — 2024. — № 12. — С. 78—83.
7. Кузьмина М.В., Кусумкулова Т.Э. Экологические проблемы Крайнего Севера Российской Федерации и пути их решения // Наука через призму времени. – 2024. – №11 (92).

УДК 336.564.2

НАЛОГОВЫЕ СТИМУЛЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НЕСЫРЬЕВОГО ЭКСПОРТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Леденева Екатерина Викторовна

студент 4 курса, юридический факультет

научный руководитель: **Рахматуллина Оксана Владимировна**

кандидат юридических наук

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье исследуется роль налоговых стимулов как инструмента государственного регулирования, направленного на реализацию политики импортозамещения и развитие несырьевого экспорта в Российской Федерации. На основе анализа положений Налогового кодекса РФ, Указа Президента РФ № 309, а также современных научных исследований рассматриваются действующие механизмы налогового стимулирования (ставка НДС 0%, льготы при ввозе оборудования, инвестиционные вычеты) и выявляются проблемы их применения. Автором обосновывается необходимость совершенствования системы налоговой поддержки, включая переход к комплексному подходу, разработку специальных режимов для малого и среднего бизнеса и гармонизацию налоговой политики в рамках ЕАЭС, для достижения стратегических целей экономического развития.

Ключевые слова: налоговые стимулы, несырьевой экспорт, импортозамещение, инвестиционный налоговый вычет, налоговые льготы.

TAX INCENTIVES AS A TOOL FOR IMPORT SUBSTITUTION AND DEVELOPMENT OF NON-RESOURCE EXPORTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ledeneva Ekaterina Victorovna

student 4 term Faculty of Law

scientific adviser: **Oksana Vladimirovna Rakhmatullina**

candidate of Law Sciences

Orenburg Institute (branch) O. E. Kutafin University (MGUA), Russia, Orenburg

Abstract. The article examines the role of tax incentives as an instrument of state regulation aimed at implementing import substitution policy and developing non-primary non-energy exports in the Russian Federation. Based on the analysis of the provisions of the Tax Code of the Russian Federation, Presidential Decree No. 309, as well as modern scientific research, the current mechanisms of tax incentives (0% VAT rate, benefits for import of equipment, investment deductions) are considered and the problems of their application are identified. The author substantiates the need to improve the system of tax support, including the transition to an integrated approach, the development of special regimes for small and medium-sized businesses and the harmonization of tax policy within the EAEU, to achieve strategic goals of economic development.

Keywords: tax incentives, non-resource exports, import substitution, investment tax deduction, tax benefits.

В условиях современной геополитической напряженности и санкционного давления перед Российской Федерацией стоит стратегическая задача по перестройке экономической модели. Ключевыми векторами этой трансформации являются импортозамещение и диверсификация экспорта с уходом от сырьевой зависимости. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» закрепил в качестве национальных целей формирование устойчивой и динамичной экономики, а также достижение технологического лидерства [1]. В частности, документом установлена задача увеличения к 2030 году объема экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее чем на две трети по сравнению с показателем 2023 года [1].

Прежде чем перейти к анализу конкретных налоговых механизмов, необходимо определить ключевое понятие исследования. В научной литературе и правоприменительной практике под несырьевым неэнергетическим экспортом (далее- ННЭ) понимается вывоз за пределы таможенной территории товаров, которые прошли определенную степень обработки (передела) и не относятся к сырьевой группе. Критерий отнесения товара к сырьевому или несырьевому экспорту основывается на степени участия человека в формировании его потребительских свойств [4, с. 5]. Сырьевой экспорт включает добытые полезные ископаемые, сельскохозяйственное сырье (зерно, необработанная древесина), полуфабрикаты (чугун, необработанные металлы) и продукцию первичной переработки, которая в дальнейшем используется как материал для производства. Несырьевой экспорт, в свою очередь, представляет собой поставки готовой продукции высоких переделов (машины, оборудование, бытовая химия, готовая пищевая продукция), а также комплектующих и деталей, формирующих глобальные цепочки добавленной стоимости [6, с. 63]. Данное разграничение имеет принципиальное значение для налогового стимулирования, поскольку фискальные преференции должны быть направлены именно на поддержку производителей продукции с высокой добавленной стоимостью, а не на поощрение вывоза первичного сырья.

Налоговое стимулирование в сфере внешнеэкономической деятельности представляет собой один из действенных инструментов субсидирования экспорта и защиты внутреннего рынка. Как справедливо отмечают А.А. Гудков и Е.Г. Дедкова, налоговые льготы могут быть представлены как посредством снижения налоговых ставок или выведения из-под налогообложения части объекта, так и через разработку специальных налоговых режимов [2, с. 54]. Главная цель такого стимулирования — повышение конкурентоспособности отечественных товаров как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Следует признать, что структура российского экспорта длительное время носила преимущественно сырьевой характер. По данным В.В. Вербиной., доля топливно-энергетических товаров в экспорте РФ по итогам 2023 года превысила 60% [3, с. 34]. Такая структура несет в себе значительные риски, связанные с волатильностью мировых цен и глобальным энергетическим переходом. Однако, как отмечает исследователь, в 2023 году наметилась негативная тенденция сокращения несырьевого неэнергетического экспорта (ННЭ) на 23% по сравнению с 2022 годом, что стало следствием усиления санкционного давления и необходимости переориентации логистических потоков [3, с. 35]. В этих

условиях налоговые механизмы призваны смягчить последствия внешних ограничений и поддержать экспортеров.

Ключевым элементом действующей системы налогового стимулирования экспорта является применение ставки налога на добавленную стоимость (НДС) в размере 0% при реализации товаров, вывезенных в таможенной процедуре экспорта. Норма закреплена в подпункте 1 пункта 1 статьи 164 Налогового кодекса РФ [5, ст. 164]. Однако, как показывает практика, применение этой льготы сопряжено с рядом административных сложностей, главная из которых — длительный камеральный контроль и, как следствие, возникновение временного разрыва между уплатой НДС поставщикам и его возмещением из бюджета. Это отвлекает значительные оборотные средства экспортера. В связи с этим в научной литературе обсуждаются предложения по внедрению системы опережающего налогового кредитования, которая позволила бы минимизировать этот кассовый разрыв и исключить влияние процедур администрирования на финансовое положение предприятий [2, с. 59].

Параллельно с поддержкой экспорта налоговые инструменты активно задействуются в политике импортозамещения. В соответствии с подпунктом 1 пункта 1 статьи 151 НК РФ при ввозе товаров на территорию РФ НДС подлежит уплате [5, ст. 151]. Однако для стимулирования локализации производства Правительство РФ вправе устанавливать тарифные льготы, а также утверждать перечни технологического оборудования, комплектующих и запасных частей к нему, ввоз которых освобождается от обложения НДС. Это положение корреспондирует с задачами, поставленными в Указе № 309, в части обеспечения технологической независимости и формирования новых рынков по направлениям: станкостроение, робототехника, новые материалы и химия [1, ст. 7]. Освобождение от уплаты ввозного НДС снижает капитальные затраты инвесторов, запускающих новые производства, что напрямую способствует импортозамещению.

Важным направлением является и стимулирование инвестиционной активности внутри страны для последующего экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью. Ю.Н. Александрин, анализируя структуру несырьевого экспорта, приходит к выводу о преобладании в нем товаров нижних переделов (металлы, удобрения, зерно) и сокращении доли продукции верхних переделов — машин, оборудования, высокотехнологичных товаров [4, с. 18-19]. Для изменения этой структуры необходимы инвестиции в обрабатывающую промышленность. Налоговый кодекс предоставляет для этого ряд инструментов: инвестиционный налоговый вычет (ст. 286.1 НК РФ), ускоренную амортизацию основных средств, а также пониженные ставки по налогу на прибыль для участников региональных инвестиционных проектов. Однако, как показывают исследования, существующие меры поддержки зачастую носят фрагментарный характер и слабо увязаны с экспортной стратегией [6, с. 68].

Заслуживает внимания предложение о создании специального налогового режима для экспортно-ориентированных предприятий несырьевого сектора. А.А. Гудков и Е.Г. Дедкова предлагают ввести в НК РФ главу 26.6 «Система налогообложения для экспортно-ориентированных предприятий (единый экспортный налог)» [2, с. 56]. Критерием для перехода на такой режим, по мнению авторов, должна стать доля дохода от экспорта продукции (работ, услуг) собственного производства в размере не менее 70% [2, с. 56]. Замена совокупности налогов (налога на прибыль, НДС, налога на имущество) единым налогом могла бы существенно снизить административную нагрузку на бизнес и повысить прозрачность его деятельности. Однако реализация такого предложения требует тщательной проработки во избежание рисков недополучения доходов бюджетом и создания условий для злоупотреблений.

Анализ зарубежного опыта, представленный в работах К.А. Гулина, Н.О. Якушева и Е.А. Мазилова, свидетельствует о том, что в ведущих экспортных державах (Германия, Китай, Южная Корея) поддержка экспортеров носит комплексный системный характер и охватывает все стадии жизненного цикла экспортного продукта [6, с. 64]. При этом налоговая составляющая является неотъемлемой частью этой системы, но действует в тесной связке с финансовыми (кредиты, страхование) и институциональными (торговые представительства, центры поддержки) механизмами. В России, как отмечают исследователи, при достаточно широком спектре мер поддержки, эффективность ее пока уступает зарубежным аналогам [6, с. 66]. В частности, кредитные продукты для экспортеров остаются менее конкурентными по ставкам, а поддержка малого и среднего бизнеса зачастую затруднена из-за требований к залоговому обеспечению [4, с. 23].

Критически важным для эффективности налогового стимулирования является совершенствование статистического учета и классификации. В настоящее время официальные данные не всегда позволяют провести детальный анализ эффективности льгот в разрезе отраслей и технологических переделов [7, с.

42]. Как обоснованно указывают исследователи, отнесение к несырьевому экспорту по методологии Российского экспортного центра товаров низкой степени переработки искажает реальную картину и не позволяет в полной мере оценить вклад высокотехнологичных производств. Для принятия верных управленческих решений необходима унификация подходов к классификации и внедрение методик оценки реальной добавленной стоимости в экспортируемой продукции.

В контексте развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС) перспективным направлением является углубление промышленной кооперации. П.В. Алексеев и В.Ю. Барабанов отмечают, что развитие взаимной торговли промежуточными товарами (комплектующими) внутри ЕАЭС является важным резервом для роста несырьевого экспорта [8, с. 60]. Налоговые инструменты, такие как освобождение от уплаты ввозных пошлин и НДС при перемещении товаров в рамках кооперационных поставок, могут стать мощным катализатором этого процесса. Введение механизма «единого окна» и унификация национальных законодательств в области электронного документооборота и признания электронной цифровой подписи, по мнению авторов, способны существенно сократить транзакционные издержки для участников интеграционных процессов [8, с. 67-68].

Таким образом, налоговые стимулы являются одним из ключевых, но не единственным инструментом в реализации политики импортозамещения и развития несырьевого экспорта. Действующая система налогового законодательства РФ закладывает основу для поддержки экспортеров (ставка НДС 0%, освобождение от налога при ввозе технологического оборудования). Вместе с тем, анализ научной литературы и статистических данных свидетельствует о необходимости ее дальнейшего совершенствования. Основные направления такой модернизации должны включать: во-первых, переход от фрагментарных мер к комплексной системе поддержки, охватывающей весь производственно-экспортный цикл; во-вторых, совершенствование механизма возмещения НДС для исключения отвлечения оборотных средств; в-третьих, разработку специальных режимов для малого и среднего бизнеса, ориентированного на экспорт высокотехнологичной продукции; в-четвертых, гармонизацию налоговых политик в рамках ЕАЭС для углубления кооперации. Только системный подход, увязанный с целевыми показателями, установленными Указом Президента № 309, позволит налоговой системе стать действенным драйвером структурной перестройки экономики и укрепления экономического суверенитета России.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 20. – Ст. 2584.
2. Гудков А.А., Дедкова Е.Г. Налоговое льготирование экспортно-ориентированных предприятий несырьевого направления // Налоги и налогообложение. – 2019. – № 11. – С. 50-62.
3. Вербина В.В. Российский несырьевой неэнергетический экспорт в условиях санкций // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2024. – № 3(43). – С. 33-36.
4. Александрин Ю.Н. Современные тенденции развития несырьевого неэнергетического экспорта в РФ // Экономика: теория и практика. – 2022. – № 1(65). – С. 15-26.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 29.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
6. Гулин К.А., Якушев Н.О., Мазилев Е.А. Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11. – № 3. – С. 57-70.
7. Ковалева Е.Н., Оганова А.А. Несырьевой неэнергетический экспорт России макро- и мезоуровня: основные тенденции развития и направления поддержки // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2018. – Т. 11. – № 2. – С. 36-45.
8. Алексеев П.В., Барабанов В.Ю. Меры по увеличению несырьевого неэнергетического экспорта России // Горизонты экономики. – 2020. – № 5(58). – С. 60-68.

УДК 347.7

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ И ПОДДЕРЖКИ БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ**Леденева Екатерина Викторовна**

студент 4 курса, юридический факультет

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье анализируются правовые механизмы защиты и поддержки субъектов предпринимательской деятельности в условиях санкционного давления. Рассматриваются финансовые инструменты (льготное кредитование, кредитные каникулы), регуляторные послабления (моратории на проверки и банкротство, параллельный импорт), а также институциональная и цифровая инфраструктура поддержки бизнеса. Делается вывод о формировании в России многоуровневой системы антикризисного правового регулирования, направленной на сохранение экономической стабильности и достижение технологического суверенитета.

Ключевые слова: санкции, государственная поддержка, малое и среднее предпринимательство (МСП), правовые механизмы.

LEGAL MECHANISMS FOR THE PROTECTION AND SUPPORT OF BUSINESS UNDER SANCTIONS**Ledeneva Ekaterina Victorovna**

Student 4 term Faculty of Law

Orenburg Institute (branch) O. E. Kutafin University (MGUA), Russia, Orenburg

Abstract. The article analyzes the legal mechanisms for the protection and support of business entities under sanctions pressure. It examines financial instruments (concessional lending, credit holidays), regulatory relaxations (moratoriums on inspections and bankruptcy, parallel imports), as well as the institutional and digital infrastructure for business support. The conclusion is drawn that Russia is developing a multi-level system of anti-crisis legal regulation aimed at maintaining economic stability and achieving technological sovereignty.

Keywords: sanctions, state support, small and medium-sized enterprises (SMEs), legal mechanisms.

Современная геополитическая ситуация продолжает характеризоваться беспрецедентным санкционным давлением на Российскую Федерацию, что требует от государства постоянной адаптации и совершенствования системы правовых механизмов защиты и поддержки бизнеса. По состоянию на 2026 год, многие антикризисные меры не только сохраняют свою силу, но и получают дальнейшее развитие, демонстрируя переход от ситуативного реагирования к системной политике, направленной на достижение технологического и экономического суверенитета [1, с. 67].

Для понимания сути происходящих процессов важно обратиться к правовой природе применяемых мер. В международном праве, в частности в ст. 215 Договора о функционировании Европейского Союза, закреплено понятие «ограничительные меры», которые применяются в качестве реакции на поведение, признанное незаконным [4, с. 62]. Однако, исходя из принципа суверенного равенства государств, применение односторонних ограничительных мер отдельными странами не является легитимным с точки зрения Устава ООН [1, с. 67]. Тем не менее, вне зависимости от терминологии, их негативное влияние на экономику очевидно.

В ответ на внешние вызовы Правительством РФ и Банком России был разработан и внедрен комплекс мер, который можно классифицировать на финансовые, регуляторные (нефинансовые) и институциональные инструменты. Ключевым направлением остается льготное кредитование, механизмы которого в 2026 году существенно расширены. Так, ВЭБ.РФ и Корпорация МСП приняли решение о масштабировании программы совместных «зонтичных» поручительств. До конца 2026 года предприниматели смогут привлечь по этой программе суммарно 50 млрд рублей заемного финансирования. Механизм позволяет бизнесу получать льготные кредиты по ключевой ставке, сниженной на 3,5%, при этом поручительство покрывает до 50% от суммы кредита. Важно, что теперь этой мерой могут пользоваться не только предприятия из сферы городской экономики, но и бизнес из отраслей туризма, логистики, науки и IT, а также малые технологические компании [2].

Кроме того, с 2026 года запущена новая адресная программа льготного кредитования для бизнеса из 26 моногородов и прилегающих к ним особых экономических зон. Ставка по таким кредитам составляет от 6% до 10% годовых, а общий объем поддержки до 2030 года достигнет 18,3 млрд рублей.

Для инвестиционных проектов предусмотрена ставка 6% на срок до пяти лет, для пополнения оборотных средств — 10% на три года. Заявки принимаются онлайн через Цифровую платформу МСП.РФ [7].

Важной финансовой мерой стали «кредитные каникулы», регламентированные Федеральным законом от 3 апреля 2020 г. № 106-ФЗ. Предприниматели, заключившие кредитный договор до 1 марта 2022 года и работающие в наиболее пострадавших отраслях, получили право требовать отсрочки платежей на срок до шести месяцев [3, с. 48]. Однако, как отмечается в литературе, эта мера неоднозначна: проценты на период каникул продолжают начисляться, что может увеличить итоговую переплату [4, с. 64]. Тем не менее, она позволяет бизнесу перераспределить ресурсы в условиях турбулентности. Дополнительно была запущена программа компенсации расходов на использование Системы быстрых платежей (СБП), что снизило издержки бизнеса на обслуживание безналичных расчетов [3, с. 48].

Значительный блок мер носит регуляторный характер. Одной из ключевых мер стал мораторий на проведение плановых проверок, введенный Постановлением Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336. В 2026 году эта практика получила продолжение: на федеральном уровне продлен запрет на плановые проверки, а регионы активно поддерживают эту меру. Мораторий стал инструментом снижения административного давления, позволив предпринимателям сосредоточиться на операционной деятельности [5, с. 3]. Хотя отдельные эксперты указывают на риск нарушения баланса интересов (например, в сфере экологического контроля), в целом эта мера способствует сохранению бизнеса [4, с. 64-65].

Еще одной важной инициативой стала легализация параллельного импорта. Суть механизма, закрепленного в федеральном законодательстве, заключается в разрешении ввоза на территорию РФ оригинальных товаров без согласия правообладателя. Законом от 15 декабря 2025 года действие механизма продлено на весь 2026 год. Примечательно, что объемы параллельного импорта существенно снизились: если в пиковые периоды 2022-2023 годов они составляли более 4 млрд долларов в месяц, то в 2025 году снизились в среднем до 2 млрд, а в январе 2026 года составили всего 1 млрд долларов. В Минпромторге это связывают с успешной адаптацией экономики, ростом отечественного производства и увеличением поставок из дружественных стран. Перечень разрешенных товаров регулярно оптимизируется: из него исключаются позиции, по которым достигнуто импортозамещение.

Одним из важных направлений стала беспрецедентная поддержка ИТ-отрасли. Постановлением Правительства РФ от 25 марта 2022 г. № 490 для ИТ-компаний были введены налоговые льготы, а для их сотрудников — отсрочка от призыва на военную службу [4, с. 65].

Значимую роль в реализации политики поддержки играют специализированные институты. В соответствии с национальным проектом «Малое и среднее предпринимательство» функционирует сеть центров «Мой бизнес», предоставляющих услуги по принципу «одного окна» [6, с. 97]. Корпорация МСП и региональные гарантийные организации обеспечивают доступ к кредитованию, предоставляя поручительства.

Отдельного внимания заслуживает цифровизация механизмов поддержки. Создание Цифровой платформы МСП.РФ позволило перевести взаимодействие бизнеса и государства в дистанционный формат. В 2026 году активно развиваются новые сервисы, такие как «Производственная кооперация и сбыт», который объединяет отечественных поставщиков и заказчиков в условиях необходимости импортозамещения. Сервис включает «Реестр промышленных компаний» (более 24 000 предприятий) и модуль запросов ритейлеров и производителей (более 6 000 актуальных запросов на покупку комплектующих и сырья). Интеграция цифровых инструментов в систему антикризисного управления (LegalTech) способствует повышению оперативности принятия решений и прозрачности распределения поддержки.

Таким образом, правовая система защиты бизнеса в условиях санкций представляет собой сложный, многоуровневый механизм, который продолжает эволюционировать. Он включает в себя финансовые инструменты, регуляторные послабления (моратории на проверки, параллельный импорт), институциональное развитие и цифровизацию. Как показывает практика 2026 года, происходит переход от «ручного управления» к системным, адресным мерам, ориентированным на конкретные отрасли и категории предпринимателей. Системный подход к поддержке, несмотря на дискуссионность отдельных мер, позволяет бизнесу адаптироваться к новым реалиям и находить новые точки роста, а снижение объемов параллельного импорта свидетельствует о постепенном достижении целей импортозамещения.

Список литературы:

1. Безрукова А.А., Скворцов К.В. Государственная поддержка малого бизнеса: реалии современного мира в условиях выдвигаемых санкций // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 2. С. 66–72.
2. ВЭБ.РФ и Корпорация МСП расширят программу «зонтичных» поручительств // Эксперт. 19 февраля 2026. URL: <https://expert.ru/> (дата обращения: 09.03.2026).
3. Волокитина Д.С., Титова О.В., Козлова Е.И. Институты и инструменты поддержки компаний малого и среднего бизнеса в условиях усиления экономических санкций // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2024. № 6 (80). С. 4–10.
4. Трошина Д.И., Гудкова А.Д. Меры государственной поддержки предпринимателей в условиях экономических санкций: правовой аспект // Правовое регулирование экономической деятельности. 2022. № 2. С. 61–66.
5. Филина Н.В. Меры социально-экономической поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях западных санкций // Омский государственный университет путей сообщения. 2024. С. 1–5.
6. Ивойлова И.В. Некоторые меры поддержки малого и среднего предпринимательства за рубежом и в России // Journal of Economy and Business. 2021. Vol. 9-1 (79). С. 94-100.
7. В 2026 году бизнес моногородов сможет получить почти 1 млрд рублей по новой льготной программе кредитования // Министерство экономического развития Российской Федерации. 5 ноября 2025. URL: <https://economy.gov.ru/> (дата обращения: 09.03.2026).

СООТНОШЕНИЕ ПРАВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ НОРМ**Логвиненко Вадим Андреевич**

студент

Кузьмина Мария Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент

Оренбургский институт (филиал) университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. В статье исследуется сложный вопрос соотношения прав коренных малочисленных народов России и требований экологического законодательства. Рассматриваются конституционные и федеральные гарантии прав коренных народов, включая законы о территориях традиционного природопользования, гарантиях прав и отраслевые кодексы (Земельный, Водный, Лесной).

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Российская Федерация, экологические нормы, традиционное природопользование, права коренных народов, охрана окружающей среды.

CORRELATION OF THE RIGHTS OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF RUSSIA AND ENVIRONMENTAL RULES**Logvinenko Vadim Andreevich**

student

Kuzmina Maria VyacheslavovnaCandidate of Legal Sciences, Associate Professor Orenburg Institute (branch) University
named after O.E. Kutafin (MSLA), Orenburg

Abstract. The article examines the complex issue of the correlation of the rights of the indigenous peoples of Russia and the requirements of environmental legislation. Constitutional and federal guarantees of the rights of indigenous peoples are considered, including laws on the territories of traditional nature management, guarantees of rights, and sectoral codes (Land, Water, and Forest Codes).

Keywords: indigenous peoples, the Russian Federation, environmental regulations, traditional nature management, rights of indigenous peoples, environmental protection.

Российская Федерация — страна с огромными территорией и богатейшими природными ресурсами. Наша страна является домом для большого количества коренных малочисленных народов. Их уникальная культура, традиционный уклад жизни и самобытность неразрывно связаны с окружающей средой. Однако в современном мире, где эти хрупкие экосистемы становятся объектом промышленного освоения, возникает сложный и зачастую конфликтный вопрос: как соблюсти баланс между правами коренных народов и необходимостью следования строгим экологическим нормам?

Традиционное природопользование является одной из ключевых составляющих образа жизни коренных народов, которые особым образом, в соответствии со своей культурой и традициями, используют землю и иные ресурсы. Такое природопользование включает в себя способы использования различных природных ресурсов: животных, растений, лесных и водных ресурсов, ресурсов континентального шельфа.

В России права коренных малочисленных народов защищены на конституционном и федеральном уровне. Ключевыми документами являются:

Конституция Российской Федерации²⁴ отражает общепризнанные принципы и нормы международного права в сфере обеспечения и защиты коренных малочисленных народов. Статья 69 Конституции РФ устанавливает, что Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. Государство также обязуется осуществлять регулирование и защиту прав национальных меньшинств, а также берет на себя обязательство осуществлять защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей, к которым, в первую очередь, относятся коренные малочисленные народы.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 7 мая 2001 г. №49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»²⁵ – традиционное природопользование коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации это исторически сложившиеся и обеспечивающие неистощительное природопользование способы использования объектов животного и растительного мира, других природных ресурсов коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Также данный законодательный акт устанавливает правовые основы образования, охраны и использования таких территорий. Закон охватывает отношения в области образования, охраны и использования территорий традиционного природопользования для ведения традиционного образа жизни лицами, относящимися к малочисленным народам, и общинами малочисленных народов, а также лицами, не относящимися к малочисленным народам, но постоянно проживающими в местах их традиционного проживания и хозяйственной деятельности.

Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 №82-ФЗ²⁶ устанавливает правовые основы гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов РФ, а также защиту их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов.

Помимо вышеуказанных актов, права и интересы коренных малочисленных народов закреплены и в иных законах:

- Федеральный закон от 24 июля 2002 № 101-ФЗ²⁷ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» устанавливает, что оленьи пастбища не подлежат приватизации, а земельные участки предоставляются общинам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ для осуществления сельскохозяйственного производства, хозяйствования и промыслов в аренду без проведения торгов.
- Водный кодекс РФ²⁸ закрепляет, что «не требуется заключение договора водопользования или принятие решения о предоставлении водного объекта в пользование в случае, если водный объект

²⁴ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный портал правовой информации – URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 28.09.2025)

²⁵ Федеральный закон от 7 мая 2001 г. N 49-ФЗ "О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // Официальный портал правовой информации – URL: <https://base.garant.ru/12122856/> (Дата обращения : 29.09.2025)

²⁶ Федеральный закон "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" от 30.04.1999 N 82-ФЗ // Официальный портал правовой информации – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13778> (Дата обращения : 29.09.2025)

²⁷ Федеральный закон "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" от 24.07.2002 N 101-ФЗ // Официальный портал правовой информации – URL: <http://government.ru/docs/all/97380/> (Дата обращения : 17.12.2025)

²⁸ "Водный кодекс Российской Федерации" от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Официальный портал правовой информации – URL: <http://government.ru/docs/all/98126/> (Дата обращения : 29.09.2025)

используется для осуществления традиционного природопользования в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ».

- В соответствии с п. 3 ст. 7 Земельного кодекса РФ²⁹ «в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ и этнических общностей в случаях, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, может быть установлен особый правовой режим использования земель указанных категорий».

Признание сложной духовной и физической связи коренных народов с окружающей средой с неизбежностью требует установления не просто права проживать на исконной территории, заниматься традиционными видами деятельности и т.п., но и права на собственную практику природопользования, в особенности, землепользования, а также природоохраны. Для многих коренных народов природа — живое существо, место обитания духов предков, отдельные территории просто священны и почитаемы как источники жизни и символы гармонии, единения с природой. В силу этого под бережным отношением к природе понимается не только требование не брать у нее лишнего, не причинять ей невосполнимый ущерб и вред, но и запрет причинять ей физическую боль, ранить острыми предметами. Понятно, что в такой ситуации, когда отношение народа к природе как источнику жизни и труда основано на укорененных духовных традициях и закреплено в своде издавна соблюдаемых незыблемых правил, распространение воззрений на землю как на товар сопряжено с большими трудностями (Земельный кодекс Российской Федерации 2001 года рассматривает земельный участок и как природный ресурс, и как объект гражданских прав). В силу этого институт прав коренных народов позволяет обеспечить не только сохранение самобытной культуры, но и традиционные формы взаимоотношения с окружающей средой. Именно в этом смысле понимается неизменность традиционного образа жизни, основанного на духовном единении с природой, что имеет целью обеспечить жизнь человека без причинения непоправимого вреда окружающей среде, истощение ресурсов которой есть прямая угроза существованию человека. Именно в этом — в равноценной защите человека и природы — заключается самобытность социальной организации коренных народов.

Как уже говорилось выше, традиционное природопользование является неотъемлемой составляющей культуры коренных малочисленных народов. Сохранение этой культуры, как и иных культур многочисленных народов нашей необъятной Родины, является одной из важнейших задач, которые решаются Правительством. В одном из своих выступлений, Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин сообщил: «Сохранение культуры коренных малочисленных народов Севера требует внимания, если существующих мер недостаточно, нужно проанализировать идеи и соответствующим образом выстроить дальнейшую деятельность»³⁰.

Но какое влияние оказывает традиционное природопользование на экологическую обстановку в районах крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, учитывая, что природа там достаточно хрупкая и даже небольшое увеличение ее эксплуатации может привести к исчезновения крайне редких и потому ценных видов растений и животных?

Для ответа на данный вопрос, нужно разобраться, какие права в области природопользования имеют коренные малочисленные народы.

Право землепользования. Законодательство Российской Федерации достаточно подробно регулирует права коренных малочисленных народов на землепользование. В части 3 статьи 7 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001 № 136-ФЗ говорится, что в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и этнических общностей может быть установлен особый правовой режим использования земель. Подобный режим устанавливает Федеральный закон от 30 апреля 1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», а также Федеральный закон от 07 мая 2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и

²⁹ "Земельный кодекс Российской Федерации" от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Официальный портал правовой информации – URL: <http://government.ru/docs/all/97142/> (Дата обращения : 29.09.2025)

³⁰URL: <https://ria.ru/20240110/putin-1920509908.html>

Дальнего Востока Российской Федерации»³¹.

Данные Федеральные законы закрепляют ряд прав коренных малочисленных народов, которые включают в себя возможность пользоваться землями различных категорий в местах традиционного проживания, права на участие в формировании и деятельности советов представителей малочисленных народов, права на участие в осуществлении контроля за использованием земель различных категорий, контроля за соблюдением федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации об охране окружающей среды и другие.

Право лесопользования. Обращаясь к законодательству РФ, мы невольно можем заметить тенденцию ухудшения положения коренных малочисленных народов.

Лесной Кодекс³² принятый 8 ноября 2006 года Государственной Думой РФ поверхностно затрагивает права такой категории населения, как коренные малочисленные народы, которые находятся в подвешенном состоянии. Если обратить внимание на содержание ст. 71 «Порядок предоставления гражданам, юридическим лицам лесных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности», ст. 72 «Договор аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности», ст. 74 «Заключение договора аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности», ст. 75 «Договор купли-продажи лесных насаждений» ЛК РФ, то можно заметить, что данные статьи закрепляют право на передачу в собственность граждан и юридических лиц, в том числе и иностранных, исконных земель коренных малочисленных народов — территорий традиционного природопользования данной категории населения. Жизнь коренных народов напрямую имеет зависимость от лесопользования. Сенокосение, размещение ульев и пчел, сбор мха, пастьба скота, в том числе оленей, заготовка древесины может осуществляться только по письменному соглашению с собственником или владельцем участка земли. Данные лица в соответствии с законодательством имеют право запрещать нахождение в лесу коренных малочисленных народов.

Изучая законодательство о гарантиях прав коренных малочисленных народов, можно обратить внимание на тот факт, что государство снимает с себя всякую ответственность за судьбу данных народов. Так, с 1 января 2005 года ст. 4 ФЗ от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», которая возлагала на органы власти обязанность по защите прав коренных народов на их образ жизни и предоставляла право организациям и гражданам оказывать содействие в реализации их прав утратила силу. Данный закон не включает в себя обязанность федеральной, региональной, местной власти по обеспечению и защите прав коренных малочисленных народов и защите территорий, на которых они проживают.

В Лесном Кодексе РФ есть два небольших упоминания коренных малочисленных народов севера, связанных с лесопользованием.

Согласно части 2 статьи 30 ЛК РФ коренные малочисленные народы имеют право бесплатно осуществлять заготовку древесины для собственных нужд исходя из нормативов. Часть 5 данной статьи устанавливает, что Порядок и нормативы заготовки гражданами древесины для собственных нужд устанавливаются законами субъектов Российской Федерации.

Исходя из смысла статьи, можно сделать вывод, что коренные малочисленные народы могут осуществлять заготовку древесины бесплатно, но по нормативам, установленным федеральным органом исполнительной власти.

В соответствии с Федеральным законом от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». В местах проживания и хозяйственной деятельности лиц, относящихся к категории коренных малочисленных народов, при использовании лесов обеспечиваются защита среды обитания этих народов и их традиционный образ жизни.

Право пользования животным миром. Охота на протяжении всего существования коренных малочисленных народов являлась одним из основных направлений деятельности традиционного хозяйства. Данный вид деятельности является частью их культуры и духовного взаимоотношения с

³¹ Федеральный закон "О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации" от 07.05.2001 N 49-ФЗ // Официальный портал правовой информации – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/16897> (Дата обращения : 17.12.2025)

³² "Лесной кодекс Российской Федерации" от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Официальный портал правовой информации – URL: <http://government.ru/docs/all/98250/> (Дата обращения: 30.09.2025)

духовным миром животных. Бережное и рациональное использование природных ресурсов, передача своих знаний из поколения в поколение создавало особую культуру данных народов. Для коренных малочисленных народов охота — это не просто отрасль хозяйствования, это их образ жизни, который складывался историей.

В связи с вышесказанным, хочется отметить, что контроль за соблюдением природоохранного законодательства является важным аспектом соблюдения экологического законодательства и предотвращения образования экологических проблем. По мнению Кузьминой М.В. и Кускуловой Т.Э. «Создание эффективной системы мониторинга и регулярные проверки помогут выявлять нарушения и предотвращать экологические катастрофы. Сотрудничество с местными сообществами и экологическими институтами может способствовать повышению общественной осведомленности и привлечению внимания к вопросам экологии»³³. Помимо этого, такой контроль является элементом сохранения и, что не мало важно, передачи будущим поколениям традиций, обычаев, устоев и исторически сложившегося образа жизни коренных малочисленных народов крайнего севера, создавая условия, при которых они могут осуществлять традиционную промысловую деятельность, не нарушая при этом законодательства Российской Федерации.

Политика, направленная на систему охотохозяйствования коренных малочисленных народов, отсутствие прямо определенной государственной защиты, а также минимальных гарантий в данной сфере приводит к негативному влиянию на жизнеобеспечение целых народов, которые зависят от традиционного хозяйствования. Это приводит к тому, что охотники находятся в очень трудном положении. Народам, занимающимся охотой, предлагают чрезвычайно низкие цены на объекты животного мира и также определяют объёмы их добычи. Еще одной проблемой является доступ для браконьерских групп не только ко всем объектам животного мира, но и к очень редким и исчезающим видам. Мы можем наблюдать редкое сокращение численности животных, исчезает гуманное охотопользование и постепенно изменяется традиционное мышление.

Промысловая охота внесена в перечень видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ, утверждённый распоряжением Правительства РФ от 8 мая 2009 г № 631-р³⁴.

Затрагивая законодательную базу по природопользованию, считаем нужным отметить, что Ассоциация коренных малочисленных народов, Сибири, Дальнего Востока РФ уже много лет выступает за необходимость учета специфики ведения традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов.

Необходимо обратить внимание на ст. 19 Федерального закона от 24 июля 2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³⁵.

В пункте 2 данной статьи говорится, что охота в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности осуществляется свободно (без каких-либо разрешений) в объеме добычи охотничьих ресурсов, необходимом для удовлетворения личного потребления.

Также в статье 333.2. НК РФ³⁶ говорится, что не признаются объектами обложения объекты животного мира и объекты водных биологических ресурсов, пользование которыми осуществляется для удовлетворения личных нужд представителями коренных малочисленных народов.

Исходя из приведенных выше положений, можно сделать вывод, что коренным малочисленным народам предоставлено немалое количество «послаблений» со стороны государства, в результате которого они могут очень серьезно навредить природе, тем самым, серьезно ухудшив экологическую обстановку в регионах своего проживания.

³³ Кусумкулова Тутия Эльдаровна. Экологические проблемы Крайнего Севера Российской Федерации и пути их решения // Наука через призму времени.-2024.-№11 (92).

³⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.05.2009 г. № 631-р // Официальный портал правовой информации – URL: <http://government.ru/docs/all/68192/> (Дата обращения: 30.09.2025)

³⁵ Федеральный закон "Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 24.07.2009 N 209-ФЗ // Официальный портал правовой информации – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/29686> (Дата обращения: 30.09.2025)

³⁶ Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) от 31.07.1998 года N 146-ФЗ // Официальный портал правовой информации – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (Дата обращения: 30.09.2025)

Однако это не так, ведь если вдуматься, образ жизни коренных малочисленных народов, их многовековые традиции и культура не сильно изменились даже с приходом новых технологий и инновационных средств использования ресурсов. Эти люди всегда жили бок о бок с природой, прекрасно понимают, сколько им можно взять, дабы удовлетворить свои потребности и не навредить природе. Именно поэтому в нормах законодательства имеются корректирующие положения, которые прямо указывают, что права коренным малочисленным народам предоставляются исключительно для сохранения их культуры, традиций и ценностей, которые не могут существовать без промысла. Коренные народы чаще всего живут промыслом, ничем более не занимаясь и этим промыслом зарабатывая на жизнь, но, опять же, в разумных пределах, не нарушая хрупкого баланса природы, забирая столько, сколько не навредит естественному ходу жизнедеятельности флоры и фауны в районах, где они проживают.

Таким образом, исходя из вышеуказанного, можно сказать, что те права, которые предоставляются государством, Российской Федерацией коренным малочисленным народам Севера, Сибири, Дальнего Востока, не выходят за рамки разумного природопользования, не чинят опасности для экологической обстановки, существующей на территориях проживания этих народов.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный портал правовой информации – URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 28.09.2025)
2. Федеральный закон от 7 мая 2001 г. N 49-ФЗ "О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // Официальный портал правовой информации – URL: <https://base.garant.ru/12122856/> (Дата обращения : 29.09.2025)
3. Федеральный закон "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" от 30.04.1999 N 82-ФЗ // Официальный портал правовой информации – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13778> (Дата обращения : 29.09.2025)
4. Федеральный закон "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" от 24.07.2002 N 101-ФЗ // Официальный портал правовой информации – URL: <http://government.ru/docs/all/97380/> (Дата обращения :
5. "Водный кодекс Российской Федерации" от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 31.07.2025) ФЗ // Официальный портал правовой информации – URL: <http://government.ru/docs/all/98126/> (Дата обращения : 29.09.2025)
6. "Земельный кодекс Российской Федерации" от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Официальный портал правовой информации – URL: <http://government.ru/docs/all/97142/> (Дата обращения : 29.09.2025)
7. Федеральный закон "О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации" от 07.05.2001 N 49-ФЗ // Официальный портал правовой информации – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/16897> (Дата обращения : 17.12.2025)
8. "Лесной кодекс Российской Федерации" от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Официальный портал правовой информации – URL: <http://government.ru/docs/all/98250/> (Дата обращения: 30.09.2025)
9. Кусумкулова Тутия Эльдаровна. Экологические проблемы Крайнего Севера Российской Федерации и пути их решения // Наука через призму времени.-2024.-№11 (92).
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.05.2009 г. № 631-р // Официальный портал правовой информации – URL: <http://government.ru/docs/all/68192/> (Дата обращения: 30.09.2025)

УДК 4414

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ОБРАЩЕНИЯ С
ПРОМЫШЛЕННЫМИ ОТХОДАМИ****Майоров Александр Николаевич**

Студент,

Оренбургский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московского государственного
юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье анализируется действующая система правового регулирования обращения с промышленными отходами в Российской Федерации: понятийный аппарат и классификация отходов, разрешительно-лицензионные механизмы, обязанности образователей отходов, цифровые инструменты контроля, экономико-правовые стимулы (включая расширенную ответственность производителей), а также ключевые правоприменительные проблемы и современные тенденции развития. Делается вывод о смещении регулирования от «контроля факта размещения» к управлению полным жизненным циклом отходов и построению элементов экономики замкнутого цикла при сохраняющихся рисках фрагментарности норм, издержек комплаенса и неоднородности правоприменения.

Ключевые слова: Промышленный отход, опасные отходы, ФККО, паспортизация, лицензирование, НДТ, комплексное экологическое разрешение, РОП, ФГИС ОПВК, экономика замкнутого цикла.

**LEGAL REGULATION, PROBLEMS AND TRENDS IN THE MANAGEMENT
OF INDUSTRIAL WASTE****Mayorov Alexander Nikolaevich**

student

Orenburg Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSLA)"

Russia, Orenburg

Abstract. The article analyzes the current legal framework for industrial waste management in the Russian Federation: the conceptual framework and classification of waste, permitting and licensing mechanisms, the responsibilities of waste generators, digital control tools, economic and legal incentives (including extended producer responsibility), as well as key law enforcement issues and current development trends. The conclusion is drawn about the shift in regulation from “control of the fact of placement” to the management of the entire life cycle of waste and the construction of elements of a closed-loop economy, while the risks of fragmented regulations, compliance costs, and heterogeneity of law enforcement remain.

Keywords: Industrial waste, hazardous waste, Federal Classification of Waste, certification, licensing, BAT, integrated environmental permit, ROP, Federal State Information System of Environmental Protection, closed-loop economy.

Индустриальное производство неизбежно сопровождается образованием значительных объемов отходов, часть которых относится к I–IV классам опасности и способна причинять существенный вред окружающей среде и здоровью населения.

Российское экологическое право выстраивает регулирование обращения с отходами как комплекс норм публично-правового характера (обязанности, запреты, разрешительные режимы, контроль и ответственность) и частноправовых механизмов (договорные конструкции в цепочках передачи отходов, риск-менеджмент и распределение ответственности). Базовый каркас составляет Федеральный закон № 89-ФЗ³⁷, взаимосвязанный с общими нормами охраны окружающей среды и институтами НДТ (наилучшая доступная технология)/КЭР (комплексное экологическое разрешение)³⁸, а также подзаконными актами о классификации, паспортизации и лицензировании.

³⁷ Федеральный закон «Об отходах производства и потребления»: Федер. закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ : [ред. от 28.12.2025] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 26. – Ст. 3009. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=19109> (дата обращения: 01.03.2026).

³⁸ Федеральный закон «Об охране окружающей среды» : Федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ : [принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г.] // Рос. газ. — 2002. — 12 янв. (№ 6). — С. 1.

Федеральный закон № 89-ФЗ закрепляет правовые основы обращения с отходами производства и потребления и вводит систему обязанностей для образователей отходов, операторов и иных участников цепочки обращения.¹ В отношении промышленного сектора критично разграничение: (а) «отход» как объект регулирования; (б) побочная продукция/вторичные ресурсы (где правовой режим может отличаться и на практике порождать споры о квалификации). От корректной квалификации зависят требования к учету, паспортизации, лицензированию и платежам.

Классификация по видам и классам опасности — фундамент правового режима промышленного отхода. Федеральный Классификационный Каталог Отходов утвержден приказом Росприроднадзора и регулярно актуализируется; именно привязка к коду ФККО определяет «юридическую идентичность» отхода, требуемые документы и допустимые операции.³⁹

Вопрос отнесения к конкретному классу опасности регулируется отдельным порядком Минприроды (подтверждение класса опасности).⁴⁰ Критерии отнесения отходов к I–V классам опасности также закрепляются ведомственным актом, обновленным в начале 2025 года, что важно для промышленности (химия, металлургия, машиностроение), где состав отходов вариативен и требует расчетов/испытаний.⁴¹

Для отходов I–IV классов опасности действует обязательная паспортизация, порядок и типовые формы которой утверждаются Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации.⁴² Паспортизация выполняет доказательственную и контролирующую функции, она подтверждает принадлежность отхода к конкретному виду и классу опасности, фиксирует сведения о составе и источнике образования, а также становится ключевым документом в проверках и спорах о надлежащем обращении с промышленными отходами.

Лицензирование деятельности по обращению с отходами I–IV классов опасности — основополагающий элемент контроля за деятельностью субъектов по утилизации и переработке отходов производства.

Деятельность по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию и размещению отходов I–IV классов опасности подлежит лицензированию. Для промышленного предприятия это означает, что даже при передаче отходов по договору, контрагент должен иметь действующую лицензию на соответствующие операции и конкретные виды отходов.

Практика показывает, что ошибки в проверке лицензии контрагента и ошибки в кодах ФККО могут приводить к нарушениям и следующими за ними санкциям.

Такие институты как наилучшая доступная технология и комплексное экологическое разрешение становятся интегратором новых требований, способствующих развитию изучаемой сферы правоотношений.

Переход к регулированию на основе наилучших доступных технологий (НДТ) и комплексного экологического разрешения (КЭР) усиливает связь «производственного процесса» и «потоков отходов». Нормы о КЭР встроены в систему охраны окружающей среды и модернизировались федеральным законом о реформе НДТ-подхода.⁴³

Для предприятий I категории негативного воздействия на окружающую среду управление отходами становится частью технологического нормирования: в КЭР отражаются лимиты/условия обращения и экологические показатели, а нарушение условий может повлечь комплексные последствия, включая риски при проверках и, в том числе, в части платы за негативное воздействие на окружающую среду.

³⁹ Приказ Росприроднадзора от 22.05.2017 № 242 (ред. от 20.12.2024) «Об утверждении Федерального классификационного каталога отходов» // Consultant.ru (дата обращения: 02.03.2026).

⁴⁰ Приказ Минприроды России от 08.12.2020 № 1027 «Об утверждении порядка подтверждения отнесения отходов I–V классов опасности к конкретному классу опасности» (ред. от 06.12.2023).

⁴¹ Приказ Минприроды России «Критерии отнесения отходов к I–V классам опасности по степени негативного воздействия на окружающую среду» от 31.03.2025 № 158 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012280018>. (дата обращения: 06.03.2026)

⁴² Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации «Об утверждении порядка паспортизации и типовых форм паспортов отходов I–IV классов опасности» от 08.12.2020 № 1026 (зарегистрировано в Минюсте России 25.12.2020 № 61836) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012280018>. (дата обращения: 07.03.2026)

⁴³ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „Об охране окружающей среды“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 21.07.2014 № 219-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 30 (ч. I). — Ст. 4220.

В настоящее время происходит процесс цифровизации контроля, для наиболее опасного сегмента отходов (I–II классы) создана федеральная информационная система учета и контроля — ФГИС ОПВК (Федеральная государственная информационная система учета и контроля за обращением с отходами I и II классов опасности), призванная обеспечивать прослеживаемость потоков и электронный документооборот.

Это тенденция к «цифровой прослеживаемости», уменьшающая пространство для фиктивных и заведомо незаконных цепочек передачи отходов, но одновременно увеличивающая регуляторную нагрузку на бизнес за счет интеграции ИТ-процессов, подведения корректности данных и форматов электронных документов.

Стоит выделить некоторые экономико-правовые механизмы, такие как: РОП (расширенная ответственность производителей) и движение к экономике замкнутого цикла. Хотя РОП традиционно связывают с товарами и упаковкой, для промышленности он важен по двум причинам:

1. как источник спроса на мощности по переработке/утилизации (включая промышленные утилизаторы и инфраструктуру);

2. как элемент перераспределения финансовых потоков, влияющий на инвестиции в деятельность по переработке и утилизации отходов производства. Реформа РОП существенно обновлена с 1 января 2024 г. (изменения внесены федеральным законом)⁴⁴, а в конце 2025 г. скорректированы отдельные переходные положения.

Федеральный закон направлен на совершенствование механизма расширенной ответственности производителей, импортёров товаров по обеспечению утилизации отходов от использования товаров и (или) упаковки, максимальное возвращение вторичных ресурсов в хозяйственный оборот и минимизацию объёмов захоронения отходов.

Устанавливаются новые подходы к определению лиц, ответственных за утилизацию отходов от использования товаров, упаковки товаров, а также ставок экологического сбора для производителей, импортёров товаров, которые не обеспечивают самостоятельную утилизацию отходов от использования товаров.

Утилизировать отходы от упаковки теперь обязаны её производители, а не компании, которые производят товар.

Также появилось понятие "эко-коэффициент", учитывающий использование экологических материалов в упаковке и таре. Для производителей, которые используют такие материалы, будет снижен размер экологического сбора.

До 1 января 2027 года производители товаров, а также импортёры товаров обеспечивают утилизацию отходов от использования упаковки поэтапно (в частности, с 2024 года по нормативам утилизации, установленным Правительством РФ, с 2025 года - в отношении 55 процентов от массы упаковки, с 2026 года - в отношении 75 процентов от ее массы).

Устанавливаются новые требования к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим утилизацию отходов от использования товаров, будет вестись государственный реестр указанных субъектов, а также требование об обеспечении утилизации отходов от использования товаров только теми лицами, сведения о которых включены в указанный реестр.

Можно выделить ключевые проблемы правового регулирования и правоприменения в области отходов производства:

1. Фрагментарность и сложность "многослойного" регулирования.

Регулирование одновременно опирается на 89-ФЗ, нормы 7-ФЗ и большой массив подзаконных актов (ФККО, критерии, порядки подтверждения класса, паспортизация, лицензирование, цифровые системы).

Это повышает риск несоответствия документов и ошибок контроля за законностью: предприятие может формально соблюдать договорные процедуры передачи отходов, но нарушить требования к коду ФККО, паспорту, подтверждению класса или к охвату лицензии у подрядчика.

2. Проблема квалификации: «отход» против «побочная продукция/вторичный ресурс»

⁴⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „Об охране окружающей среды“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 21.07.2014 № 219-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 30 (ч. I). – Ст. 4220.

В промышленности один и тот же материальный поток может рассматриваться как отход или как ресурс для повторного использования. Недостаточная определенность критериев квалификации в ряде отраслей провоцирует споры с надзором и судами: изменение квалификации меняет весь набор обязанностей субъектов утилизации и переработки отходов, включая лицензирование и отчетность.

3. Споры о классе опасности и доказательственной базе

Суды при рассмотрении споров об изменении класса опасности ориентируются на данные ФККО и экспертные материалы, но при этом роль корректных исследований состава отхода и надлежащего документирования возрастает.

Отсюда практический вывод: контроль за исполнением данных норм невозможен без «технической доказательственной базы» (протоколы испытаний, расчеты, корректная привязка к ФККО и соблюдение процедур подтверждения класса).

4. Лицензирование и инфраструктурные ограничения

Проблема не только в юридических требованиях, но и в доступности инфраструктуры: в ряде регионов мощностей для утилизации/обезвреживания отдельных промышленных отходов недостаточно. Это порождает риск «вынужденного» удлинения логистических плеч, роста стоимости обращения, а иногда — нелегальных схем. Обзоры судебной практики демонстрируют, что лицензирование и требования к оборудованию/документам остаются зоной частых конфликтов.

Исходя из сложности борьбы с намеченными проблемами, четко прослеживаются тенденции развития правового регулирования обращения с отходами производства и потребления:

1. Интеграция с технологическим регулированием (НДТ/КЭР): отходы рассматриваются как производная от технологии. Основным приоритетом является предотвращение образования и одновременное снижение опасности на стадиях производственного процесса.

2. Цифровая прослеживаемость: происходит расширение электронных систем учета и контроля для опасных потоков отходов, акцентируется внимание на достоверности данных и электронной доказательственной базе.

3. Экономика замкнутого цикла и расширение экономических стимулов: через реформу РОП и связанные механизмы формируется долгосрочный спрос на переработку, что потенциально может повлиять и на промышленные потоки (кооперация субъектов утилизации, стандартизация вторичных ресурсов).

4. Усиление правоприменительного стандарта: судебная практика и позиция контрольно-надзорных органов фактически повышают «минимальный стандарт» внутреннего экологического контроля за соблюдением законодательства (проводится полная и достаточная проверка лицензий, корректности ФККО, полноты паспортизации, подтверждения классов опасности и другое).

Таким образом, Российская модель регулирования обращения с промышленными отходами эволюционирует от преимущественно разрешительно-контрольного подхода к более «жизненно-цикловому» управлению: осуществляется процесс предотвращения образования излишних отходов, производится технологическое нормирование (НДТ/КЭР), создается система цифровой прослеживаемости опасных потоков и экономических инструментов, поддерживающих переработку и утилизацию.

В то же время сохраняются системные проблемы, такие как: сложность и многослойность нормативно-правовой базы, трудности квалификации материальных потоков, инфраструктурные ограничения и неоднородность правоприменения. Перспективными направлениями и тенденциями видятся: унификация критериев отграничения отходов от побочной продукции, требующей переработке, дальнейшая цифровизация деятельности по утилизации и переработке отходов, развитие региональной инфраструктуры, а также повышение качества ведомственных разъяснений и обзоров судебной практики.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „Об охране окружающей среды“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 21.07.2014 № 219-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 30 (ч. I). – Ст. 4220.
2. Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ [Электронный ресурс] / Библ-ка СибГТУ. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1998. — № 26. — Ст. 3009.

4. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 10. – Ст. 860.
5. Приказ Минприроды России «Об утверждении критериев отнесения отходов к I–V классам опасности по степени негативного воздействия на окружающую среду» от 31.03.2025 № 158 (зарегистрировано в Минюсте России 29.04.2025 № 82010) // Официальный сайт Минприроды России. – 2025. – URL: pravo.gov.ru.
6. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации «Об утверждении порядка паспортизации и типовых форм паспортов отходов I–IV классов опасности» от 08.12.2020 № 1026 (зарегистрировано в Минюсте России 25.12.2020 № 61836) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012280018>.
7. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации «Об утверждении порядка подтверждения отнесения отходов I–V классов опасности к конкретному классу опасности» от 08.12.2020 № 1027 (ред. от 06.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 10. – Ст. 1610.
8. Приказ Росприроднадзора «Об утверждении Федерального классификационного каталога отходов» от 22.05.2017 № 242 (ред. от 20.12.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218071/.
9. Боголюбов С. А. и др. Экологическое право: учебник для академического бакалавриата / под ред. С. А. Боголюбова. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2018. — 281 с. — ISBN 978-5-534-02319-0. — Текст: электронный // ЭБС Юрайт. — URL: <https://biblio-online.ru/bcode/412452>.

УДК 34.01

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ» И «НЕЗАКЛЮЧЕННОСТЬ» ДОГОВОРОВ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Матинян Роза Вардановна

студентка

Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина

Аннотация. В статье рассматривается соотношение понятий «недействительность» и «незаключенность» договоров в предпринимательской деятельности. Анализируются правовая природа данных категорий, их законодательное регулирование и практические последствия для субъектов предпринимательства. Обосновывается вывод о самостоятельном характере рассматриваемых институтов и необходимости их разграничения в правоприменительной практике.

Ключевые слова: недействительность договора, незаключенность договора, предпринимательская деятельность, существенные условия договора, реституция, неосновательное обогащение.

CORRELATION OF THE NOTIONS OF "INVALIDITY" AND "UNCONCLUDED" CONTRACTS IN ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES

Matinyan Roza Vardanovna

student

Orenburg Institute (branch) University named after O.E. Kutafin

Abstract. The article examines the correlation between the concepts of "invalidity" and "non-conclusion" of contracts in entrepreneurial activity. The legal nature of these categories, their legislative regulation, and the practical consequences for business entities are analyzed. The conclusion regarding the independent nature of the legal institutions in question and the necessity of distinguishing between them in law enforcement practice is substantiated.

Keywords: invalidity of a contract, non-conclusion of a contract, entrepreneurial activity, essential terms of a contract, restitution, unjust enrichment.

В условиях развития рыночных отношений и усложнения хозяйственных связей договор остается основным регулятором взаимоотношений между предпринимателями. От того, насколько правильно составлен договор и соответствует ли он требованиям закона, зависит стабильность гражданского оборота и возможность защиты нарушенных прав. На практике достаточно часто возникает проблема разграничения двух правовых категорий: недействительности и незаключенности договора. Для

предпринимателя понимание этих различий имеет принципиальное значение, поскольку от этого зависит выбор надлежащего способа защиты своих прав и законных интересов.

Прежде всего необходимо обратиться к легальному определению заключенности договора. Согласно п. 1 ст. 432 Гражданского кодекса Российской Федерации, договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. К существенным условиям относятся условие о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение [1, с. 3]. Если хотя бы одно из таких условий не согласовано, договор не может считаться заключенным, и в таком случае речь идет о его незаключенности. По своей правовой природе незаключенный договор представляет собой отсутствие договорного правоотношения как такового, поскольку стороны не достигли необходимого уровня согласования своей воли.

Несколько иная правовая конструкция заложена в понятии недействительности договора. Недействительный договор — это сделка, которая состоялась как юридический факт, то есть стороны согласовали все существенные условия и, возможно, даже приступили к исполнению. Однако в силу закона такая сделка не может порождать те правовые последствия, на которые были направлены действия сторон, из-за наличия в ней определенных дефектов. К таким дефектам относятся, например, противоречие содержания сделки закону или иным правовым актам, пороки воли (совершение сделки под влиянием обмана, заблуждения, угрозы), отсутствие необходимой правоспособности у участников или несоблюдение установленной законом формы [2, с. 4].

В науке гражданского права длительное время ведется дискуссия о соотношении данных понятий. В советский период отдельные ученые, например В.П. Шахматов, придерживались позиции, согласно которой все несостоявшиеся сделки следует относить к категории недействительных, поскольку они не соответствуют тем или иным требованиям норм права о составе сделки [3, с. 2]. Однако современная цивилистическая доктрина и судебная практика пошли по пути разграничения этих правовых институтов. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 10.04.2018 № 81-КГ17-31 прямо указано, что незаключенный договор не может быть признан недействительной сделкой, поскольку незаключенность договора свидетельствует об отсутствии между сторонами какой-либо сделки, а выводы суда о признании договора недействительным и незаключенным являются взаимоисключающими и не могут дополнять друг друга [2, с. 4]. Данная позиция представляется обоснованной, поскольку нельзя признавать недействительным то, что юридически не существует.

Для предпринимательской деятельности выбор между требованием о признании договора незаключенным и требованием о признании его недействительным имеет важные практические последствия. В случае незаключенности договора он не порождает никаких прав и обязанностей сторон. Это означает, что к такому договору не могут применяться способы защиты, характерные для договорных отношений: нельзя требовать исполнения договора в натуре, взыскивать договорную неустойку, изменять или расторгать такой договор, поскольку изменить или расторгнуть можно только заключенный договор [4, с. 4]. Если стороны приступили к исполнению незаключенного договора, то все полученное подлежит возврату как неосновательное обогащение в соответствии с нормами главы 60 Гражданского кодекса РФ.

При недействительности договора правовые последствия определяются по правилам ст. 167 Гражданского кодекса РФ, согласно которой недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения. Основным последствием является двусторонняя реституция, то есть возвращение каждой из сторон всего полученного по сделке [1, с. 5]. В отличие от незаключенного договора, при недействительности возможно также применение дополнительных последствий, предусмотренных законом для отдельных видов недействительных сделок, например взыскание полученного в доход государства по сделкам, совершенным с целью, противной основам правопорядка или нравственности.

Анализируя законодательное регулирование, следует отметить, что реформирование гражданского законодательства 2013-2015 годов внесло определенные коррективы в понимание соотношения данных институтов. Так, была исключена конструкция, при которой отсутствие государственной регистрации договора влекло его незаключенность. В настоящее время государственная регистрация выполняет исключительно функцию защиты интересов третьих лиц и публичных интересов, но не влияет на факт заключения договора для его сторон [1, с. 3]. Также было уточнено, что несоблюдение требований к форме договора при достижении сторонами соглашения по всем существенным условиям не

свидетельствует о том, что договор не был заключен, а последствия несоблюдения формы определяются специальными правилами.

В юридической литературе справедливо отмечается, что недействительность и незаключенность договора представляют собой два различных уровня дефектности. Как указывает В.А. Гончарова, незаключенность представляет собой полное отсутствие договора, в то время как недействительность предполагает наличие определенного соглашения, которое осложнено в процессе своего заключения одним или несколькими дефектами — основаниями недействительности [1, с. 4]. Иными словами, при незаключенности мы имеем дело с отсутствием самого юридического факта, а при недействительности — с наличием юридического факта, который признается негодным для достижения желаемого правового результата.

Проблема соотношения рассматриваемых понятий приобретает особую актуальность в контексте противодействия злоупотреблениям правом. В предпринимательской практике нередки случаи, когда сторона, осознав невыгодность заключенной сделки, заявляет требование о признании договора незаключенным по формальным основаниям, несмотря на то, что все существенные условия были фактически согласованы и договор исполнялся. Судебная практика выработала механизмы противодействия таким действиям. Согласно позиции Высшего Арбитражного Суда РФ, если арендуемая вещь в договоре аренды индивидуализирована не должным образом, однако договор фактически исполнялся сторонами, они не вправе оспаривать этот договор по основанию, связанному с ненадлежащим описанием объекта аренды, в том числе ссылаться на его незаключенность [5].

В договоре дарения, который также может встречаться в предпринимательской среде при безвозмездной передаче имущества между аффилированными лицами, различие проявляется особенно отчетливо. Договор дарения признается незаключенным, если в нем отсутствует условие о конкретном предмете дарения, поскольку предмет является единственным существенным условием данного договора. Недействительным же договор дарения может быть признан, например, если он совершен под влиянием заблуждения относительно природы сделки или является притворным, прикрывающим договор купли-продажи [2, с. 7-8]. При этом анализ судебной практики показывает, что истцы нередко смешивают эти основания, заявляя одновременно требования о признании договора незаключенным и ссылаясь на его притворность, что свидетельствует о непонимании правовой природы данных институтов.

Относительно правовых последствий в научной литературе высказываются различные точки зрения. Некоторые авторы, например И.Е. Степанова, полагают, что последствия незаключенного договора в случае его исполнения должны быть точно такими же, как последствия недействительного договора [2, с. 9]. Однако более обоснованной представляется позиция, согласно которой последствия должны различаться. При недействительности применяются специальные правила о реституции, которые могут предусматривать различные варианты возврата сторон в первоначальное положение в зависимости от вида недействительности и добросовестности участников. При незаключенности же применяются общие нормы о неосновательном обогащении, которые не учитывают специфику договорных отношений.

Важно отметить и различие в сроках исковой давности. Для требований о применении последствий недействительности ничтожной сделки установлен специальный срок в три года, для оспоримых сделок — один год. К требованиям о возврате исполненного по незаключенному договору применяется общий срок исковой давности в три года, что создает определенные сложности при квалификации спорных правоотношений [4, с. 4].

В законодательстве отсутствует четкое определение незаключенного договора и его места в системе юридических фактов, что порождает определенные сложности в правоприменительной практике. Как справедливо отмечается в литературе, отсутствие единства мнений по данному вопросу создает трудности для правоприменителей, которые принимают неоднородные и противоречивые решения, что отрицательно влияет на единство и системность гражданского права [6, с. 3].

Подводя итог проведенному анализу, можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, недействительность и незаключенность договора являются самостоятельными правовыми институтами, имеющими различную юридическую природу. Незаключенность представляет собой отсутствие договорного правоотношения вследствие несогласования сторонами существенных условий, тогда как недействительность — это наличие заключенного договора, который не соответствует требованиям закона по содержанию, субъектному составу, волевому формированию или форме.

Во-вторых, правовые последствия применения данных институтов различны: при незаключенности применяются нормы о неосновательном обогащении, а при недействительности — правила о реституции и иные последствия, предусмотренные законом для недействительных сделок.

В-третьих, судебная практика последовательно проводит разграничение этих понятий, что способствует стабильности гражданского оборота и защите добросовестных участников предпринимательской деятельности от злоупотреблений. Представляется, что для устранения существующих проблем правоприменения целесообразно на законодательном уровне закрепить понятие незаключенного договора и четко определить правовые последствия его исполнения, что позволит избежать смешения данных правовых категорий и обеспечит единообразие судебной практики.

Список литературы:

1. Гончарова В.А. Признание договора незаключенным и признание договора недействительным как способы защиты гражданских прав // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 229–234.
2. Андреева С.Е., Чахалова С.А. Соотношение недействительности и незаключенности гражданско-правового договора (на примере договора дарения) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10 (76). № 2. С. 109–117.
3. Едигарева Д.В. К вопросу о тождественности понятий «недействительная» и «незаключенная» сделки // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 9-1 (96). С. 198–201.
4. Егоренкова В.И. Недействительные сделки и незаключенные договоры: проблема соотношения // Бизнес в законе. 2014. № 5. С. 68–71.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.01.2013 № 13 «О внесении дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 4.
6. Андриенко Н.В. Соотношение недействительности и незаключенности договора аренды // Современная научная мысль. 2015. № 4. С. 85–91.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ФИКСАЦИИ И АНАЛИЗА ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Погорелова Ангелина Николаевна

Горбунова К.С.

научный руководитель: Саюшкина Е.В.

канд. юр. наук, доцент

Оренбургский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние криминалистического исследования цифровых следов, образующихся при совершении киберпреступлений. Анализируются особенности цифровых следов как нового вида вещественных доказательств, требующего специальных методов изъятия и закрепления. Особое внимание уделяется технологиям создания посекторных копий носителей, восстановлению удаленной информации и соблюдению процессуальных норм при работе с электронными уликами.

Ключевые слова: Криминалистика, цифровые следы, киберпреступление, компьютерная экспертиза, фиксация доказательств, восстановление данных, метаданные, информационная безопасность, расследование.

MODERN METHODS OF RECORDING AND ANALYZING DIGITAL TRACES IN THE INVESTIGATION OF CYBERCRIMES

Pogorelova Angelina Nikolaevna

Gorbunova K.S.

scientific Advisor: **Sayushkina E.V.**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Orenburg Institute (Branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSLA)", Russia, Orenburg

Abstract. The article examines the current state of forensic research of digital traces formed during cybercrimes. It analyzes the features of digital traces as a new type of physical evidence that requires special methods of seizure and consolidation. Special attention is paid to the technologies of creating sector-by-sector copies of media, restoring deleted information, and compliance with procedural norms when working with electronic evidence.

Keywords: Forensics, digital traces, cybercrime, computer expertise, evidence fixation, data recovery, metadata, information security,

В настоящее время сложно представить наш современный мир без компьютерной техники, сотового телефона и сети Интернет. Они представляют собой обязательное условие улучшения качества жизни, но наряду со своей позитивностью, они стремительно подвергают опасности жизнь и конфиденциальность данных человека и общества в целом. Стремительное развитие информационных технологий и широкое распространение цифровых платформ радикально изменили криминогенную ситуацию в мире – зафиксирован резкий скачок преступлений с использованием IT-технологий.

Само понятие «киберпреступность» появилось за рубежом. В 2000 году на десятом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями киберпреступления разделили на пять категорий: несанкционированный доступ к устройству; повреждение компьютерных данных или программ; саботаж для нарушения работы компьютерной системы или сети; несанкционированный перехват данных внутри системы или сети; компьютерный шпионаж.

В России киберпреступности посвящена глава 28 УК РФ об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации.

Всемирный процесс цифровизации и усиленный рост подобных преступлений привел к появлению в Следственном комитете Российской Федерации отдела по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий. Данный отдел начал свою работу с декабря 2019 года. Ведь результативность следствия по указанным категориям дел напрямую зависит от качества фиксации и изучения массива цифровых данных, остающихся после совершения правонарушения.

В криминалистической литературе можно увидеть различные подходы ученых к пониманию и содержанию "виртуального следа". А.Б. Смушкин данный вид следа определяет как результат "совершения любых действий в информационном пространстве компьютерных и иных цифровых устройств, их сетей и систем". В.А. Мещеряков под виртуальными следами понимает "любое изменение состояния автоматизированной информационной системы, связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации".

Среди основных свойств электронно-цифровых следов можно выделить: возможность осуществления процедуры неограниченного копирования без нарушения целостности; первоисточника информации, а так же несложную процедуру быстрого изменения или уничтожения, как первичной информации, так и её копий.

Расследование преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, невозможно без глубокого понимания природы цифровых следов. Как было отмечено ранее, ключевым свойством таких следов является их нематериальность и уязвимость. В отличие от традиционных трасологических или дактилоскопических отпечатков, цифровой след не может быть просто «изъят» в классическом понимании этого процесса. Следователь и специалист имеют дело не с физическим объектом, а с информацией, закодированной в виде последовательности электрических импульсов или состояний ячеек памяти. В связи с этим фундаментальное значение приобретает процедура копирования информации. Законодательство Российской Федерации, в частности Уголовно-процессуальный кодекс, предусматривает возможность изъятия носителей информации, однако на практике это не всегда целесообразно. Изъятие сервера коммерческой организации или критически важного узла автоматизированной системы управления может парализовать работу предприятия, нанеся ущерб, несоизмеримый с самим преступлением. Именно поэтому современная криминалистика делает акцент на производстве копирования цифровой информации непосредственно на месте происшествия. Процесс фиксации цифровых следов начинается с осмотра места происшествия, которым может выступать не только помещение с компьютерной техникой, но и виртуальное пространство. Ключевым требованием на данном этапе является обеспечение неизменности данных. Любое включение или выключение компьютера, подключение к сети или даже простое нажатие клавиши может привести к изменению временных меток файлов, удалению временных данных или запуску механизмов шифрования,

предусмотренных злоумышленником.⁴⁵ Поэтому современным стандартом является работа с «живыми» системами, когда эксперты проводят анализ оперативной памяти до выключения питания. В оперативной памяти хранятся ключевые сведения: пароли в открытом виде, запущенные вредоносные программы, данные о сетевых соединениях. Для извлечения этой информации используются специализированные программно-аппаратные комплексы, позволяющие создать точный образ памяти без внесения изменений в систему.

Технические методы фиксации: от копирования битов до создания образов носителей

После завершения работы с энергозависимыми данными перед криминалистом встает задача изъятия информации с постоянных носителей — жестких дисков, твердотельных накопителей, карт памяти. Традиционное копирование файлов через операционную систему здесь неприменимо, так как оно не позволяет восстановить удаленную информацию и не фиксирует служебные области диска. Современная криминалистика использует метод побитового (посекторного) копирования. Данный метод подразумевает создание точного образа диска — файла, содержащего в себе полную копию всей последовательности битов исходного носителя. Для обеспечения достоверности и проверки неизменности полученной копии применяется технология хеширования. Суть её заключается в математическом вычислении уникального контрольного кода (хеш-суммы) исходного носителя и созданной копии.⁴⁶ Если хеш-суммы совпадают, это является криминалистически значимым доказательством того, что копия полностью аутентична оригиналу и не подвергалась фальсификации в процессе следствия. Данная процедура строго фиксируется в протоколе следственного действия, что позволяет в дальнейшем использовать полученный образ в качестве доказательства в суде. Для работы с такими образами используются аппаратные блокираторы записи. Это устройства, которые подключаются между исследуемым диском и компьютером эксперта и аппаратно блокируют любые команды на запись, гарантируя, что ни один бит информации не будет изменён в процессе экспертизы.

Создание образа — это только первый этап. Основная сложность заключается в анализе гигантских массивов данных, которые могут исчисляться терабайтами. Современные методы анализа базируются на использовании специализированного криминалистического программного обеспечения. Такие программы позволяют автоматизировать поиск ключевых слов, восстановление удаленных файлов, анализ структуры папок и временных характеристик. Одним из важнейших направлений является анализ метаданных. Метаданные — это данные о данных. Каждый цифровой файл (фотография, документ) содержит скрытую информацию о дате и времени создания, редактирования, об авторе, модели устройства, на котором он был создан, и даже о географических координатах съемки. Анализ метаданных часто позволяет установить точное местонахождение преступника в момент совершения противоправного действия или выстроить хронологию событий. Особое место занимает анализ интернет-трафика и сетевых соединений. В условиях, когда преступления совершаются через глобальную сеть, важным источником доказательств являются логи провайдеров и данные о сетевых пакетах. Анализ этих данных позволяет проследить путь информации от отправителя к получателю, установить адреса используемых устройств и, несмотря на использование средств анонимизации, зачастую вывести на конкретного пользователя.

Проблема обеспечения целостности и допустимости доказательств

Несмотря на развитие технических средств, ключевой проблемой остается юридическая сила полученных доказательств. Процесс работы с цифровыми следами должен быть не только технически грамотным, но и процессуально безупречным. Любая ошибка в оформлении — отсутствие понятых при осмотре, некорректное описание изъятых образцов в протоколе, неисправность блокиратора записи — может привести к тому, что суд признает доказательство недопустимым.⁴⁷ В связи с этим современная криминалистика выработала строгие стандарты так называемой «цепочки сохранности». Данный принцип подразумевает документальное подтверждение того, кто, когда, при каких обстоятельствах и с помощью каких средств имел доступ к цифровым доказательствам с момента их изъятия до момента рассмотрения дела в суде. Любой разрыв в этой цепочке ставит под сомнение подлинность улик. Для соблюдения этого принципа активно внедряются технологии распределенного реестра, позволяющие

⁴⁵ Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. — М.: Норма, 2020. — С. 412.

⁴⁶ Смушкин А.Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. — 2012. — № 8. — С. 43.

⁴⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.10.2024), ст. 81.1, 164.

фиксировать неизменность данных на всех этапах следствия. Однако на данный момент основным инструментом остается строгое соблюдение норм уголовно-процессуального законодательства и привлечение квалифицированных специалистов для участия в следственных действиях.

Перспективы развития методов анализа

Развитие технологий не стоит на месте, и криминалистика вынуждена постоянно адаптироваться к новым вызовам. Широкое распространение технологий шифрования и анонимных сетей требует от специалистов применения методов криптоанализа и разработки способов легального получения ключей доступа. Всё чаще объектами исследования становятся не только компьютеры, но и устройства интернета вещей — «умные» колонки, бытовая техника, автомобильные системы, которые также накапливают огромные массивы данных о действиях и привычках человека. Активно внедряются методы искусственного интеллекта для обработки больших данных. Нейросети способны анализировать миллионы страниц текстовой переписки или изображений за короткое время, выявляя скрытые связи и закономерности, которые человек мог бы искать годами. Однако использование таких методов ставит новые этические и правовые вопросы о допустимости машинного анализа в доказывании.

Таким образом, современная криминалистика в сфере киберпреступлений представляет собой сложный симбиоз юриспруденции и высоких технологий. Успех расследования напрямую зависит от способности следствия своевременно осваивать и внедрять в практику новейшие методы фиксации и анализа цифровых следов, неукоснительно соблюдая при этом процессуальные нормы, гарантирующие защиту прав всех участников уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. — М.: Норма, 2020. — С. 412.
2. Смушкин А.Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. — 2012. — № 8. — С. 43.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.10.2024), ст. 81.1, 164.
4. Шевченко Е.С. О криминалистической трактовке понятия «киберпреступность» // Информационное право. 2014. № 3 (39).
5. Болтенкова Ю.В. Особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием IT-технологий в сфере компьютерной информации // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых - 2022: сборник научных статей 11-й Международной молодежной научной конференции, Курск, 10–11 ноября 2022 года. Т.2. - Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С.170-174.

УДК 349.6

ПРАВОВОЙ СТАТУС «ЗЕЛЕННЫХ» ОБЛИГАЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Садыкова Камилла Эльверовна

студент 4 курса Факультет Юриспруденция

научный руководитель: **Кузьмина Мария Вячеславовна**

кандидат юридических наук

Оренбургский институт (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)", г. Оренбург

Аннотация. В статье анализируется несовершенство правового статуса «зеленых» облигаций в Российской Федерации. Основное внимание уделяется системным пробелам в регулировании, ключевым из которых является отсутствие законодательно закрепленных механизмов независимой верификации «зеленых» проектов и контроля за целевым использованием средств. Действующий режим, установленный Положением Банка России № 706-П, носит декларативный характер, возлагая оценку соответствия на самого эмитента, что создает почву для «гринвошинга» и правовой неопределенности. Доказывается, что фрагментарность регулирования и отсутствие обязательной таксономии проектов сдерживают развитие этого финансового инструмента. Формирование комплексного законодательства, включающего четкие стандарты раскрытия информации и верификации, представлено в качестве императива для раскрытия инвестиционного потенциала «зеленых» облигаций, мобилизации частного капитала и достижения национальных целей в области экологии и устойчивого развития.

Ключевые слова: Зеленые облигации, правовой статус, экологическое финансирование, устойчивое развитие, правовое регулирование, экологические проекты.

THE LEGAL STATUS OF "GREEN" BONDS AS A TOOL FOR FINANCING ENVIRONMENTAL PROJECTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Sadykova Kamilla Elverovna

student 4 term Faculty of Law

Scientific adviser: **Kuzmina Maria Vyacheslavovna**

candidate of Legal Sciences

Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

50 Komsomolskaya Street, Orenburg, Russia

Abstract. The article analyzes the imperfections in the legal status of green bonds in the Russian Federation. It focuses on systemic regulatory gaps, the most critical being the lack of legally mandated mechanisms for the independent verification of green projects and control over the targeted use of raised funds. The current regulatory framework, established by the Bank of Russia's Regulation № 706-P, is declaratory, as it places the assessment of compliance on the issuer itself, creating grounds for greenwashing and legal uncertainty. The article argues that the fragmented nature of the regulation and the absence of a mandatory project taxonomy hinder the development of this financial instrument. The establishment of comprehensive legislation, incorporating clear disclosure standards and verification procedures, is presented as an imperative for unlocking the investment potential of green bonds, mobilizing private capital, and achieving national environmental and sustainable development goals.

Key words: Green bonds, legal status, environmental financing, sustainable development, legal regulation, environmental projects.

Актуальность формирования адекватного правового статуса «зеленых» облигаций в Российской Федерации обусловлена комплексом факторов макроэкономического и внутригосударственного характера, находящихся свое подтверждение в объективных данных. Развитие этого финансового инструмента напрямую связано с реализацией государственной политики в области «зеленой» экономики, которая рассматривает хозяйственную деятельность как зависимый компонент природной среды, в пределах которой она существует [9, с. 20].

Во-первых, несмотря на общемировую тенденцию экологизации финансовых потоков, доля Российской Федерации в общемировом объеме выпуска «зеленых» облигаций остается маргинальной. Это указывает на наличие существенного отставания и объективную необходимость активизации интеграции в формирующуюся систему «зеленых» финансов. В условиях 2025 года конкуренция на глобальных рынках капитала за привлечение инвестиций в зеленые проекты усиливается, что требует от России адаптации лучших практик и совершенствования внутренней инфраструктуры [4, с. 132].

Во-вторых, существует объективный разрыв между масштабом экологических целей, декларируемых на государственном уровне, и ограниченными возможностями их бюджетного финансирования. Показательным является тот факт, что собственные эмиссии российских хозяйствующих субъектов до недавнего времени носили единичный характер, что актуализирует задачу создания эффективного национального механизма «зеленого» финансирования [2, с. 448]. Важным фактором актуальности является также изменение инвестиционного ландшафта и рост интереса к устойчивым финансам во всем мире. Как отмечают исследователи, наличие «зеленых» облигаций в портфеле инвестора может сделать его более устойчивым к высокой волатильности сырьевых рынков и застраховать инвестиции от потенциального снижения стоимости активов в сырьевом секторе. Этот аспект особенно важен для привлечения не только институциональных, но и частных инвесторов, которые все чаще стремятся не только к получению дохода, но и к вкладу в борьбу с изменением климата. Однако в России данный финансовый инструмент пока не пользуется большой популярностью среди портфельных инвесторов, что может объясняться недостатком знаний о его природе, функциях и важности [5, с. 62].

В-третьих, ключевым сдерживающим фактором развития рынка выступает неразвитость нормативно-правовой базы, регламентирующей выпуск и обращение «зеленых» облигаций. Отсутствие законодательно закрепленных дефиниций, унифицированных стандартов верификации «зеленых» проектов, а также прозрачных механизмов контроля за целевым использованием привлеченных средств порождает правовую неопределенность для потенциальных эмитентов и инвесторов [4, с. 134].

В-четвертых, потенциальные преимущества использования «зеленых» облигаций для российских эмитентов, включая доступ к капиталу и укрепление деловой репутации, не могут быть реализованы в полной мере без создания четких правовых рамок. Эмпирические исследования подтверждают наличие так называемого «зеленого дисконта» – снижения ставки доходности по сравнению со стандартными долговыми инструментами, который в среднем оценивается в 0,35% годовых.[7, с. 2-7] Прогнозы на 2025 год свидетельствуют о снижении активности на рынке ESG-облигаций. По данным экспертно-аналитической платформы «Инфраструктура и финансы устойчивого развития», объем выпущенных в России ESG-облигаций по итогам 2024 года может сократиться на 51% по сравнению с предыдущим годом, не превысив 73 млрд. рублей [4, с. 135]. Это снижение обусловлено как внешними экономическими факторами, так и внутренними вызовами, включая макроэкономическую нестабильность. В то же время, Банк России планирует в 2025 году снизить риск веса по кредитам и облигациям, направленным на финансирование зеленых проектов, что может повысить привлекательность этих инструментов для инвесторов [4, с. 135]

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена императивной необходимостью преодоления идентифицированных правовых барьеров. Формирование правового статуса «зеленых» облигаций является не только условием интеграции России в глобальную систему «зеленых» финансов, но и ключевым фактором мобилизации частного капитала для достижения национальных экологических целей и обеспечения устойчивого развития экономики.

Формирование нормативной базы, регулирующей выпуск и обращение «зеленых» облигаций в Российской Федерации, находится на стадии развития и характеризуется отсутствием комплексного подхода.

Ключевым нормативным актом, закрепившим понятие «зеленых» облигаций на уровне финансового регулятора, является Положение Банка России от 19 декабря 2019 г. № 706-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг». Введенная этим положением дефиниция определяет «зеленые» облигации как облигации, денежные средства от размещения которых используются на цели, связанные с финансированием и (или) рефинансированием проектов, направленных на сохранение и охрану окружающей среды [6].

Положение № 706-П устанавливает ряд формальных требований, при соблюдении которых выпуск может быть идентифицирован как «зеленый». В частности, решение о выпуске (или проспект эмиссии) таких облигаций в обязательном порядке должно содержать:

1. Условие об использовании всех денежных средств, полученных от размещения, исключительно на финансирование или рефинансирование экологических проектов.
2. Детальное описание самого проекта с указанием как качественных, так и количественных показателей, характеризующих его положительное воздействие на окружающую среду. [6]

Критически важным аспектом является то, что Положение № 706-П возлагает оценку соответствия выпуска установленным критериям на самого эмитента. В тексте документа отсутствует требование об обязательной независимой верификации или внешнем подтверждении «зеленого» характера проекта и целевого использования средств. Данный подход создает риски возникновения практики «гринвошинга», когда заявления эмитента не подкреплены реальными экологическими результатами.

Существенным пробелом в регулировании является ограничение сферы действия Положения № 706-П. Нормы, определяющие «зеленый» статус облигаций, не распространяются на эмитентов государственных и муниципальных ценных бумаг. Это создает правовую неопределенность для субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, которые являются потенциально значимыми эмитентами. Тем не менее, важным прецедентом стала эмиссия зеленых облигаций Правительства Москвы в 2021 году, что демонстрирует растущий интерес на уровне субъектов РФ [5, с. 66].

На подзаконном уровне можно выделить Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2019 г. № 541, которым утверждены правила предоставления субсидий на возмещение затрат на выплату купонного дохода по облигациям, выпущенным для проектов по внедрению наилучших доступных технологий (НДТ). Однако данная мера носит узконаправленный характер и не формирует системного стимула для эмитентов «зеленых» облигаций в широком смысле.

Таким образом, в России отсутствует единый, системный закон или концепция, регулирующая рынок «зеленых» облигаций. Существующее регулирование представлено, по сути, одним специализированным актом Банка России, который вводит базовое понятие, но не создает надежных механизмов верификации, контроля и стимулирования, соответствующих передовому опыту.

«Зеленые» облигации представляют собой долговой финансовый инструмент, ключевой отличительной чертой которого является целевой характер использования привлеченных средств. В отличие от стандартных облигаций, выручка от размещения «зеленых» облигаций направляется исключительно на финансирование или рефинансирование новых или существующих проектов, оказывающих положительное воздействие на окружающую среду [8, с. 45]. Таким образом, сущность «зеленой» облигации заключается не в изменении долговых обязательств эмитента, а в экологическом предназначении привлекаемого капитала.

Мировая практика, отраженная в добровольных стандартах, таких как Принципы «зеленых» облигаций (Green Bond Principles, GBP) Международной ассоциации рынков капитала (ICMA) и стандарты Climate Bonds Initiative (CBI), определяет широкий, но конкретный перечень категорий приемлемых «зеленых» проектов. К ним традиционно относятся:

- Возобновляемая энергетика (солнечная, ветровая, геотермальная);
- Повышение энергоэффективности;
- Экологически чистый транспорт (например, железнодорожный, электрический);
- Рациональное использование водных ресурсов и очистка сточных вод;
- Управление отходами, включая переработку и утилизацию;
- Низкоуглеродное строительство («зеленые» здания);
- Сохранение биоразнообразия и устойчивое землепользование.

Несмотря на формальное закрепление понятия, правовой статус «зеленых» облигаций в России остается в значительной степени декларативным. Ключевая проблема заключается в том, что действующее регулирование не создает эффективного правового механизма, гарантирующего соответствие заявленных целей выпуска реальному использованию средств.

Сложившаяся ситуация порождает несколько взаимосвязанных правовых коллизий. Отсутствие специальных составов правонарушений, связанных с «гринвошингом», означает, что у инвесторов практически отсутствуют действенные юридические рычаги для оспаривания действий эмитента в случае нецелевого использования средств.

Дополнительным структурным изъяном является фрагментарность регулирования и отсутствие единой обязательной таксономии «зеленых» проектов. Отсылка к расплывчатому понятию «проектов, направленных на сохранение и охрану окружающей среды» открывает пространство для широкого и зачастую произвольного толкования, что создает почву для злоупотреблений.

Для решения указанных проблем необходим комплексный подход, включающий разработку унифицированной законодательной основы, внедрение методов подтверждения соответствия и прозрачности данных, а также расширение инструментов государственной поддержки. Значимым шагом стало учреждение на Московской бирже «Сектора устойчивого развития» и запуск индекса облигаций данной категории, что способствует увеличению прозрачности и популяризации данного финансового инструмента [5, с. 66].

Использование «зеленых» облигаций для финансирования проектов в сфере возобновляемой энергетики, являющейся одним из приоритетных направлений развития «зеленой» экономики в России, представляется многообещающим [1, с. 2]. Региональный опыт, например, Оренбургской области, демонстрирует, что развитие солнечной и ветровой энергетики способствует созданию высококвалифицированных рабочих мест, укреплению энергетической сети и увеличению налоговых поступлений [5, с. 3]. Финансирование подобных инициатив посредством «зеленых» облигаций могло бы ускорить реализацию целей Энергетической стратегии Российской Федерации до 2035 года, предусматривающей увеличение доли возобновляемых источников энергии в энергобалансе [6, с. 2].

Правовая проблема развития «зеленых» облигаций в России носит системный характер. Российский законодатель, введя в оборот новый финансовый инструмент, не снабдил его адекватным правовым режимом, обеспечивающим его содержательное наполнение, контроль и защиту прав добросовестных участников.

Развитие рынка «зеленых» облигаций в России сдерживается рядом системных проблем, включая неразвитость нормативной базы, отсутствие четких стандартов и слабую институциональную поддержку [4, с. 136]. Для преодоления этих препятствий необходимо внедрение национальных стандартов, развитие образовательных программ, совершенствование законодательной базы и стимулирующая политика государства.

Перспективы развития рынка «зеленых» облигаций в России, несмотря на существующие вызовы,

связаны с координацией усилий всех заинтересованных сторон. Со стороны государства и регулятора императивной мерой является формирование комплексного законодательства, включающего не только четкие стандарты раскрытия информации, но и обязательную таксономию «зеленых» проектов, а также надежные механизмы независимой верификации. Знаковым позитивным шагом стало решение Банка России на 2025 год снизить риск-веса по кредитам и облигациям, направленным на финансирование зеленых проектов, что может повысить их привлекательность для инвесторов [4, с. 135]. Важную роль в повышении прозрачности и популяризации инструмента играют и инфраструктурные инициативы Московской биржи, такие как создание «Сектора устойчивого развития» и запуск индекса облигаций данной категории [5, с. 66]. Однако для раскрытия полного потенциала «зеленых» облигаций необходимо активное участие бизнеса, который должен видеть в них не только источник финансирования, но и инструмент укрепления деловой репутации и долгосрочной устойчивости.

Только при таком комплексном подходе возможен рост этого важного сегмента финансирования, который позволит мобилизовать частный капитал для достижения национальных экологических целей, таких как развитие возобновляемой энергетики, модернизация системы обращения с отходами и внедрение наилучших доступных технологий.

Список литературы:

1. Алексеева Л. В., Кузьмина М. В. «Тенденции развития «зеленой» экономики в России (на примере Оренбургской области) // Наука через призму времени. – 2024. – № 11 (92). – С. 1–4.
2. Гутброд М., Храплива Ю. И., Володин С. Н. «Зеленые облигации» как новый финансовый инструмент и перспективы их внедрения в России // Валютное регулирование. Валютный контроль. – 2017. – № 9. – С. 44–49.
3. Иванова Н. И., Левченко Л. В. «Зеленая» экономика: сущность, принципы и перспективы // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2017. – № 2. – С. 19–28.
4. Калачев М. А., Ныхрикова Т. В., Жосану Н. Проблемы и перспективы развития зеленых облигаций на финансовых рынках России в 2025 году // Журнал прикладных исследований. – 2025. – Т. 5. – № 5. – С. 131–136.
5. Курбатов А. А., Корнилова К. А. «Зеленые» облигации: сущность и перспективы развития // Фундаментальные исследования. – 2025. – № 3. – С. 62–69.
6. Положение Банка России от 19 декабря 2019 г. № 706-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг» // Вестник Банка России. – 2020. – № 34.
7. Смирнов С. «Зеленые облигации как инструмент финансирования экологических инвестиционных проектов». – 2024.

УДК 330.322

КРАУДИНВЕСТИНГ (ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПЛАТФОРМЫ) КАК СПОСОБ ПРИВЛЕЧЕНИЯ КАПИТАЛА: ПРАВОВЫЕ РИСКИ ИНВЕСТОРА И ОРГАНИЗАТОРА

Садыкова Камилла Эльверовна

студентка 4 курса юридического факультета,

Оренбургский институт (филиал) Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА), Россия, Оренбург

Аннотация. В настоящей статье исследуется правовая природа краудинвестинга как одного из видов краудфандинга, заключающегося в привлечении инвестиций в капитал компаний через инвестиционные платформы. На основе анализа российского законодательства и научных источников рассматриваются ключевые правовые риски, возникающие у инвесторов и операторов инвестиционных платформ. Особое внимание уделяется проблемам информационной асимметрии, отсутствию гарантий сохранности вложений, рискам мошенничества и нецелевого использования средств, а также коллизиям в правовом регулировании.

Ключевые слова: краудинвестинг, инвестиционная платформа, оператор инвестиционной платформы, правовые риски, защита прав инвесторов.

CROWDINVESTING (INVESTMENT PLATFORMS) AS A WAY TO RAISE CAPITAL: LEGAL RISKS FOR THE INVESTOR AND THE ORGANIZER

Sadykova Kamilla E.

Student, Faculty of Law,

Orenburg Institute (branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Orenburg, Russia

Abstract. This article examines the legal nature of crowdinvesting as one of the types of crowdfunding, which consists of attracting investments in the capital of companies through investment platforms. Based on the analysis of Russian legislation and scientific sources, the key legal risks arising for investors and operators of investment platforms are considered. Particular attention is paid to the problems of information asymmetry, lack of guarantees for the safety of investments, risks of fraud and misuse of funds, as well as conflicts in legal regulation.

Keywords: crowdinvesting, investment platform, investment platform operator, legal risks, investor protection.

Развитие цифровых технологий и финансовых рынков привело к появлению инновационных инструментов привлечения капитала, среди которых особое место занимает краудфандинг. В науке выделяют его различные виды, однако для предпринимательского права наибольший интерес представляют краудинвестинг и краудлендинг, поскольку они являются видами финансовых операций [1, с. 80]. Краудинвестинг (акционерный краудфандинг) представляет собой процесс привлечения финансирования частными компаниями, при котором инвесторы вкладывают средства в обмен на акции (долю в капитале) [2, с. 314].

Правовое регулирование краудинвестинга в России осуществляется Федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 259-ФЗ), вступившим в силу с 1 января 2020 года. Примечательно, что законодатель отказался от использования самого термина «краудфандинг», оперируя понятием «инвестирование и привлечение инвестиций с использованием инвестиционных платформ». Как отмечают исследователи, отказ от этого термина обусловлен, в том числе, тем фактом, что данное слово является заимствованным неологизмом [1, с. 84].

Согласно положениям Закона № 259-ФЗ, инвестирование с использованием инвестиционных платформ может осуществляться путем предоставления займов или приобретения эмиссионных ценных бумаг, размещаемых с использованием инвестиционной платформы [3]. Ключевым субъектом регулируемых отношений выступает оператор инвестиционной платформы — хозяйственное общество, созданное по российскому законодательству, осуществляющее деятельность по организации привлечения инвестиций и включенное Банком России в соответствующий реестр [4, с. 41]. Оператор признается некредитной финансовой организацией, поднадзорной Банку России.

Правовой статус оператора инвестиционной платформы порождает специфические риски для всех участников краудинвестинговых отношений. Анализ научной литературы позволяет выделить комплекс правовых рисков, характерных как для инвесторов, так и для самих организаторов платформ. Как отмечают исследователи, деятельность по организации привлечения инвестиций с использованием инвестиционных платформ признается в наивысшей степени рискованной, и оператор обязан получить от инвестора-физического лица подтверждение того, что он ознакомился с рисками, осознает их и принимает [4, с. 42].

Одним из ключевых рисков для инвестора является информационная асимметрия, обусловленная низким уровнем требований к раскрытию информации для частных компаний-эмитентов. Для непубличных компаний характерен низкий уровень информационной прозрачности, часто отсутствие должного аудита финансовой отчетности, что порождает риски некорректного формирования отчетов и ошибки в прогнозировании денежных потоков [2, с. 319]. Инвестиционные платформы предоставляют и распространяют информацию об эмитентах, однако, в отличие от фондовых бирж, они не имеют возможности должной проверки и верификации документации [2, с. 319].

Краудинвестинг сопряжен с риском потери инвестиций в полном объеме. Риск того, что компания, в которую вложился краудинвестор, перестанет существовать или не достигнет заявленных показателей, очень велик. Законодатель, осознавая данную специфику, установил ограничение для инвестирования физическими лицами, не являющимися квалифицированными инвесторами, в размере не

более 600 тысяч рублей в течение одного года [3]. Цель указанного ограничения — предотвращение создания финансовых пирамид под «маской» инвестиционных платформ [3, с. 43].

Существенным риском является отсутствие ликвидного вторичного рынка для акций, приобретенных на инвестиционных платформах. В отличие от биржевого рынка акций, на платформах ликвидный вторичный рынок практически отсутствует [2, с. 322]. Инвесторы должны ждать, прежде чем они смогут реализовать прибыль от своих вложений. Хотя многие платформы пытаются организовывать вторичные рынки, они пока не обладают высоким уровнем ликвидности. Кроме того, поскольку публичный вторичный рынок отсутствует, инвесторы несут риск разводнения капитала при дополнительных раундах финансирования [2, с. 322]. Анализ деятельности российских краудинвестиционных платформ, например Rounds, показывает, что они лишь недавно начали активную работу по налаживанию и расширению функционала вторичного рынка [5, с. 30].

Риск мошенничества также высок в сфере краудинвестинга. При эмиссиях на платформах отсутствуют требования к участию андеррайтеров, поэтому экспертиза со стороны третьих сторон минимальна [2, с. 319]. Международная организация комиссий по ценным бумагам (IOSCO) в своем докладе выделяет целый ряд рисков, включая риск мошенничества или злоупотреблений со стороны самой платформы, когда оператор может быть нацелен на прямой обман потребителей финансовых услуг, а также риск мошенничества со стороны пользователей платформы, поскольку операторы не всегда могут должным образом проверить пользователей [1, с. 84].

Для операторов инвестиционных платформ также характерны специфические правовые риски. Прежде всего, это риск осуществления нелегальной деятельности. Платформы могут предлагать большой набор инструментов для инвесторов, что может вести к тому, что они будут переходить границу своей компетенции и оказывать сопутствующие услуги, в частности брокерские или консультационные [1, с. 84].

Закон № 259-ФЗ исключил ответственность оператора инвестиционной платформы по обязательствам лиц, привлекающих инвестиции. По существу, оператор является лишь посредником, который должен обеспечить функционирование инфраструктуры [4, с. 39]. Как справедливо отмечают исследователи, специфика инвестирования через посредника требует более детального регулирования договорных отношений и вопросов ответственности [5, с. 42]. Не решен в законе и вопрос о снижении риска нецелевого использования привлеченных инвестиций, поскольку при небольших вложениях у инвесторов отсутствует возможность контроля над целевым расходованием средств [2, с. 322].

Трансграничный характер деятельности инвестиционных платформ создает дополнительные правовые коллизии. В случае предоставления услуг лицам, расположенным в нескольких юрисдикциях, может возникнуть проблема при решении вопроса о том, по какому закону инвестор может требовать возмещение причиненных ему убытков [1, с. 84]. Это подтверждает высокую чувствительность данного сегмента финансового рынка к макроэкономическим факторам.

Следует отметить, что инвестиционные платформы могут устанавливать свои критерии для допуска эмитентов к размещениям, классифицируя их по эшелонам в зависимости от стадии развития и объема привлечения, что помогает инвестору следовать формальным критериям выбора объектов инвестирования [2, с. 320]. Тем не менее, анализ финансовой отчетности операторов инвестиционных платформ за 2021-2023 гг. показывает, что многие из них завершали годы с убытками, а качество представленных эмитентами финансовых моделей и обещания сверхдоходности (30% годовых и выше) вызывают сомнения у профессиональных участников рынка [5, с. 31, 38].

Подводя итог, необходимо констатировать, что краудинвестинг, будучи инновационным механизмом привлечения капитала, предоставляет широкие возможности для финансирования малого и среднего бизнеса, однако сопряжен со значительными правовыми рисками для всех участников этих отношений. В силу непродолжительных сроков существования рассматриваемого механизма еще не сформировались эффективные механизмы правового регулирования краудинвестиционной деятельности [1, с. 85]. При разработке нормативных правовых актов следует в полном объеме учитывать риски, присущие данному виду деятельности. Необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в направлении усиления защиты прав инвесторов, повышения информационной прозрачности эмитентов и определения четких границ ответственности операторов инвестиционных платформ, а также стимулирования создания ликвидного вторичного рынка для ценных бумаг, размещаемых на инвестиционных платформах.

Список литературы:

1. Папаскуа Г.Т. Краудфандинг: понятие, виды и риски // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 7. — С. 77–85.
2. Березинец И.В., Ильина Ю. Б., Бобров К. А., Копцев В. С. Альтернативные инвестиции: мотивы и риски инвестирования на краудфандинговых платформах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. — 2023. — Т. 22. — № 3. — С. 313–336.
3. Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2019. – 7 августа (№ 172).
4. Габов А.В., Хаванова И. А. Краудфандинг: законодательное оформление web-модели финансирования в контексте правовой доктрины и зарубежного опыта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2020. — Вып. 47. — С. 28–44.
5. Краудфандинг как инструмент инвестиционных возможностей и демократизации финансирования малого и среднего бизнеса / И.В. Березинец, Д.Л. Волков, А.Ю. Ерисов, Ю. Б. Ильина, И. Н. Царьков ; под общ. ред. Д. Л. Волкова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. — 112 с.

УДК 343.9

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРИМЕНЕНИЯ
ПОЛИГРАФА****Садыкова Камилла Эльверовна**

студентка 4 курса

научный руководитель: **Саюшкина Е.В.**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых наук

Оренбургский институт (филиал) Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье анализируются криминалистические аспекты оценки результатов применения полиграфа. Рассматриваются правовые и методические проблемы использования полиграфа в уголовном процессе, анализируется судебная практика и причины непризнания психофизиологических экспертиз доказательствами.

Ключевые слова: полиграф, криминалистика, психофизиологическая экспертиза, оценка доказательств.

FORENSIC ASPECTS OF EVALUATING THE RESULTS OF POLYGRAPH USE**Sadykova Kamilla Elverovna**

4th-year Student

academic Supervisor: **Sayushkina E.V.**candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law Sciences, Orenburg Institute (branch) of Kutafin University (MSAL)
Orenburg, Russia

Abstract. The article analyzes the forensic aspects of evaluating the results of polygraph use. It examines the legal and methodological problems of using the polygraph in criminal proceedings, analyzes judicial practice, and the reasons for non-recognition of psychophysiological examinations as evidence.

Keywords: polygraph, forensic science, psychophysiological examination, evaluation of evidence.

Стремительное развитие технологий и усложнение способов совершения преступлений требуют от правоохранительных органов совершенствования методов получения криминалистически значимой информации. В этих условиях особую актуальность приобретает поиск и внедрение эффективных научно обоснованных средств, позволяющих расширить возможности следователя и оперативного сотрудника в работе с идеальными следами – информацией, запечатленной в памяти человека. Одним из таких средств выступает полиграф, который, несмотря на длительную историю применения, продолжает вызывать дискуссии в научной среде относительно его правового статуса, допустимости и достоверности получаемых результатов [2, с. 3].

В современной правоприменительной практике полиграф используется преимущественно в двух формах: непроцессуальной – в рамках оперативно-розыскного мероприятия «опрос с использованием полиграфа», и процессуальной – при производстве судебной психофизиологической экспертизы [3, с. 317]. Однако отсутствие единого подхода к оценке результатов полиграфных проверок, равно как и четкой законодательной регламентации их применения, порождает ряд проблем как теоретического, так и практического характера. Так, исследователи обращают внимание на некорректность отнесения опроса с использованием полиграфа к разновидности такого оперативно-розыскного мероприятия, как опрос, поскольку по своей сути указанная процедура представляет собой психологический эксперимент, направленный на установление причинно-следственной связи между вербальными стимулами и вегетативными реакциями человека [4, с. 377–378].

Специфика криминалистического подхода к оценке результатов применения полиграфа заключается в том, что данное техническое устройство не является «детектором лжи» в прямом смысле: оно регистрирует лишь физиологические реакции, которые могут быть обусловлены различными факторами – стрессом, тревогой, утомлением либо иными состояниями, не связанными с сокрытием информации [2, с. 172]. В этой особой актуальности приобретает вопрос о критериях допустимости и достоверности полиграфных исследований, а также о пределах использования их результатов в доказывании по уголовным делам.

Как справедливо отмечает Е.Ю. Родина, полиграф является многоцелевым прибором, предназначенным для одновременной регистрации нескольких физиологических процессов, связанных с возникновением эмоций, и его применение не противоречит действующему законодательству при условии добровольного согласия обследуемого лица [1, с. 178]. Тем не менее, анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что суды по-прежнему с осторожностью относятся к заключениям психофизиологических экспертиз, не признавая их в ряде случаев доказательствами по уголовному делу со ссылкой на отсутствие прямого указания в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [5, с. 248].

Изложенное свидетельствует о необходимости дальнейшего научного осмысления криминалистических аспектов оценки результатов применения полиграфа, выработки единых стандартов проведения соответствующих исследований и унификации подходов к интерпретации полученных данных. В настоящей статье на основе анализа научной литературы и правоприменительной практики предпринята попытка определить место полиграфа в системе средств получения криминалистически значимой информации, выявить существующие проблемы оценки его результатов и предложить пути их решения.

В криминалистической науке традиционно выделяют две группы следов преступления: материальные и идеальные. Если первые представляют собой изменения материальной обстановки места происшествия, то вторые – это образы, запечатленные в памяти человека. Именно идеальные следы являются носителями криминалистически значимой информации о событии преступления, личности преступника, мотивах и способах совершения противоправного деяния [1, с. 179].

Длительное время работа с идеальными следами ограничивалась вербальными методами, возможности которых ограничены субъективным фактором. В России интерес к полиграфу возродился в 1990-х годах, а к 2017 г. психофизиологическая экспертиза была закреплена в Перечне видов судебных экспертиз [6, с. 159].

С криминалистической точки зрения полиграф – технико-криминалистическое средство, позволяющее выявлять субъективную значимость для опрашиваемого лица тех или иных обстоятельств. Как подчеркивает Е.С. Красинская, современные полиграфы фиксируют более 30 параметров психофизиологических реакций [7, с. 16]. При этом полиграф не устанавливает ложь как таковую, а регистрирует реакции организма, позволяющие специалисту сделать вывод о наличии либо отсутствии скрываемой информации.

Несмотря на потенциал полиграфа, в российской правоприменительной практике сохраняется устойчиво негативное отношение к использованию его результатов в качестве доказательств. Анализ данных, представленных на интернет-портале «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)» [8], показывает динамику обращений, связанных с оценкой допустимости психофизиологических исследований. Если в 2024 году зафиксировано 20 подобных случаев (ходатайств сторон и апелляционных жалоб), то в 2025 году их количество возросло до 33. Инициативы стороны защиты за указанный период выразились в 14 ходатайствах о назначении психофизиологических экспертиз в отношении подсудимых [6, с. 159]. Примечательно, что подавляющее большинство ходатайств защиты о проведении

данных исследований и включении их результатов в доказательственную базу были отклонены.

Анализ судебных решений позволяет выделить несколько типичных оснований для отказа. Суды нередко ссылаются на отсутствие прямого регулирования в УПК РФ — например, в апелляционном постановлении Астраханского областного суда от 20 августа 2024 г. прямо указано, что «уголовно-процессуальный закон не предусматривает законодательной возможности применения полиграфа в уголовном процессе» [10]. Другое распространенное основание — утверждение, что эксперт-полиграфолог вторгается в компетенцию суда, оценивая доказательства. Так, в приговоре Ростовского областного суда от 25 января 2024 г. отмечено, что «заключения даны по вопросам, отнесенным к компетенции суда, а не специалиста» [11]. Вместе с тем в единичных случаях суды все же признают доказательственное значение психофизиологических исследований. Например, в приговоре Кировского районного суда Ставропольского края от 10 марта 2025 г. заключение специалиста-полиграфолога было принято и оценено в совокупности с иными доказательствами [12].

Криминалистическая оценка результатов применения полиграфа включает анализ процессуальных и содержательных характеристик исследования. Представляется возможным выделить следующие критерии.

1. Добровольность участия. Исследование допустимо только при наличии добровольного письменного согласия. Отсутствие согласия либо его принудительное получение влечет недопустимость результатов.
2. Компетентность специалиста. Качество проверки зависит от профессионализма полиграфолога, его умения формулировать вопросы и оценивать полиграммы [7, с. 16]. Обоснованным представляется предложение О.А. Поповой о дополнении перечня экспертиз, проводимых исключительно государственными экспертными организациями [6, с. 164].
3. Методическая обоснованность. Отсутствие единой общеобязательной методики создает риск использования непроверенных разработок. ЭКЦ МВД России разработана межведомственная методика производства психофизиологических экспертиз [9].
4. Полнота и всесторонность исследования. Оценка достоверности невозможна без анализа всей совокупности доказательств. Значение результатов экспертизы должно определяться индивидуально, в совокупности с иными доказательствами [1, с. 183].
5. Относимость. Предметом исследования могут быть только обстоятельства, имеющие значение для дела. Недопустима постановка правовых вопросов.
6. Учет возможных помех. Необходимо принимать во внимание состояние здоровья испытуемого, прием лекарств, психоэмоциональное напряжение и иные факторы.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что полиграф давно перестал быть экспериментальным инструментом и сегодня представляет собой полноценное технико-криминалистическое средство, незаменимое при работе с идеальными следами преступления. Его применение позволяет получить объективно регистрируемые данные о психофизиологических реакциях, что может служить дополнительным ориентиром при оценке показаний. Важно подчеркнуть, что необходимые правовые основы для использования полиграфа в доказывании уже созданы. Базовые принципы закреплены в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а детальная процедура проведения психофизиологических исследований детально регламентирована ведомственными и межведомственными методиками, разработанными, в частности, ЭКЦ МВД России [9]. Как показал анализ судебной практики, основная проблема заключается не в отсутствии законодательства или методик, а в неоднородности правоприменения. Суды зачастую отказывают в приобщении заключений, ссылаясь на пробелы в УПК РФ, несмотря на наличие ведомственных регламентов. В этой связи ключевой задачей становится не принятие нового закона, а формирование единообразной судебной практики и разъяснение высшими судебными инстанциями возможности использования психофизиологических экспертиз в рамках действующего правового поля. В связи с этим заслуживает поддержки предложение О.А. Поповой о закреплении за государственными судебно-экспертными учреждениями исключительного права на проведение психофизиологических экспертиз по уголовным делам как меры, направленной на обеспечение качества и достоверности заключений. Резюмируя, можно утверждать: полиграф способен стать надежным помощником следствия и суда в установлении истины. Однако для этого необходимо не столько создание новых законов, сколько последовательное применение уже существующих правовых и методических норм, а также формирование непротиворечивой судебной практики их применения.

Список литературы:

1. Родина Е.Ю. Особенности применения полиграфа при расследовании преступлений / Е.Ю. Родина. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.15 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 175–186.
2. Садеков Р.Р. Полиграф в юридической практике: анализ эффективности и перспективы применения в современной России / Р.Р. Садеков, Д.А. Матвеев, С.Ю. Корзун. – DOI 10.29039/2312-7937-2025-3-170-175 // Вестник ВИПК МВД России. – 2025. – № 3(75). – С. 170–175.
3. Петухова К.И. Особенности применения полиграфа в оценке достоверности информации / К.И. Петухова, Р.М. Карабанов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 1(49). – С. 316–320.
4. Свободный Ф.К. Некоторые проблемы исследований на полиграфе в рамках оперативно-розыскной деятельности / Ф.К. Свободный. – DOI 10.24411/1999-6241-2019-14004 // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2019. – Т. 24, № 4(79). – С. 375–382.
5. Хлоповских Ю.Г., Ахмедов У.Н., Дудкина Е.И. К вопросу о применении полиграфа в следственно-судебной практике // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 4. (дата обращения: 13.02.2026).
6. Попова О.А. Полиграф в уголовном судопроизводстве: проблемы и перспективы использования / О.А. Попова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2025. – № 4(75). – С. 157–166.
7. Красинская Е.С. Некоторые аспекты использования полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений / Е.С. Красинская. –// Полицейская деятельность. – 2021. – № 3. – С. 13–23.
8. Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 10.02.2026).
9. Межведомственная методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа / Ин-т криминалистики Центра спец. техники ФСБ РФ, ЭКЦ МВД России и др. – М., 2018. – 30 с.
10. Апелляционное постановление Астраханского областного суда № 22-1340/2024 от 20 августа 2024 г. по делу № 1-11/2024 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/owMloj1utRI3> (дата обращения: 21.02.2026).
11. Приговор Ростовского областного суда № 2-24/2023 от 25 января 2024 г. по делу № 2-24/2023 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Ro3kJX1S5YNJ> (дата обращения: 21.02.2026).
12. Приговор Кировского районного суда Ставропольского края № 1-203/2024 от 10 марта 2025 г. по делу № 1-203/2024 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Yfy6DqghjVQ9> (дата обращения: 21.02.2026).

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БАНКОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СОМНИТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ**Фролова Мария Сергеевна**

студент

Оренбургский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», г. Оренбург

Аннотация. Статья посвящена обзору сомнительных операций, изучению их основных характеристик и признаков. В статье сомнительная операция определяется как передача денежных средств или заключение банковской сделки, которая со стороны может показаться невыгодной для клиента либо противоречить законодательству. На основе проведенного исследования сформулированы основные методы борьбы с проведением сомнительных операций через банк.

Ключевые слова: сомнительная операция, обналичивание, кредитная организация.

BANKS' RESPONSIBILITY FOR UNSAFE OPERATIONS**Frolova Maria Sergeevna**

student

Orenburg Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)", Orenburg

Abstract. The article is devoted to a survey of questionable operations, study of their main characteristics and attributes. In the article, a questionable transaction is defined as the transfer of funds or the conclusion of a banking transaction that from the outside may seem unfavorable to the client or contradict the legislation. Based on the research, the main methods of combating the conduct of questionable transactions through the bank are formulated.

Keywords: doubtful operation, cashing, credit organization.

Банк России играет ключевую роль в проведении денежно-кредитной политики, осуществляя надзорную функцию. За последние годы Банк России отозвал более 400 банковских лицензий, в том числе за осуществление сомнительных операций. Сомнительная операция - это передача денежных средств или заключение банковской сделки, которая со стороны может показаться невыгодной для клиента либо противоречить законодательству. На сегодняшний день существует множество схем проведения подобных операций. При этом целями осуществления сомнительных операций, может быть, как вывод денежных средств из страны, уклонение от налогообложения, обналичивание денежных средств на счетах, так и поддержка финансовой коррупции и международного терроризма. К данным операциям можно отнести:

- регулярное снятие крупных денежных сумм со своих счетов клиентами банка. В данном случае особое внимание необходимо уделять клиентам, у которых отмечается высокое отношение суммы снятых денежных средств к оборотам по их счетам;
- постоянные зачисления крупных денежных сумм на банковский счет физического лица со счетов третьих лиц, сопровождающиеся дальнейшим переводом на иной счет, либо снятием денежных средств со счета в ближайшие несколько дней. Исключением является перечисление денежных средств, предоставленных клиенту банка в кредит;
- осуществление резидентами-клиентами банков безналичных переводов крупных денежных сумм в пользу нерезидентов. К таким переводам можно отнести переводы по соглашению об импорте работ и услуг, расчеты по которым осуществляются без одновременной уплаты налога на добавленную стоимость; переводы по соглашению об импорте товаров при коммерческом кредитовании; переводы по соглашению о поставке товаров, покупаемых у нерезидентов на территории Российской Федерации и, кроме того, по соглашению о поставке товаров, покупаемых резидентами за пределами страны и не пересекающих таможенную границу;
- переводы сумм денежных средств юридическими лицами со своих счетов в банках на территории Российской Федерации, на свои счета в банках иностранных государств;
- совершение операций, которые связаны с незаконным возмещением налога на добавленную стоимость при вывозе товара за границу, где поступившая выручка в тот же операционный день возвращается нерезидентам для выполнения прочих обязательств;
- осуществление сделок купли-продажи наличной иностранной валюты физическими лицами;
- иные операции с неявным экономическим смыслом, которым свойственен запутанный характер, а также операции, не соответствующие основному виду деятельности клиента либо с признаками фиктивных сделок⁴⁸.

Российская Федерация стала членом целевой Группы по борьбе с финансовыми акциями, направленными на отмывание денег (ФАТФ), со штаб-квартирой в Париже, в июне 2003 года. 24 февраля 2023 года ФАТФ приостановила участие РФ в группе. Это ставит на паузу отношения РФ с данной организацией, развивавшиеся на протяжении двух десятилетий. В тот же день Росфинмониторинг справедливо заявил, что решение выходит за рамки мандата ФАТФ и не влечет никаких обязательств и ограничений для финансовых институтов в России и за рубежом.

В свете сказанного возникает насущная потребность оценки эффективности системы финансового мониторинга в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) в РФ, как государстве, приостановившем членство в целевой Группе, путем анализа действующего законодательства, в том числе с учетом новейших изменений, сделанных за последние месяцы и судебной практики, прежде всего судов арбитражной системы. Таким образом, в настоящей статье сделана попытка оценки текущей практики по судебным делам в сфере ПОД/ФТ с участием кредитных организаций, являющихся ключевым звеном системы правового

⁴⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

механизма ПОД/ФТ.

Взросшая динамика совершенствования нормативного регулирования (минувший год стал рекордным по количеству федеральных НПА высшей юридической силы - в 2022 году был принят 645 федеральных законов) не обошла и вопросы ПОД/ФТ. Так в закон о ПОД/ФТ с марта 2022 года по март 2023 года были внесены изменения путем принятия 13 федеральных законов. Масштабная модернизация правового регулирования вопросов ПОД/ФТ еще не в достаточной степени отражена в судебных актах, однако, мы попытаемся сформулировать основные посылы законодателя в сфере совершенствования ПОД/ФТ и проанализируем имеющиеся судебные акты⁴⁹.

При этом анализу можно подвергать как практику административных составов, посвященную привлечению кредитных (или вообще финансовых) организаций к административной ответственности, предусмотренной ст. 15.27 КоАП РФ, и споров об оспаривании актов регулятора, так и судебные споры по искам клиентов финансовых организаций, которые оспаривают действия последних, осуществленные в целях соблюдения законодательства о ПОД/ФТ, например, отказ в проведении операции, взимание комиссии за совершение расчетных операций в повышенном (запретительном) размере, что не предусмотрено законом, запрос у клиента дополнительных сведений, вопрос об исчерпывающем перечне которых, как свидетельствует судебная практика, также не закрыт законодателем, приостановление дистанционного обслуживания и др. Перечисленные виды споров рассматриваются в гражданских составах и, как правило, представляют собой спор о праве. По многим подобным кейсам можно наблюдать разнонаправленные решения судов различных инстанций, рассмотрению которых будет уделено особое внимание в настоящей работе. В литературе также отмечается, что суды неоднозначно подходили к вопросу о том, какие документы и какую информацию банк вправе запрашивать у клиента для идентификации и при возникновении сомнений в законности проводимой операции, что говорит о возможности расширительного толкования ряда положений законодательства Российской Федерации о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем.

Следует отметить, что применительно к финансовым организациям более существенными являются административные меры, связанные с приостановлением и аннулированием лицензии, чем административные штрафы и гражданско-правовые меры ответственности. В ряде случаев такое положение дел приводит к тому, что финансовой организации гораздо безопаснее использовать, может быть даже излишне строгие меры в отношении своего клиента, однако сократить возможность регулятора зафиксировать отсутствие должного контроля за операциями с денежными средствами и иным имуществом, и, как следствие, сократить риск использования регулятором административных санкций. Это одинаково справедливо как для профессиональных участников рынка ценных бумаг, так и для кредитных организаций. В свою очередь такое положение порождает достаточно большое количество споров финансовых организаций со своими клиентами, по инициативе последних относительно правомерности использования мер контроля, ограничивающих права клиентов, ввиду чего большой интерес также представляет практика гражданских составов с участием финансовых организаций по поводу законности мер, предпринятых ими в целях ПОД/ФТ, которые ограничивают права клиентов кредитных организаций и профессиональных участников рынка ценных бумаг. По этим двум направлениям мы постараемся двигаться, анализируя практику применения законодательства о ПОД/ФТ с участием финансовых организаций⁵⁰.

Как уже было сказано последний год был достаточно насыщенным в плане внесения изменений в законодательство о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, в связи с чем следует сказать несколько слов про современные новации закона о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем. Отметим, что контр акционный пакет законов, принятый летом 2022 года, носит принципиальное значение, изменяя ключевые параметры финансового мониторинга в нашей стране. Например, почти в половину возрастает размер операции, подлежащей обязательному контролю с 600 тысяч рублей до 1 миллиона рублей. Операции по сделкам с недвижимым имуществом также претерпели изменения, контролю теперь подлежат сделки на сумму более 5 миллионов рублей (ранее было 3 миллиона рублей). Таким образом, серьезно сокращается количество сообщений от организаций, осуществляющих операции с денежными средствами и иным имуществом. Законом от 14 июля 2022 года

⁴⁹ Обналичка: Распространенные схемы. [Электронный ресурс]. Режим доступа. (дата обращения 02.10.2025).

⁵⁰ Куликов А.С. Банки и их роль в противодействии легализации доходов, полученных преступным путем // Деньги и кредит. 2023. № 3. – 348 с.

№ 279-ФЗ из операций, подлежащих обязательному контролю исключены операции, связанные с уплатой налогов и сборов, таможенных платежей, страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации, что серьезно разгружает финансовые организации в части исполнения требований законодательства о контроле финансовых операций в целях противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, давая возможность Федеральной службе по финансовому мониторингу более внимательно подходить к тем сообщениям, которые теперь направляются финансовыми организациями.

Важное дополнение, направленным ПОД/ ФТ не относится установление дополнительных (повышенных, запретительных) комиссионных вознаграждений, сборов и иных вознаграждений, взимаемых организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, при осуществлении их клиентами операций с денежными средствами или иным имуществом. Данная норма появилась на основе большого количества судебных решений, относительно взимания с клиентов, повышенных (часто запретительных) комиссий, иногда выражающихся двузначной цифрой⁵¹.

Нижекамский городской суд Республики Татарстан в составе: председательствующего судьи В.Х. Романовой, при помощнике судьи Е.В. Даниловой, рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело по иску к акционерному обществу «Альфа-Банк» о признании действий ответчика незаконными, возложении обязанности по разблокировке банковских карт, взыскании неустойки, процентов за пользование чужими денежными средствами, компенсации морального вреда, по иску о взыскании неосновательного обогащения, установил с иском к АО «Альфа-Банк» о признании действий ответчика незаконными, возложении обязанности по разблокировке банковских карт, взыскании неустойки, процентов за пользование чужими денежными средствами, компенсации морального вреда.

В обоснование иска указано, что на принадлежащий истце карточный расчетный счет, открытый в АО «Альфа-Банк», было осуществлено зачисление денежных средств в размере 150 000 рублей, в этот же день истца частично списала денежные средства в размере 25 000 рублей. В этот же день ответчиком произошло блокирование расчетного счета истцы на остаток суммы 125 000 рублей. На ее обращение в АО «Альфа-Банк», был дан отказ на разблокировку карты, мотивируя тем, что ей необходимо предоставить оригинал чека по внесению указанной суммы, однако законодательством не предусмотрено обязательное хранение чека, о чем истца и сообщила банку. В последующем истца обратилась в Центральный Банк РФ, которым было разъяснено, что установление факта злоупотребления правом со стороны ответчика относится исключительно к компетенции суда.

С увеличенными требованиями просила признать действия АО «Альфа-Банк» по блокировке банковской карты по расчетному счету незаконными; обязать АО «Альфа-Банк»: разблокировать банковскую карту по расчетному счету, снять введенные ограничения услуг на снятие наличных денежных средств через банкоматы (блокировка карты), снять введенные ограничения функциональности каналов дистанционного банковского обслуживания по счету (Альфа-клик и Альфа Мобайл заблокированы); взыскать с АО «Альфа-Банк» неустойку в размере 125 000 рублей, проценты за пользование чужими денежными средствами в размере 3 455 рублей 49 копеек, проценты в порядке ст. 395 ГК РФ по день исполнения решения суда, штраф за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя в размере 50% от присужденной суммы, компенсацию морального вреда в размере 20 000 рублей, расходы по оплате услуг представителя в размере 15 000 рублей.

Согласно ст. 848 Гражданского кодекса Российской Федерации банк обязан совершать для клиента операции, предусмотренные для счетов данного вида законом, установленными в соответствии с ним банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями делового оборота, если договором банковского счета не предусмотрено иное.

⁵¹ Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://cbr.ru/> (дата обращения 02.10.2025).

В силу ст. 858 Гражданского кодекса Российской Федерации, ограничение прав клиента на распоряжение денежными средствами, находящимися на счете, не допускается, за исключением наложения ареста на денежные средства, находящиеся на счете, или приостановления операций по счету в случаях, предусмотренных законом.

На основании пункта 11 статьи 7 Федерального закона N 115-ФЗ "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом, вправе отказать в выполнении распоряжения клиента о совершении операции, за исключением операций по зачислению денежных средств, поступивших на счет физического или юридического лица, иностранной структуры без образования юридического лица, по которой не представлены документы, необходимые для фиксации информации в соответствии с положениями настоящего Федерального закона, а также в случае, если в результате реализации правил внутреннего контроля у работников организации, осуществляющей операции с денежными средствами или иным имуществом, возникают подозрения, что операция совершается в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма.

Согласно пункту 12 статьи 7 Федерального закона N 115-ФЗ "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" приостановление операций в соответствии с пунктом 10 настоящей статьи и отказ от выполнения операций в соответствии с пунктом 11 настоящей статьи не являются основанием для возникновения гражданско-правовой ответственности организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, за нарушение условий соответствующих договоров.

По смыслу изложенных правовых норм, банку предоставлено право самостоятельно с соблюдением требований внутренних нормативных актов относить сделки клиентов банка к сомнительным, влекущим применение внутренних организационных мер, позволяющих банку защищать свои интересы в части соблюдения законности деятельности данной организации, действующей на основании лицензии.

Из материалов дела следует, является владельцем счета, открытого в АО «Альфа-Банк» с выпуском банковской карты, который используется как физическим лицом в личных целях, не связанных с предпринимательской деятельностью.

При заключении договора ознакомлена и согласна с условиями Договора комплексного банковского обслуживания (ДКБО), что подтверждается анкетой клиента от расписки в получении банковской карты (том 1, л.д.106-107).

Данные обстоятельства подтверждаются выписками со счета истца, копией банковской карты, договором комплексного обслуживания физических лиц АО «Альфа-Банк», истцом и ответчиком не оспариваются.

Согласно п.14.2.9 ДКБО физических лиц в АО «Альфа-Банк», в редакции, действовавшей на момент совершения операций, клиент обязан предоставлять в Банк информацию, а также документы, подтверждающие источник происхождения денежных средств на Счете, основание совершения операции по выдаче наличных денежных средств, а также в иных случаях по требованию Банка.

Условиями ДКБО физических лиц в АО «Альфа-Банк» предусмотрено ограничение прав клиента на распоряжение денежными средствами, находящимися на счетах в случаях и в порядке, предусмотренном законом, в том числе Федеральным законом от №115-ФЗ. Пунктами 14.3.2,14.3.9, предусмотрено право банка отказать в выполнении распоряжения клиента по совершению операции, за исключением операций по зачислению денежных средств, поступивших на счет, по которой не представлена информация и документы по запросу Банка, в т.ч. необходимые для фиксации информации, предусмотренной Федеральным законом от № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Ограничивать и приостанавливать применение Клиентом в рамках Договора средств дистанционного банковского обслуживания, в том числе, применение Интернет Банка «Альфа-Клик», Телефонного центра «Альфа-Консультант», услуг «Альфа-Мобайл», «Альфа-Мобайл-Лайт», «Альфа-Диалог», «Альфа-Оплата» и не исполнять поручения Клиента, поступившие в Банк через Телефонный центр «Альфа-Консультант», Интернет Банк «Альфа-Клик», посредством услуг «Альфа-Мобайл», «Альфа-Мобайл-Лайт», «Альфа-Чек», «Альфа-Оплата» и «Альфа-Диалог», включая распоряжение Клиентом Счетом, в случаях выявления Банком в деятельности Клиента признаков необычных операций и ненадлежащего исполнения Клиентом

своих обязательств по Договору, в том числе при непредставлении сведений по запросам Банка, с предварительным уведомлением Клиента, в том числе, путем размещения сообщения в Интернет Банке «Альфа-Клик», а по требованию уполномоченных государственных органов - в случаях и в порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации. В случае ограничения или приостановления Банком применения Клиентом средств дистанционного доступа в части распоряжения Счетом, распоряжение Счетом Клиент осуществляет посредством распоряжений на бумажном носителе, оформленных и представленных Клиентом в Банк в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации, нормативных актов Банка России.

В случае обнаружения или возникновения подозрений у Банка о неправомерности проводимых операций с использованием Карты Клиента, Средств доступа, Пароля «Альфа-Клик», Пароля «Альфа-Консультант», Пароля «Альфа-Мобайл», Пароля «Альфа-Мобайл-Лайт», Пароля «Альфа-Диалог», а также в случае получения от государственных и правоохранительных органов информации о неправомерном их использовании:

- блокировать Карты Клиента;
- блокировать доступ Клиента к Интернет-Банку «Альфа-Клик», к Телефонному Центру «Альфа-Консультант», к услуге «Альфа-Мобайл», «Альфа-Мобайл-Лайт», услуге «Альфа-Диалог», Денежным переводам «Альфа-Оплата»;
- осуществлять голосовую телефонную связь и/или направлять уведомления в виде SMS-сообщений на Номер телефона сотовой связи Клиента с целью получения Банком дополнительного подтверждения факта совершения Клиентом операции;
- не исполнять поручения Клиента до выяснения обстоятельств.

Клиент подтверждает, что ознакомлен и согласен с тем, что Банком ведется аудиозапись всех телефонных переговоров с Клиентом, которые проводятся в соответствии с настоящим пунктом, с целью получения Банком дополнительного подтверждения факта совершения Клиентом операции.

Подводя итоги, следует отметить, что анализ судебной практики позволил установить в судебных актах как позиции, обоснованные общегражданскими нормами (ст. 845, 851 ГК РФ и др.) так и акты, мотивированные, в первую очередь, специальным законодательством в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, прежде всего статьей 7 контр акционного закона. В подобных случаях со стороны кредитной организации важно соблюсти баланс частных и публичных интересов. Однако в настоящее время, в ситуации максимально широкого усмотрения регулятора в сфере использования санкций в виде отзыва лицензии кредитной организации, отсутствия сложившейся судебной практики по отмене таких решений, банки, по понятным причинам, будут применять весь инструментарий по ограничению операций клиента даже при малейшем сомнении в экономической целесообразности операции по счету последнего или подозрении на отсутствие реальных гражданско-правовых отношений, во исполнение которых осуществляются операции с денежными средствами.

Исковое заявление к акционерному обществу «Альфа-Банк» о признании действий по блокировке банковской карты по расчетному счету незаконными; обязании АО «Альфа-Банк»: разблокировать банковскую карту по расчетному счету, снять введенные ограничения услуг на снятие наличных денежных средств через банкоматы (блокировка карты), снять введенные ограничения функциональности каналов дистанционного банковского обслуживания по счету (Альфа-клик и Альфа Мобайл заблокированы); взыскании неустойки, процентов за пользование чужими денежными средствами, штрафа за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя, компенсации морального вреда, расходов по оплате услуг представителя оставить без удовлетворения⁵².

Исковое заявление о взыскании неосновательного обогащения, проценты за пользование чужими денежными средствами, неустойки на момент исполнения обязательства, компенсации морального вреда, расходов по оплате услуг представителя, расходов по оплате государственной пошлины удовлетворить частично.

Взыскать сумму неосновательного обогащения в размере 125 000 рублей, обратив взыскание на денежные средства, находящиеся на счету, открытом в акционерном обществе «Альфа-Банк» на имя.

Взыскать сумму неосновательного обогащения в размере 25 000 рублей, проценты за пользование чужими денежными средствами в размере 968 рублей 83 копейки, проценты за пользование чужими

⁵² Решение № 2-4607/2019 2-71/2020 2-71/2020(2-4607/2019);~М-4047/2019 М-4047/2019 от 27 мая 2020 г. по делу № 2-4607/2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

денежными средствами вследствие их неправомерного удержания в соответствии со статьей 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, начиная и по день фактического исполнения обязательства (начисленные на сумму основного долга 25 000 рублей); расходы по оплате услуг представителя в размере 14 535 рублей, расходы по оплате государственной пошлины в размере 4 182 рубля 20 копеек.

В удовлетворении исковых требований о взыскании компенсации морального вреда отказать.

Таким образом, во избежание избыточного давления на клиента со стороны кредитной организации, возможно, следует имплементировать в контр акционное законодательство более точную регламентацию отношений банков с клиентами в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, с использованием прямых указаний закона, а не правовых актов регулятора и тем более усмотрения самой кредитной организации, особенно в части принятия мер, серьезно ограничивающих права клиентов организаций, осуществляющих операции с денежными средствами и иным имуществом, в частности, банков, что отчасти удалось реализовать новациями закона о ПОД/ФТ, сделанными в 2022 году. Возможно также обсудить возможность нормативного закрепления предварительного согласования действий кредитной организации с регулятором в случае возникновения необходимости серьезного ограничения прав клиента по распоряжению денежными средствами. Такие взаимодействия, будучи урегулированы законом могут быть реализованы достаточно оперативно. Требуется внимания также вопрос отсутствия легального списка нарушений статьи 7 закона о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и/или иных норм, при неоднократном нарушении которых может использоваться максимально строгая санкция со стороны регулятора - отзыв лицензии и вопрос о возможности установления неоднократности нарушений банком законодательства о ПОД/ФТ в ходе одной проверки регулятора.

В целом можно констатировать, что большой опыт использования законодательства о ПОД/ФТ в России и широкая практика его применения позволяют сделать вывод о том, что общепризнанные принципы ПОД/ФТ, в том числе закрепленные в рекомендациях ФАТФ, нашли отражение в национальном законодательстве, которое применяется автономно, решает стоящие перед ним задачи в полном объеме и функционально не зависит от участия государства в каких либо международных/межправительственных группах.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
2. Куликов А.С. Банки и их роль в противодействии легализации доходов, полученных преступным путем // Деньги и кредит. 2023. № 3. – 348 с.
3. Решение № 2-4607/2019 2-71/2020 2-71/2020(2-4607/2019);~М-4047/2019 М-4047/2019 от 27 мая 2020 г. по делу № 2-4607/2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
4. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://cbr.ru/> (дата обращения 02.10.2025).
5. Обналичка: Распространенные схемы. [Электронный ресурс]. Режим доступа. (дата обращения 02.10.2025).

УДК 347.736

ПРОБЕЛЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ БАНКРОТСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ**Широкова Анна Дмитриевна**

студент 4 курса

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, г. Оренбург

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию проблемных аспектов правового регулирования процедур несостоятельности в условиях активного внедрения цифровых технологий. В работе анализируется современное состояние законодательства, выявляются основные пробелы, связанные с интеграцией инструментов искусственного интеллекта, технологии блокчейн и цифровых активов в конкурсные процессы. Авторы рассматривают коллизии, возникающие при включении криптовалют в конкурсную массу, а также неопределенность правового статуса смарт-контрактов и произведений, созданных нейросетями. Статья акцентирует внимание на необходимости совершенствования нормативной базы для адаптации института банкротства к вызовам цифровой экономики и повышения эффективности правоприменительной практики.

Ключевые слова: банкротство, цифровизация, пробелы в праве, искусственный интеллект, цифровые активы.

GAPS IN THE LEGAL REGULATION OF BANKRUPTCY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION**Shirokova Anna Dmitrievna**

4th year student

Orenburg Institute (branch) of the O. E. Kutafin University (MSAL)
Russia, Orenburg

Abstract. This article is devoted to the study of problematic aspects of the legal regulation of insolvency proceedings in the context of the active implementation of digital technologies. The paper analyzes the current state of legislation, identifies the main gaps associated with the integration of artificial intelligence tools, blockchain technology, and digital assets into bankruptcy processes. The authors examine the conflicts arising from the inclusion of cryptocurrencies in the bankruptcy estate, as well as the uncertainty of the legal status of smart contracts and works generated by neural networks. The article focuses on the need to improve the regulatory framework to adapt the institution of bankruptcy to the challenges of the digital economy and enhance the efficiency of law enforcement practice.

Keywords: bankruptcy, digitalization, gaps in law, artificial intelligence, digital assets.

Процесс цифровой трансформации, охвативший все сферы общественной жизни, не обошел стороной и институт несостоятельности. Внедрение информационных технологий в процедуры банкротства открыло новые возможности для автоматизации судебных процессов, повышения прозрачности и ускорения рассмотрения дел. Однако стремительное развитие цифровых инструментов, таких как искусственный интеллект, блокчейн-платформы и смарт-контракты, значительно опережает темпы нормотворчества, что неизбежно порождает многочисленные пробелы в правовом регулировании. Действующее законодательство о банкротстве, ориентированное на традиционные материальные активы и устоявшиеся правоотношения, оказывается не готово к адекватному реагированию на вызовы цифровой эпохи, что создает риски для экономической безопасности и правовой определенности.

Одним из наиболее существенных пробелов является неопределенность правового режима цифровых активов, в частности криптовалют и токенов, в рамках процедур несостоятельности. Несмотря на то, что судебная практика последних лет начинает признавать криптовалюту имуществом, которое может быть включено в конкурсную массу должника, законодательно этот вопрос до сих пор не урегулирован. Отсутствие четких нормативных предписаний порождает ряд трудноразрешимых практических задач. В частности, возникает проблема доступа арбитражного управляющего к цифровым активам, защищенным криптографическими методами. Управляющий, не обладая частными ключами от криптовалютных кошельков должника, фактически лишен возможности идентифицировать, оценить и реализовать эти активы. Существующие механизмы истребования информации и имущества, предусмотренные законом о банкротстве, оказываются малоэффективными в отношении децентрализованных цифровых систем. Более того, сохраняется угроза двойной токенизации, когда один и тот же актив может быть учтен на нескольких платформах, что значительно усложняет его

инвентаризацию и справедливое распределение между кредиторами.

Внедрение технологий искусственного интеллекта в судопроизводство и деятельность Федеральной налоговой службы, при всей своей перспективности, также обнаруживает серьезные законодательные лакуны. Сегодня алгоритмы ИИ уже используются для автоматизации рутинных операций, анализа данных «Федресурса» и Картотеки арбитражных дел, а также для выявления признаков преднамеренного банкротства с помощью специализированных проектов, анализирующих цифровые индикаторы финансовой деятельности компаний. Однако законодательство не содержит легальных дефиниций таких понятий, как «искусственный интеллект» или «нейросеть» применительно к юрисдикционным процедурам. Не определены критерии ответственности за ошибки, допущенные алгоритмами при вынесении рекомендаций или формировании доказательственной базы. Кто несет ответственность за неправомерное заключение о признаках фиктивного банкротства, сгенерированное нейросетью? Отсутствие ответа на этот вопрос ставит под сомнение легитимность использования подобных инструментов и создает угрозу нарушения прав лиц, участвующих в деле о банкротстве.

Тесная связь прослеживается между процедурой банкротства и технологией блокчейна, прежде всего, в части правового статуса смарт-контрактов. Автоматическое исполнение обязательств, заложенное в код таких договоров, вступает в противоречие с классическими механизмами конкурсного производства, в частности, с возможностью оспаривания сделок должника по специальным основаниям. Если исполнение по смарт-контракту произошло автоматически в период подозрительности, возникает сложный вопрос о правовой природе такого исполнения и возможности его ретроспективного аннулирования. Действующее законодательство о банкротстве не учитывает специфику децентрализованных автоматических систем, что создает благоприятную почву для злоупотреблений и вывода активов в обход интересов кредиторов.

Кроме того, цифровизация порождает вопросы, связанные с интеллектуальной собственностью как потенциальным активом должника. В условиях, когда все более распространенным становится создание произведений с помощью генеративных нейросетей, законодательство о банкротстве сталкивается с вызовом: подлежат ли такие произведения включению в конкурсную массу? И если да, то какова процедура их оценки и реализации? Проблема усугубляется неопределенностью в авторско-правовой охране результатов, созданных искусственным интеллектом. До тех пор, пока не решен вопрос о том, кто является автором такого произведения (пользователь нейросети, разработчик алгоритма или никто), говорить об их полноценном обороте в рамках конкурсного производства преждевременно.

Важно отметить и инфраструктурный аспект проблемы. Внедрение цифровых платформ, таких как «Федресурс» или система «Мой арбитр», безусловно, повысило доступность информации и оперативность судопроизводства. Однако цифровое неравенство регионов, где доступ к высокоскоростному интернету ограничен, создает препятствия для реализации принципа равноправия участников процесса. Лица, не имеющие возможности оперативно получать информацию из электронных реестров или участвовать в онлайн-заседаниях, оказываются в заведомо невыгодном положении, что не соответствует задачам правосудия и принципам экономической безопасности.

Таким образом, к 2026 году становится очевидным, что законодательство о банкротстве требует комплексной модернизации с учетом реалий цифровой экономики. Правовое регулирование должно оперативно реагировать на технологические изменения, устанавливая четкие правила игры для всех участников. Необходимо разработать и законодательно закрепить процедуры идентификации, оценки, хранения и реализации цифровых активов в конкурсной массе, а также определить правовой статус автоматизированных систем и ответственность за результаты их работы. Формирование целостной и непротиворечивой нормативной базы позволит не только минимизировать риски, связанные с использованием цифровых технологий для неправомерного вывода активов, но и повысить общую эффективность и прозрачность института банкротства, укрепив тем самым экономическую безопасность государства. Дальнейшее игнорирование указанных пробелов способно привести к снижению доверия к судебной системе и дискредитации позитивных начал цифровизации правосудия.

Список литературы:

1. Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" от 26.10.2002 N 127-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 11.02.2026).
2. Авдеев, Н. В. Особенности процедуры банкротства в эпоху цифровизации / Н. В. Авдеев, Т. Е. Вдовина // Вестник Пензенского государственного университета. – 2025. – № 4. – С. 59–62.

3. Лошкарев, А. В. Актуальные тенденции внедрения цифровых технологий в системе правосудия в Российской Федерации / А. В. Лошкарев, Е. Б. Михайлина // Вопросы экономики и права. – 2022. – № 3 (165). – С. 21–27.
4. Попов, З. А. Инновационные механизмы процедур банкротства для повышения экономической безопасности государства / З. А. Попов // Актуальные вопросы юридической науки и практики: сборник статей. – Новосибирск: СИУ РАНХиГС, 2025. (принято в печать).
5. Галиева, Р. Р. Судьба цифровых активов при банкротстве / Р. Р. Галиева // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы Международного конгресса молодых ученых. – М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. – С. 189–190.
6. Лукашова, А. В. Авторское право и произведения, сгенерированные нейросетью / А. В. Лукашова // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 28. – С. 122–132.

УДК 4414

ESG-ПРИНЦИПЫ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ**Шуляк Валерия Алексеевна**

Студент,

Оренбургский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московского государственного
юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

Россия, г. Оренбург

Аннотация. Статья направлена на исследование правовых и организационных основ внедрения ESG-принципов в банковской сфере Российской Федерации. Целью работы является анализ действующего законодательства и стратегических документов в области устойчивого финансирования, а также выявление особенностей интеграции экологических, социальных и управленческих факторов в деятельность кредитных организаций. В числе задач исследования — систематизация нормативной базы ESG-банкинга, оценка практики российских банков и определение проблем правовой неопределенности в данной сфере. Особое внимание уделено инструментам «зеленого» финансирования и вопросам ESG-отчетности и рейтинговой оценки.

Ключевые слова: ESG-банкинг, устойчивое финансирование, зеленые облигации, банковское регулирование, ESG-риски.

ESG PRINCIPLES IN THE BANKING SECTOR**Shulyak Valeria Alekseevna**

Student,

Orenburg Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Russia, Orenburg

Abstract. The article is devoted to the study of the legal and organizational foundations of the implementation of ESG principles in the banking sector of the Russian Federation. The purpose of the research is to analyze the current legislation and strategic documents in the field of sustainable finance, as well as to identify the specific features of integrating environmental, social, and governance factors into the activities of credit institutions. The objectives of the study include systematizing the regulatory framework of ESG banking, assessing the practices of Russian banks, and identifying issues of legal uncertainty in this area.

Keywords: ESG banking, sustainable finance, green bonds, banking regulation, ESG risks.

Происходящие в глобальных масштабах процессы цифровизации, неизбежно влекущие за собой автоматизацию процессов и включения инновационных технологий в повседневную жизнь, предопределяют необходимость принятия мер, направленных на преобразование традиционных форм предоставления коммерческих услуг. Между тем, принятие подобного рода мер возможно только в условиях модернизации всего финансового сектора и банковской сферы.⁵³

⁵³ Волкова Екатерина Павловна. Дистанционное банковское обслуживание: проблемы и перспективы развития // Наука через призму времени.-2023.-№5 (74).

В современных условиях сохранение и защита окружающей среды являются не только глобальным трендом, но и объективной необходимостью. Активная хозяйственная деятельность человека нанесла значительный ущерб природе, что проявляется в росте числа пожаров, наводнений, засух, аномальных температур и других природных катаклизмов, способствующих изменению климата. Подобные процессы представляют серьёзную угрозу для различных отраслей экономики, неспособных адаптироваться к последствиям экологических кризисов, что негативно отражается как на социально-экономическом развитии, так и на существовании общества в целом. В связи с этим мировым сообществом была разработана концепция ESG.

С правовой точки зрения внедрение ESG-принципов в банковской сфере Российской Федерации основывается на совокупности норм финансового, банковского и экологического законодательства, а также актов стратегического планирования. Положения статьи 75 Конституции Российской Федерации, закрепляющие обязанность Центрального банка Российской Федерации по защите и обеспечению устойчивости рубля, в системной взаимосвязи с нормами банковского законодательства позволяют рассматривать обеспечение устойчивости финансовой системы как публично значимую функцию государства.⁵⁴ Федеральный закон от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» наделяет Банк России полномочиями по установлению обязательных требований к раскрытию информации и управлению рисками в банковской деятельности, что создает правовые предпосылки для интеграции ESG-факторов в систему банковского надзора.⁵⁵ Кроме того, положения Федерального закона от 10 января 2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» закрепляют принцип ответственности хозяйствующих субъектов за негативное воздействие на окружающую среду, который трансформируется в финансовой сфере в обязанность учитывать экологические риски при принятии инвестиционных и кредитных решений.⁵⁶ В совокупности указанные нормы свидетельствуют о том, что ESG-банкинг в Российской Федерации формируется не исключительно как добровольная корпоративная практика, а как элемент развивающегося правового механизма реализации публичных экологических и социально-экономических интересов.

Принципы ESG предполагают ответственность каждой организации и системы в целом за соблюдение экологических (Environmental), социальных (Social) и управленческих (Governance) аспектов при осуществлении любой деятельности. Данная концепция направлена на объединение усилий государств и отдельных экономических субъектов с целью сохранения окружающей среды и достижения производственных целей с минимальными негативными последствиями. ESG представляет собой баланс между получением прибыли и рациональным ведением хозяйственной деятельности. Обмен накопленным опытом между странами способствует расширению практики применения ESG-принципов в условиях высокой неопределённости, ускоряя их внедрение на глобальном уровне.

Возникновение ESG связано с концепцией устойчивого развития, ориентированной на гармоничное сосуществование экономической деятельности человека и природы с учётом интересов будущих поколений. В рамках данной концепции ESG рассматривается как стратегический экономический инструмент, задающий вектор рационального использования ресурсов. Вместе с тем относительная новизна ESG-подхода обуславливает отсутствие единой информационной и технологической базы как в России, так и в мире. Универсальные модели внедрения ESG не всегда эффективны, поскольку экологические, социальные и управленческие практики, успешно реализуемые за рубежом, могут не учитывать национальные особенности.

Эффективность внедрения ESG-принципов во многом зависит от уровня социально-экономического развития страны, включая показатели качества жизни, бедности, занятости, образования, коррупции, экологической обстановки и состояния природных ресурсов. В этой связи каждое государство вынуждено разрабатывать собственную стратегию интеграции ESG, опираясь на международный опыт с учётом национальных условий.

⁵⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 26.01.2009. – № 4. – Ст. 445.

⁵⁵ О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : федер. закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2804.

⁵⁶ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 10. – Ст. 860..

Практическая реализация ESG-инициатив предполагает апробацию новых решений и их оценку на основе сопоставления прогнозных и фактических показателей. Неэффективные меры подлежат исключению, что обусловлено высокой ресурсоёмкостью и рисковым характером ESG-проектов. Данный подход требует отказа от устаревших методов и поиска новых управленческих решений, допускающих сочетание традиционных и инновационных практик.

В этой связи важную роль играет банковский сектор, выступающий одной из ключевых движущих сил внедрения ESG-принципов. ESG банкинг — это концепция банковской деятельности, основанная на принципах экологической, социальной и корпоративной ответственности в интересах текущего и будущих поколений, а также на практической реализации инициатив для достижения целей устойчивого развития и других общественно значимых ценностей.⁵⁷ Банки формируют основу для практического применения ESG-подходов, можно выделить законодательный и финансовый задачи.

К законодательным относятся:

- разработка законодательной и нормативной базы;
- разработка национального регулирования;
- разработка единого подхода к ESG-банкингу;
- разработка единых стандартов выдачи «зеленых» кредитов;
- разработка системы классификации инвестиционных проектов.

К финансовым:

- кредитование физических и юридических лиц;
- финансирование «зеленых» проектов;
- выпуск «зеленых» и социальных облигаций.

Деятельность банков в сфере ESG носит комплексный характер. Внедрение ESG-банкинга является долгосрочным процессом, требующим системной подготовки, в том числе формирования соответствующих информационных баз для решения финансовых задач.

Оценка ESG учитывает, насколько весомый вклад вносит компания в улучшение экологической обстановки, создает ли благоприятные условия труда для своих сотрудников и следует ли стандартам корпоративного управления. ESG-принципы стали критериями привлекательности компании для клиентов и инвесторов, а их несоблюдение может привести к репутационным и финансовым издержкам компании. Следует подробно рассмотреть, какие действия компаний подразумеваются под каждым из составляющих ESG-оценки.

Environmental: защита окружающей среды — энергоэффективность, управление снижением отходов, углеродных выбросов, установка очистных сооружений, экономия воды и других ресурсов, уровень инвестиций в устойчивое финансирование.

Social: соблюдение стандартов безопасности и охраны здоровья на производстве, соблюдение прав человека, инклюзивность, отношения с клиентами, степень удовлетворенности клиентов.

Corporate Governance: прозрачность закупок, управление рисками, борьба с коррупцией, безопасность хранения данных, руководящий состав.

Российские финансовые учреждения, имея опыт планирования и управления, могут эффективно трансформироваться в ESG-банкинг. Разработка стандартов, структурирование процессов, стратегическое планирование, риск менеджмент и отчетность, все это поддерживается применением современных технологий, позволяющих быстро интегрировать ESG-принципы в работу. На данный момент был создан перечень документов, которые оказывают прямое воздействие на внедрение ESG-принципов.

С 2020 года в силу вступило Положение Банка России «О стандартах эмиссии ценных бумаг» № 706-п, в подразделе которого впервые были включены главы об особенностях эмиссии зеленых и социальных облигаций»⁵⁸.

⁵⁷ Кулинич, И. Н. ESG-политика банков в рамках переход реального сектора к низкоуглеродной экономике в современных условиях / И. Н. Кулинич, Т. А. Адамчик // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. — 2022. — № 4. — С. 161-164.

⁵⁸ Положение Банка России от 19.12.2019 № 706-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг» // Вестник Банка России. 2020. №1 (2206). С. 40-73.

Правительство Российской Федерации выпустило Распоряжение № 3024-р «О координирующей роли Минэкономразвития России по вопросам развития инвестиционной деятельности и привлечения внебюджетных средств в проекты устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации» в 2020 году»⁵⁹.

ВЭБ РФ осуществляет методологическое обеспечение формирования и развития системы инвестиционной деятельности в сфере устойчивого (в том числе зеленого) развития. Оно включает в себя разъяснение по актуализации критериев, требований к верификации проектов, подходов к оценке воздействия на окружающую среду и климат, информационного сопровождения и взаимодействия с международными финансовыми организациями. С 2021 года действует Постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2021 г. № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации». В нем утверждены основные цели: – сохранение, охрана или улучшение состояния окружающей среды; – снижение выбросов и сбросов загрязняющих веществ и/или предотвращение их негативного влияния на окружающую среду; – сокращение выбросов парниковых газов; – энергосбережение и повышение эффективности использования ресурсов»⁶⁰.

В 2021 году «Центр-инвест» стал первым в мире банком, представившим ESG-отчетность, соотнесённую с Целями устойчивого развития ООН и национальными проектами России.⁶¹ Банк инвестировал 400 миллиардов рублей в проекты, направленные на улучшение жизни людей, борьбу с неравенством, гендерное равенство и развитие инфраструктуры. Банк также предоставил финансирование компаниям («Уралкалий», Polymetal, «Сибур», АФК «Система», «Аэрофлот») с условием достижения конкретных целей устойчивого развития, стимулируя их экологическую и социальную ответственность. Таким образом, сотрудничество способствует снижению негативного воздействия компаний на окружающую среду и внедрению инновационных экологических решений.

Необходимость продолжать работу по развитию рынка устойчивого финансирования в части инструментов и инфраструктуры рынка, внедрения вопросов устойчивого развития и учета факторов, связанных с окружающей средой, обществом и корпоративным управлением (ESG-факторов), в корпоративное управление как компаний реального сектора экономики, так и финансовых организаций предусмотрена в Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года⁶². Готовность Правительства Российской Федерации и Банка России к созданию условий для развития ESG-финансирования в России, что будет вносить свой вклад в модернизацию российской экономики, отмечена в Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов⁶³. Приняты новые нормативные документы в области устойчивого развития и ESG⁶⁴.

⁵⁹ Распоряжение Правительства РФ от 18.11.2020 N 3024-р «О координирующей роли Минэкономразвития России по вопросам развития инвестиционной деятельности и привлечения внебюджетных средств в проекты устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205300/ (дата обращения: 13.12.2026).

⁶⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 21.09.2021 г. № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации». // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396203/ (дата обращения: 13.12.2025)

⁶¹ Стасюк, Я. Н. Развитие ESG-банкинга в России / Я. Н. Стасюк // Начало в науке: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции школьников, студентов, магистрантов и аспирантов. В 2-х томах, Уфа, 27–29 апреля 2023 года / Отв. редакторы К.Е. Гришин, Н.А. Кузьминых. Том 2. – Уфа: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологий», 2023. – С. 63-65.

⁶² Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года» // 2023. № 1 (часть III). ст. 476.

⁶³ «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов» (разработаны Банком России) // Вестник Банка России. 2024

⁶⁴ Указ Президента РФ от 26.10.2023 № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>; Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>; Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого)

Московская биржа занимает центральное место в финансовой системе России, играя важную роль в поддержке развития ESG-банкинга в стране. Она предоставляет эффективную среду для формирования объективных цен на различные типы активов, тем самым фасилитируя банкам в минимизации финансовых рисков при осуществлении транзакций на рынке. Кроме того, биржа активно вносит вклад в улучшение стандартов раскрытия информации в области ESG, что важно как для банков, так и для других крупных эмитентов, способствуя более прозрачному и ответственному ведению бизнеса.

«Зеленое» финансирование - это вид финансирования, ориентированного на будущее, который одновременно преследует развитие финансовой индустрии, улучшение окружающей среды и экономический рост и использующее специфические финансовые решения, финансовые продукты и структурную поддержку рынка. Кроме того, «зеленое» финансирование предполагает использование специфических финансовых инструментов, которые делятся по группам: финансовые решения, финансовые продукты и структурная поддержка рынка.

В качестве инструментов первой группы (финансовые решения) выделены гарантии и резервы на случаи возникновения убытков от реализации «зеленых проектов», а также секьюритизация, лизинг и зелёное страхование. Гарантийные фонды необходимо создать для обеспечения рисков, которые могут возникать при реализации зеленых проектов. Для страхования сделок, осуществляемых в рамках экологичного бизнеса, применяются такие инструменты как секьюритизация и зеленое страхование.

Инструменты второй группы (финансовые продукты) выделены отдельно, поскольку основной проблемой реализации любых инвестиционных проектов, особенно связанных с природоохранной деятельностью, всегда является отсутствие необходимого финансирования. В качестве таких продуктов нами выделяются как традиционные банковские продукты, такие как кредитование, так и специфические: «зеленые финансы» - зеленые ценные бумаги, зелёные фонды, а также инструменты соинвестирования, как государственными и институциональными инвесторами, так и частными фондами. При этом зеленые кредиты должны иметь целевой характер и с выгодные и привлекательные условия. Зеленые ценные бумаги предназначены для привлечения дополнительных денежных средств и способствуют развитию фондового рынка.

Относительно третьей группы инструментов стоит отметить, что необходимо создавать не только зеленую привлекательную инфраструктуру, но и условия для её существования. Поэтому в качестве третьей группы финансовых инструментов стимулирования природоохранной деятельности выделены инструменты структурной поддержки рынка зеленого капитала и зеленого финансирования: посредничество в распределении экологических продуктов (углеродные квоты, квоты на выбросы), требования к раскрытию информации об экологической деятельности для инвесторов, поддержка национальных механизмов регулирования зеленого финансирования, внедрение стандартов для выпуска и обращения зелёных облигаций, социальных стандартов, стандартов управления экологическими рисками. Это необходимо для обеспечения прозрачности, понятности и доступности информации для внешних пользователей и потенциальных инвесторов о качестве природоохранной деятельности компаний.

Российскими банками, которые успешно внедряют ESG-принципы, являются Московский кредитный банк, Центр-инвест, Сбербанк и др. Около 10 % российских банков внедряют практику применения ESG-принципов. Так, в ESG-отчете, представленном Центр-инвестом за 2024 год, опубликованы показатели, достигнутые банком в рамках ESG-развития⁶⁵.

Банк «Центр-инвест» является первым российским кредитным институтом, получившим ESG-рейтинг по обновленной методологии Аналитического Кредитного Рейтингового Агентства (АКРА), интегрирующей актуальные регуляторные требования и передовые рыночные практики. В апреле 2024 года банку был присвоен наивысший в банковском секторе России рейтинг ESG-AA (уровень ESG-2), который в мае 2025 года был подтвержден на уровне ESG-2 (AA+) со «Стабильным» прогнозом. Данная оценка отражает комплексную взвешенную оценку показателей в сферах экологии (E), социальной ответственности (S) и корпоративного управления (G).

В экологической (E) составляющей агентство отмечает соответствие практик банка наивысшим международным и национальным стандартам. Ключевыми элементами являются:

развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021, № 40, ст. 6818 и др.

⁶⁵ Центринвест. Годовой отчет [Электронный ресурс]. URL: <https://www.centrinvest.ru/> (дата обращения: 25.12.2025)

Внедрение специализированных «зеленых» финансовых продуктов (включая «зеленую» ипотеку, целевые вклады и кредиты для проектов в области энергоэффективности).

- Пионерское для российского финансового рынка внедрение процедур экологической проверки клиентов и проектов, а также системы мониторинга экологических и климатических рисков.
- Разработка и утверждение исключаящего списка отраслей и перечня приоритетных «зеленых» проектов в соответствии с критериями национальной таксономии.
- Выпуск первых в России «зеленых» облигаций, размещенных в Секторе устойчивого развития Московской биржи.

В области социальной ответственности (S) деятельность банка соответствует лучшим мировым практикам, что подтверждается:

- Наличием детализированных внутренних документов, регулирующих соблюдение прав человека и деловой этики.
- Реализацией программ развития кадрового потенциала и стратегическим партнерством с ведущими вузами Юга России для формирования кадрового резерва.
- Участием в государственных программах, направленных на повышение финансовой доступности, и предложением льготных кредитных продуктов для социально уязвимых групп населения.
- Созданием благоприятных условий труда для сотрудников, включая программы добровольного медицинского страхования (ДМС) и непрерывного обучения.
- Наличием комплексной системы управления социальными рисками, закреплённой в пакете документов (Кодекс корпоративной этики, Кодекс партнерства для устойчивого развития, Экологическая и социальная политика).

В блоке корпоративного управления (G) АКРА выделяет следующие сильные стороны:

- Системная интеграция ESG-факторов в процессы кредитного анализа.
- Наличие в Совете директоров профильного Комитета по ESG, члены которого обладают экспертизой в соответствующих областях.
- Эффективное взаимодействие подразделений, ответственных за комплаенс, внутренний аудит и управление рисками, с Советом директоров.
- Наличие и публикация политики в отношении сделок с аффилированными лицами и дивидендной политики.

Банк ведет системную работу с заинтересованными сторонами, взаимодействуя на международном уровне с Глобальным альянсом банковских ценностей (GABV) и Финансовой инициативой Программы ООН по окружающей среде (UNEP FI), а на национальном — с Южным научно-образовательным центром в рамках формирования экспертно-оценочного центра в сфере ESG.

ESG-платформы в российской банковской системе находятся на начальном этапе формирования, при этом масштабы внедрения соответствующих программ остаются ограниченными в сравнении с практикой развитых стран.

Оценка перспектив развития на принципах устойчивости указывает на необходимость усиления государственного и регуляторного участия⁶⁶. Ключевым условием является создание комплексной правовой основы, которая должна включать:

1. Уточнение терминологического аппарата в сфере ESG-банкинга.
2. Установление стандартизированных требований к раскрытию информации и отчетности кредитными организациями об ESG-практиках.
3. Разработку системы метрик для оценки результативности ESG-деятельности (например, доля «зеленых» продуктов в портфеле, оценка их экологического и социального эффекта).
4. Адаптацию банковского законодательства с учетом ESG-аспектов, в частности, путем закрепления в компетенции советов директоров кредитных организаций функций по контролю за ESG-рисками и утверждению соответствующих стратегий и отчетов.

Реализация указанных мер призвана минимизировать правовую неопределенность и создать институциональные предпосылки для ESG-трансформации. Потенциал развития значителен и может быть реализован через новые финансовые инструменты. Перспективным направлением экологической (environmental) составляющей является разработка «зеленых» вкладов (для физических лиц) и депозитов

⁶⁶ Иванов, А. А. Развитие ESG банкинга в современных условиях / А. А. Иванов // Экономика. Бизнес. Банки. – 2022. – № 2 (64). – С. 87-98.

(для юридических лиц). Их отличительная черта и ESG-эффект заключаются в направлении части процентных доходов на финансирование проектов, соответствующих критериям устойчивости, при возможности для клиента определять размер этой доли⁶⁷. Данный механизм позволит активизировать поток частных инвестиций в «зеленые» решения. Ключевым ограничением для данного и иных направлений является отсутствие единой верифицированной базы данных об инновационных проектах и технологиях, соответствующих принципам ESG. Создание такого реестра стало бы важным инфраструктурным решением, расширяющим возможности как для банковского финансирования, так и для инвестиционного сообщества в целом.

Развитие ESG-принципов в российской банковской системе представляет собой не просто тренд, а стратегическую необходимость для долгосрочной устойчивости, повышения конкурентоспособности и интеграции в глобальную финансовую архитектуру. Системное внедрение ESG-подхода, подкрепленное четкой регуляторной рамкой, способно трансформировать роль банковского сектора, превратив его из пассивного участника в активного катализатора перехода к инклюзивной низкоуглеродной экономике. Это требует консолидированных усилий регулятора, финансовых институтов и экспертного сообщества для формирования эффективной экосистемы устойчивого финансирования.

Таким образом, внедрение ESG-принципов в банковской сфере Российской Федерации представляет собой не только направление развития финансового рынка, но и процесс формирования нового сегмента правового регулирования, ориентированного на обеспечение баланса частных и публичных интересов. На современном этапе ESG-банкинг не закреплён в качестве самостоятельного правового института, однако его элементы реализуются через нормы банковского, финансового, экологического и корпоративного законодательства, а также посредством актов стратегического планирования и регуляторных документов Банка России.

Анализ действующей нормативной базы позволяет сделать вывод о том, что ESG-принципы постепенно трансформируются из добровольных корпоративных инициатив в юридически значимые требования, прежде всего в части раскрытия информации, управления рисками и корпоративного управления в кредитных организациях. Участие банков в финансировании устойчивых и «зелёных» проектов обусловлено их особым правовым статусом как субъектов, влияющих на устойчивость финансовой системы и реализацию публичных экологических и социальных целей, закреплённых в Конституции Российской Федерации и федеральном законодательстве.

Вместе с тем фрагментарный характер правового регулирования ESG-банкинга обуславливает наличие правовой неопределённости, в том числе в вопросах стандартизации ESG-отчётности, разграничения ответственности за недостоверное раскрытие информации и предотвращения недобросовестных практик, включая «зелёный камуфляж». В этой связи представляется необходимым дальнейшее развитие правовой базы ESG-банкинга, направленное на уточнение понятийного аппарата, закрепление обязанностей органов управления кредитных организаций по учёту ESG-факторов, а также усиление регуляторной роли Банка России.

Формирование комплексного и последовательного правового механизма ESG-регулирования будет способствовать снижению правовых рисков, повышению прозрачности банковской деятельности и обеспечению устойчивого развития финансовой системы Российской Федерации в долгосрочной перспективе.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 26.01.2009. – № 4. – Ст. 445.
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 10. – Ст. 860.
3. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федер. закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2804.
4. Указ Президента РФ от 26.10.2023 № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>; Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению

⁶⁷ Малявина, В. Е. Современные аспекты ESG-банкинга в России / В. Е. Малявина // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. – 2022. – № 3 (48).

- выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>; Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021, № 40, ст. 6818 и др.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.09.2021 г. № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации». // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396203/ (дата обращения: 13.12.2025)
 6. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года» // 2023. № 1 (часть III). ст. 476.
 7. Распоряжение Правительства РФ от 18.11.2020 N 3024-р «О координирующей роли Минэкономразвития России по вопросам развития инвестиционной деятельности и привлечения внебюджетных средств в проекты устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205300/ (дата обращения: 13.12.2026).
 8. Положение Банка России от 19.12.2019 № 706-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг» // Вестник Банка России. 2020. №1 (2206). С. 40-73.
 9. Волкова Екатерина Павловна. Дистанционное банковское обслуживание: проблемы и перспективы развития // Наука через призму времени.-2023.-№5 (74).
 10. Иванов, А. А. Развитие ESG банкинга в современных условиях / А. А. Иванов // Экономика. Бизнес. Банки. – 2022. – № 2 (64). – С. 87-98.
 11. Кулинич, И. Н. ESG-политика банков в рамках переход реального сектора к низкоуглеродной экономике в современных условиях / И. Н. Кулинич, Т. А. Адамчик // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. – 2022. – № 4. – С. 161-164.
 12. Малявина, В. Е. Современные аспекты ESG-банкинга в России / В. Е. Малявина // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. – 2022. – № 3 (48).
 13. «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов» (разработаны Банком России) // Вестник Банка России. 2024
 14. Стасюк, Я. Н. Развитие ESG-банкинга в России / Я. Н. Стасюк // Начало в науке : Сборник материалов X Международной научно-практической конференции школьников, студентов, магистрантов и аспирантов. В 2-х томах, Уфа, 27–29 апреля 2023 года / Отв. редакторы К.Е. Гришин, Н.А. Кузьминых. Том 2. – Уфа: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологий», 2023. – С. 63-65.
 15. Центринвест. Годовой отчет [Электронный ресурс]. URL: <https://www.centrinvest.ru/> (дата обращения: 25.12.2025)

СВИДЕТЕЛЬСКАЯ ОШИБКА. НЕНАДЕЖНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК УГРОЗА ПРАВОСУДИЮ

Юшкова Александра Сергеевна

студент

Шакурова Айнагуль Алтынбековна

преподаватель

Колледжа права имени Н.С. Киселевой, г. Москва

Аннотация. Мозг - центральный отдел нервной системы позвоночных животных и человека. А память - это функция мозга, обеспечиваемая сложными нейронными сетями, в основном в гиппокампе и коре. Конкретные воспоминания кодируются распределёнными паттернами активности и анатомическими изменениями в различных отделах мозга, таких как гиппокамп, кора и миндалевидное тело.

Ключевые слова: мозг, память, нейронные сети, гиппокамп, кора, миндалевидное тело, кратковременная память.

A WITNESS ERROR. THE INCREDIBILITY OF HUMAN MEMORY AS A THREAT TO JUSTICE

Yushkova Alexandra Sergeevna

student

Shakurova Aynagul Altinbekovna

teacher

N.S. Kiseleva College of Law, Moscow

Abstract. The brain is the central part of the nervous system in vertebrates, including humans. Memory is a function of the brain that is supported by complex neural networks, primarily in the hippocampus and cortex. Specific memories are encoded by distributed patterns of activity and anatomical changes in various regions of the brain, such as the hippocampus, cortex, and amygdala.

Keywords: brain, memory, neural networks, hippocampus, cortex, amygdala, short-term memory.

Существует следующая классификация памяти:

- 1) Кратковременная память - это система мозга, которая временно удерживает и обрабатывает ограниченный объём информации в течение короткого промежутка времени (секунды - десятки секунд) для решения текущих когнитивных задач.
- 2) Долговременная память - это стабильная система хранения практически неограниченного объёма информации на длительный срок (от нескольких часов до всей жизни), основанная на стойких структурных и биохимических изменениях в нейронных сетях.

Реконструктивная память - это процесс, при котором память не хранит события как точные копии, а каждый раз «собирает» воспоминание заново. Мозг не фиксирует события как видеозапись, а сохраняет отдельные фрагменты и при необходимости восстанавливает картину происходящего.

Фундаментальная связь между реконструктивной памяти и свидетельской ошибкой заключается в том, что память представляет собой не точную запись события, а его последующую реконструкцию, подверженную искажениям на каждом этапе - от восприятия до воспроизведения. Именно эта способность памяти к изменению под влиянием внутренних и внешних факторов (стресса, наводящих вопросов, посторонней информации) является основной причиной фатальных ошибок в опознании и даче показаний, что напрямую угрожает принципу объективности правосудия и создает риск осуждения невиновных.

Свидетель - это лицо, которому могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела.

Свидетельская ошибка - это несоответствие показаний свидетеля объективной действительности. Это может проявляться в виде противоречий в показаниях, их шаблонности, несоответствия известным фактам.

Виды свидетельских ошибок:

- Ошибки памяти. Например, свидетели путают лица и ошибочно утверждают, что видели именно этого человека на месте преступления, хотя на самом деле это не так.
- Эффект ложных воспоминаний. Свидетель может считать, что он на 100% прав, но на самом деле вся ситуация выдумана его мозгом.
- Селективное восприятие. Свидетель выбирает детали, которые нужно запомнить, что приводит к неточным показаниям.
- Противоречия с другими доказательствами. Например, свидетель утверждает, что событие происходило в тёмное время суток при определённых погодных условиях, а заключение эксперта-метеоролога или данные официальной метеостанции опровергают это.

Основные причины этих ошибок:

- Интеграция вводящей информации в исходный след (это механизм, который объясняет искажения воспоминаний, в частности формирование «ложных» воспоминаний).
- Ошибка источника - смешение того, откуда пришла информация (собственное восприятие, рассказ третьего лица, последующие обсуждения).
- Эффект воображения, когда многократное воображение не-происшествия приводит к росту уверенности в его реальном произошедшем характере.
- Социальное конформное влияние и «социализация» воспоминаний при групповом обсуждении.
- Реконсолидация памяти при повторном воспоминании, когда воспоминание обновляется и может аккумулировать новые (в том числе вводящие) детали.

В рамках процессуальной оценки свидетельских показаний критически важным является учет возрастного фактора как когнитивные возможности, включая работу эпизодической памяти и устойчивость к внушению. Возрастные различия в функционировании памяти создают риски возникновения ошибочных показаний, что требует от правоприменителя избирательного подхода.

Дети и подростки: Высокая внушаемость. Легко принимают наводящие вопросы за свои воспоминания. Могут смешивать реальность с фантазией.

Молодые взрослые (20-45 лет): хотя память находится на пике, в стрессовой ситуации (эффект оружия, шок) ее точность резко падает. Часто сопровождаются излишней уверенностью в ошибочных воспоминаниях.

Люди зрелого возраста (45-65 лет): Скорость обработки информации может снижаться, но включается опыт, помогающий понять контекст. Однако уверенность в своих показаниях, основанная на опыте, может маскировать отдельные неточности в деталях.

Пожилые люди (65+ лет): часто хорошо помнят суть события, но теряют точные детали (черты лица, время). Сильно подвержены внушению и могут непроизвольно «додумывать» пробелы в памяти правдоподобными деталями. Испытывают трудности с опознанием новых лиц.

Возраст - это не просто цифра в протоколе. Это важный фактор, напрямую влияющий на качество свидетельских показаний. Игнорирование этого приводит к тому, что искренние, но ошибочные воспоминания воспринимаются как чистая правда, что может привести к судебной ошибке.

Пример судебного решения по ложному показанию:

"Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 307 УК РФ выражается в том, что свидетель, несмотря на предупреждение его об уголовной ответственности за заведомо ложные показания, сообщает органам предварительного расследования или суду не соответствующие действительности, искаженные сведения о фактических данных, имеющих доказательственное значение. Общественная опасность этих деяний заключается в том, что они препятствуют установлению истины по делу, вводят в заблуждение органы дознания, предварительного следствия и суд относительно действительных обстоятельств дела, что может привести к постановлению неправосудных приговоров и решений.

Вместе с тем, по смыслу закона, ложными являются только те показания, которые касаются существенных обстоятельств, относящихся в уголовном судопроизводстве к предусмотренному ст. 73 УПК РФ предмету доказывания, то есть влияют на вынесение законного и обоснованного приговора, решения или иного судебного акта. Если в показаниях свидетеля содержатся ложные сведения, не относимые к предмету доказывания либо иным существенным для правильного разрешения дела обстоятельствам, такое лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 307 УК РФ ввиду отсутствия общественной опасности деяния."

Это Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.04.2023 N Ф09-2065/23 по делу N А60-4626/2022.

То есть ложные показания наказуемы. 1 часть 307 статья УК РФ гласит: заведомо ложные показания свидетеля, потерпевшего либо заключение или показание эксперта, показание специалиста, а равно заведомо неправильный перевод в суде либо в ходе досудебного производства -

наказываются штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до трех месяцев.

Свидетельская ошибка — это не редкое исключение, а системная проблема правосудия. Человеческая память устроена так, что даже самый честный свидетель может дать ложные показания под влиянием стресса, внушения или времени. Чтобы избежать судебных ошибок, недостаточно просто слушать очевидцев - нужно строго применять научные методы их допроса и опознания, например, «слепые» процедуры. Без этих мер под угрозой оказывается главная цель суда - установить истину и защитить невиновных.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026)

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026)
4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.04.2023 № Ф09-2065/23 по делу N А60-4626/2022 (2023) (дата обращения: 11.02.2026)
5. Кашапова А. И., Михеева А. Е., Сироткин Ю. Л. Синдром ложных воспоминаний: насколько можно доверять показаниям свидетелей // Вестник науки. 2025. №9 (90). (дата обращения: 21.02.2026).
6. Красавина А.Г. История психологической оценки свидетельских показаний // Психология и право. 2017. Т. 7, № 3. С. 17-26.
7. Красавина А.Г. История психологической оценки свидетельских показаний // Психология и право. 2017. Т. 7, № 3. С. 17-26.

Формат 60х90/16. Гарнитура Times New Roman
Бумага офсетная.

Адрес страницы в сети Интернет: www.naupri.ru
Дата выхода в свет: 20.03.2026. Цена свободная.

© Авторы статей, 2026

© Редакция научного журнала «Наука через призму времени», 2026
E-mail: nau-pri@naupri.ru

ISSN 2541-9250

9 772541 925005 >